научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

Издатель
ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

http://sthb.petrsu.ru/

№ 1(1). Декабрь, 2013

Главный редактор
Ю. М. Килин

Редакционный совет
В. Вамбхейм
Н. В. Дранникова
Ю. Корпела
К. Кроо
И. И. Муллонен
А. Л. Топорков
М. Юнггрен

Редакционная коллегия
В. Н. Захаров
В. А. Исаков
А. А. Котов
С. М. Лойтер
Л. П. Михайлова
А. М. Пашков
А. В. Рожкова
И. Р. Такала
С. Н. Чернов
И. А. Чернякова
Н. Г. Шарапенкова

Службы поддержки
А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN **-******

Адрес редакции
185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrsu.ru
http://sthb.petrsu.ru/

© ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет», 2013

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

Содержание № 1. 2013.

ИСТОРИЯ

Толстиков А. В. **Честь покойного монарха как предмет дипломатического спора: эпизод из истории российско-шведских отношений XVII В.** 4 - 18

Килин Ю. М. **Социокультурный портрет командира Красной Армии — участника советско-финляндской войны 1939—1940 гг.** 19 - 27

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Яровой Г. О. **Парадипломатическая деятельность как инструмент регионального развития: к постановке вопроса** 28 - 41

ПОЛИТОЛОГИЯ

Цумарова Е. Ю. **Европейский дискурс в политике идентичности Республики Карелия** 42 - 52

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Ранникко П., Кортелайнен Я. **Шоковая терапия на границе российской Карелии — постсоциализм в двух лесопромышленных поселках** 53 - 72

Милюкова И. А., Хохлов Э. В. **Трудовая занятость подростков как фактор социальной безопасности: опыт социологического исследования** 73 - 83

Романовская И. В. **Вспомогательная школа (särskola) в системе образовательных учреждений Швеции** 84 - 86

ФИЛОЛОГИЯ

Бабалык М. Г. **Проблемы идентификации северно-русских рукописных памятников вопросно-ответного жанра типа «Беседы трех святителей»** 87 - 94

Лызлова А. С. **Сказочник Ф. П. Господарев: петрозаводский период жизни** 95 - 101

Минеева И. Н. **Остров Готланд в русской литературе xx века: топика, мифология, поэтика** 102 - 109

Данилова И. Л. **Диалог культур на театральной сцене (русская классика в театрах Стокгольма и Гётеборга)** 110 - 120

Абрамова О. Г. **Социально-политический фокус рецепции творчества В. Маяковского в Швеции (1970-Е ГГ.)** 121 - 126

Сафрон Е. А. **Образ тролля в скандинавской литературной сказке** 127 - 130

Маташина И. С.	**Шведский язык в мире: обзор деятельности организаций**	131 - 139
Ерофеева Д. П., Маркова Н. В.	**Однокоренные синонимы — названия растений в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей»**	140 - 148

ЭКОНОМИКА

Исаков В. А., Волк Д. О.	**Анализ программного бюджета Республики Карелия с целью определения приоритетов финансирования приграничного сотрудничества**	149 - 157

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Оленина Т. Ю.	**Административная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений**	158 - 161

Рецензии

Данилова И. Л.	**Рец. на кн.: Magnus Ljunggren. Poesi och psykiatri — 16 essäer om det förra sekelskiftets ryska symbolistkultur. Stockholm: Carlssons Bokförlag, 2012. [Магнус Юнггрен. «Поэзия и психиатрия — 16 эссе о культуре русских символистов предыдущего рубежа веков»]**	162 - 165
Килин Ю. М.	**Рецензия на кн.: Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. (Эльвенгрен Э., Лайдинен Э. П. Шпионаж за восточной границей. Деятельность разведки Генерального штаба финской армии в Советской Карелии в 1918—1939 гг.).**	166 - 173
Яровой Г. О.	**Рецензия на кн.: The EU-Russia borderland: new contexts for regional cooperation / edited by H. Eskelinen, I. Liikanen, J. W. Scott. N. Y. : Routledge, 2013. 238 p.**	174 - 178

Хроника научных мероприятий

Яровой Г. О.	**Еврорегион «Карелия» в европейской повестке дня**	179 - 182

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 327:94(47+485)"16"

Честь покойного монарха как предмет дипломатического спора: эпизод из истории российско-шведских отношений XVII В.

ТОЛСТИКОВ Александр Владимирович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории стран Северной Европы,
Петрозаводский государственный университет,
исторический факультет,
Петрозаводск, a_tolstikov@mail.ru

Ключевые слова:
Россия
Швеция
XVII век
дипломатия
споры о титулах

Аннотация:
В статье рассматривается один из аспектов проблемы титулов в отношениях между Россией и Швецией в 1640—1650-е гг. — спор о правомерности употребления формулы «блаженные памяти» (Sahlig uthi åminnelse) в официальной документации только при упоминании усопших православных царей (в данном случае — Михаила Федоровича). Настаивавшие на этом российские дипломаты допускали использование по отношению к покойным шведским правителям (Густаву II Адольфу) лишь калькированных формул «высокославные памяти» (Högloflig uthi åminnelse) либо «славы достоинеишии памяти» (Glorwärdigst uthi åminnelse). Прослежен ход переговоров и проанализированы стратегии аргументации обеих сторон. Показано, что в то время как русские стремились всеми способами закрепить символическое превосходство своих монархов и тем самым утвердить их исключительное право на посмертное вечное блаженство, стратегия шведов, прежде всего, состояла в отстаивании формального равноправия в отношениях с восточным соседом.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Систематическое изучение истории титулов московских государей было начато еще А. Б. Лакиером в 1840-х гг. [39]. Оно несколько приостановилось в советский период, поскольку, по понятным причинам, оказалось на периферии исследовательского интереса, что, впрочем, не означает отсутствия специальных работ по соответствующей проблематике, хотя они и создавались по большей части (хотя и не исключительно) за пределами СССР[1]. В последние же 15—20 лет эта тема переживает настоящий ренессанс и вновь привлекает активное внимание исследователей[2]. Очевидно, анализ изменений в титулатуре, а также рассмотрение перипетий дипломатических споров по поводу титулов и связанных с ними деталей словесного этикета вообще позволяет пролить свет на особенности российской политической культуры, особенно в эпоху Московского государства.

В настоящей статье[3] речь пойдет о российско-шведском дипломатическом споре 1640-х гг., возникшем во время переговоров о подтверждении Столбовского мирного договора (1617 г.) после восшествия на престол Алексея Михайловича. Спор касался правомерности употребления в официальных документах выражения «блаженные памяти» по отношению к покойным монархам —

отцам нового российского царя и шведской королевы Кристины: Михаилу Федоровичу и Густаву II Адольфу. Несмотря на то что этот сюжет может показаться маргинальным, он, на мой взгляд, весьма любопытен как пример столкновения двух фундаментально различных дипломатических стратегий, различных политических логик.

Все, по-видимому, началось с грамоты Алексея Михайловича, адресованной королеве Кристине и датированной 19 августа 1645 г.: в тексте Михаил Федорович последовательно именуется «блаженным отцом нашим», а Густав Адольф — «отцом вашим славные (или великославные) памяти»[4]. Эта тонкость не осталась незамеченной в Стокгольме. В ответном послании от имени королевы, датированном 12 декабря 1645 г., «блаженным» (шв. Sahlig) назван везде только Густав Адольф, в отношении же Михаила Федоровича — либо обоих монархов разом — используется выражение «высокославные памяти» (шв. Högloflig uthi åminnelsse)[5].

Собственно спор по указанному поводу разгорелся в 1646 г., когда в Стокгольм прибыло российское посольство во главе с Григорием Гавриловичем Пушкиным, привезшее подтвержденную грамоту от Алексея Михайловича на Столбовский договор[6]. В первых числах июня при сверке «образцов» текста ратификационной грамоты от имени королевы Кристины — привезенного послами и представленного «свейскими думными людьми» — выяснилось, что у обеих сторон имеются претензии друг к другу относительно написания монарших титулов. Послы возмутились тем, что в шведском тексте Михаил Федорович не назван «царем и всеа Руси самодержцем» и «имянованье» Алексея Михайловича «писано попросту коротким обычаем, а великим государем царем и великим князем Алексеем Михайловичем всеа Руси самодержцем нигде не написано». При этом Густав Адольф «написан с повышеньем»[7]. Как пояснили послы, «Густаву Адолфу королю в образцовом списке не написано велеможства, и в то место написано высокославные памяти, а вы прибавляете сверх мирного договору и вечного докончанья блаженнои второи…»[8].

В ответ шведы указали на аналогичные особенности русского варианта: «…в образцовом де вашем списку, какове быть королевине грамоте, государя их велеможнеишего Густава Адолфа короля свеиского и иных его королевского величества имянованье во всех статьях писано с умаленьем; велеможнеишим и свеиским и иных нигде не написано, а государя де вашего блаженнои памяти[9] великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца его царского величества имянованье писано с повышеньем: великии государь царь и великии князь Михаило Федорович всеа Руси самодержец, а государя де их славные памяти Густава Адолфа короля во всех статьях велеможство и свеискои и иных прописано…» Кроме того, в паре с полным титулом Алексея Михайловича часто используется краткий титул Кристины. Все это нарушает паритет в отношениях между двумя государями и их государствами [3; 341—342][10].

Таким образом, позиция шведской стороны обусловливалась стремлением дать «симметричный ответ». И именно поэтому в шведском варианте ратификационной грамоты по отношению к Густаву Адольфу была употреблена формула «блаженные памяти». Как заявил царским послам секретарь Юхан Монссон, «государыня де ж их королева ставит в великое подивленье, что великого государя вашего блаженные памяти пишут блаженною памятью, а отца де ее Густава короля пишут высокославною памятью. И королева де о том з думными своими людми говорила, чтоб отца ее Густава короля писать против государя вашего блаженною памятью» [3; 348].

Однако послы, ссылаясь на предшествующую практику, отказывались использовать это выражение по отношению к покойному королю. По их словам, такое словоупотребление оскорбляет царскую честь, его «государское достоинство». Не соглашались они и на предложение именовать как Густава Адольфа, так и Михаила Федоровича «великославной памяти великими государями» [3; 595об. — 600].

Шведы не без оснований усматривали в действиях российской стороны нарушение принципа паритета в дипломатических отношениях и тоже не желали уступать. Когда 11 июня русский и шведский переводчики занялись сверкой текстов очередного варианта грамоты, обнаружилось, что в шведском тексте в отношении Михаила Федоровича употреблена формула «великославные памяти», «а блаженные памяти во всех статьях почернено» [3; 636]. Последовал обмен прежними аргументами. В итоге послы пообещали «донести» царю, что шведская сторона недовольна «умаленьем» титула покойного короля, а секретарь Ю. Монссон сказал, что «привел» королеву к тому, чтобы Михаил Федорович был назван в шведской ратификационной грамоте «блаженной памяти великим государем» [3; 649 об. — 650].

Однако, как оказалось, той же чести удостоился и Густав Адольф: в грамоте от имени Кристины он именуется «высокопочтенным блаженным государем отцом славы достоинеишим памяти»

(Högstähradhe Salige Herr Fader glorwärdigst uthi åminnelse), а Михаил Федорович — «вашего царского величества государем отцом блаженнои памяти»[11]. Таким образом, в этот раз шведской стороне удалось добиться соблюдения формального равенства обоих монархов.

С возвращавшимися в Москву послами было также отправлено датированное 30 июня письмо Кристины, в котором выражается недовольство отсутствием формального паритета при параллельном употреблении титулов шведских и российских монархов («…меншие титлы неровно писаны»), но в то же время высказывается мнение, «что то учинилося больше просмотреньем в его царского величества приказе, нежели нарочно или умыслом». Формула «блаженные памяти» (в том числе и вместе с формулой «высокославные памяти») в тексте письма употреблена по отношению как к Михаилу Федоровичу, так и к Густаву Адольфу[12].

Но конфликт не был исчерпан. Во время очередных переговоров в Москве в сентябре — ноябре 1647 г. (шведское посольство возглавлял Эрик Юлленшерна)[13] шведам стало абсолютно ясно, что для российской стороны речь идет об особом статусе царей, который отнюдь не предполагает «терминологического паритета». Российские дипломаты настаивали на том, что выражение «блаженные памяти» может употребляться только по отношению к усопшим царям. Свою позицию они по-прежнему аргументировали существовавшим обычаем[14], однако переводчик посольского приказа Вольф Якобссон («Ульф Яковлев») в частной беседе (25 октября) сообщил шведским послам, что «это… было бы против их [русских] религии и совести — назвать отца ее королевского величества или кого-либо, исповедующего другую религию, блаженным» [19].

В ответ шведы не только постарались доказать, что Густав Адольф и раньше именовался «блаженным» в документах, принимавшихся российскими властями без возражений, но и отметили, что «его королевское величество исповедовал истинную христианскую веру, жил в этом мире по-христиански и похвально и затем во имя Господне блаженно и заслуженно почил; так что ни один христианин не может и не должен сомневаться в его королевского величества блаженстве, поскольку также ни один человек не должен осуждать другого» [8; 157—158], [25; 91]. То есть шведы всегда были готовы назвать Михаила Федоровича «блаженным» и тем самым признать его праведным христианином.

Русские, со своей стороны, попытались убедить шведов в том, что использование по отношению к усопшим царям выражения «блаженной памяти» не является признаком более высокого достоинства российских самодержцев. Как сообщается в отчете шведских послов, думный дьяк Назарий Чистой, даже заявил в ходе одной из встреч (27 октября), что по-русски «блаженный» (blasen*)* означает «божьего человека, который отказался от всех мирских забот, ходит меж людей почти нагой и босой; он не нищенствует, но принимает то, что другие соизволят подать ему; и то, что каждый получает сверх самого необходимого для поддержания своей жизни, делит среди других бедняков; сидит всегда возле церкви и днем и ночью молит Бога за страну…» [19]. Очевидно, российская сторона была готова любым способом добиться сохранения указанного различия в употреблении титулов усопших монархов. Неоднократно предлагавшееся шведами решение вопроса на основе полного отказа от использования выражения «блаженные памяти» постоянно отвергалось русскими.

В тексте грамоты, врученной шведским послам по окончании переговоров 1647 г., Густав Адольф именуется только великим государем «великославные памяти», а формула «блаженные памяти» употребляется исключительно по отношению к Михаилу Федоровичу. Как выясняется из статейного списка российских послов во главе с Борисом Ивановичем Пушкиным — которые в 1649 г. в Стокгольме тоже немало времени потратили на споры со «свейскими думными людьми» по поводу титулов (см. ниже), — шведы в 1647 г. не хотели принимать это «ответное письмо», где по-прежнему не соблюдался паритет при титуловании усопших монархов Швеции и России. Но после «справки» с продемонстрированным русскими экземпляром «вечного докончанья» шведские послы все-таки приняли грамоту. Один из участников этого посольства в Москву, Ларс Кантерстен (вызванный во время стокгольмских переговоров риксканцлером Акселем Оксеншерной специально для того, чтобы он рассказал, как было дело в Москве двумя годами ранее) заявил, что тогда они были русскими «приневолены»[15].

В 1649 г. спор разгорелся с новой силой. Российское посольство во главе с Б. И. Пушкиным обычно связывают в первую очередь с заключением договора о перебежчиках[16]. Хотя формально с российской стороны «началным главным делом», ради которого послы прибыли в Стокгольм, был вопрос об «умалении» царского титула: в тексте завершившего Тридцатилетнюю войну договора со Священной Римской империей и в новом шведском Таможенном уставе, которые были напечатаны в Швеции, царь именовался всего лишь «великим князем»[17]. Таким образом, проблема титулов с самого начала играла важную роль на переговорах 1649 г.

Здесь не место излагать все перипетии спора вокруг «умаленья» царского титула в «свейских печатных письмах». В конечном итоге шведам удалось убедить русских в том, что изменить текст договора с империей невозможно, поскольку он уже окончательно утвержден и для внесения каких бы то ни было дополнений и исправлений пришлось бы вновь собирать за одним столом дипломатов всех заинтересованных сторон. Что касается Таможенного устава, то шведы пообещали изменить текст в тех экземплярах издания, которые удастся «сыскать»[18]. Для нас в данном случае важно то, что именно в ходе споров по этому поводу вновь «всплыл» вопрос об употреблении формулы «блаженные памяти»[19].

Ознакомившись с претензиями русских по поводу именования царя «великим князем» в «печатных листах», шведы постарались не ограничиться объяснениями своей позиции, а ответить ударом на удар: в письме от 18 июня «свейские думные люди» отметили, что в документах с российской стороны титул королевы тоже нередко искажается или «умаляется» [4; 99—99 об.]. Густав Адольф и Михаил Федорович в этом шведском послании названы «великими государи высокославные памяти» [4; 96][20].

Данное выражение встречается в тексте письма лишь один раз, но на него моментально отреагировали российские послы. Подьячему Василию Старого, отправленному 20 июня к шведским переговорщикам, было велено, между прочим, заявить: «И в том ответном писме написано не против того, как годно писати обоих великих государей; блаженные памяти великии государь наш царь и великии князь Михаило Федорович всеа Руси самодержец его царьское величество написан просто, блаженные памяти в начале не написано, а великии государь ваш написан высокославные памяти велеможнеишии и высокорожденныи князь Густаф Адолф король свеискои его королевское величество. И блаженные памяти великому государю нашему его царскому величеству написано перед тем его государскому имяни с умаленьем» [4; 103—103 об.].

С этого момента и до самого окончания переговоров стороны периодически возвращались к обсуждению данного вопроса. Уступать никто не хотел. То и дело послы протестовали против употребления в представленных шведами документах формулы «блаженные памяти» по отношению к Густаву Адольфу. Обе стороны апеллировали к прецедентам: шведы напоминали о письме Кристины, отправленном Алексею Михайловичу в 1646 г. с посольством Г. Г. Пушкина, русские — об ответе, полученном в 1647 г. в Москве посольством Э. Юлленшерны (см. выше). Ссылались на Столбовский договор, однако выяснилось, что если в «посолскои договорнои росписи свеиских послов» и в ратификационной грамоте Густава Адольфа, как заявляли шведы, усопшие к тому времени монархи — и российские, и шведские — именуются «блаженной памяти великими государями», то, по словам русских, у них в текстах договорной записи и подтвержденной грамоты Михаила Федоровича эта формула применяется исключительно по отношению к царям [4; 121—122, 162 об. — 164 об., 462 об. — 467].

Здесь действительно имела место некоторая неточность перевода. В списках договорной записи российских послов Иван Васильевич и Федор Иванович, а также Борис Годунов, нередко называются «блаженные и высокославные памяти великими государями», шведские усопшие монархи — лишь государями «высокославные памяти» [1; 21 об. — 22, 32, 41—41 об.]. При этом в русских переводах шведской договорной записи сначала по отношению к одному Карлу IX, а затем по отношению к нему же вместе с Юханом III употреблено выражение «крестьянские и высокославные памяти» [1; 81—81 об., 118—119]. Но в оригинальном шведском тексте только в первом случае на самом деле написано «christeligh och höghlåffligh i åminnelse», во втором же — «salige och höglofflige i åmminnelsse», т. е. не «крестьянские», а именно «блаженные и высокославные памяти» [27; 242, 255—256]. Чем бы ни была вызвана указанная неточность, можно, по-видимому, констатировать, что русские и в 1617 г. избегали упоминаний о «блаженстве» шведских королей.

Заметим, однако, что, с другой стороны, не менее часто в Столбовском договоре покойные монархи обеих стран именуются просто «прежними бывшими великими государями» [1; 5—5 об., 83 об., 84 об. — 85]. То есть отсутствие формулы «блаженные памяти» при упоминании покойных царей, видимо, не считалось в 1617 г. «умаленьем» царского «имянованья». Между тем, когда в сентябре 1649 г. российские послы получили от «свейских думных людей» письмо, в котором говорилось о «бывшем великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Руси самодержце», они поспешили выразить свой протест по этому поводу: «…в том ответном писме написано непопригожу… в начале к его государскому имянованью блаженные памяти не написано… [4; 635, 641—641об.].

На стокгольмских переговорах опять возник вопрос о религиозной подоплеке позиции русских. Шведская сторона напрямую связывала отказ именовать Густава Адольфа «блаженные памяти великим государем» с отношением православных к протестантам и вообще к иноверцам. Так, 3 июля шведы заявили, что «они де думные люди почитают их [русских] православными християны, а толко де будет и

они их почитают християны ж, и християнских де обоих великих государеи, как великого государя вашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца, так и велеможного государя их Густава Адолфа короля свеиского, надобного писать блаженною памятью, а во всех де християнских государствах ведетца так не толко что великих государеи цареи или королеи християнских от жития сего отшедших имянуют блаженными, но и простых людеи во християнстве от жития сего отшедших называют блаженными, и в том де слове, что писати блаженным, государскои чести повышенья и умаленья никакова не будет; а по указу де королевина величества им думным людем велено с ними царского величества великими послы говорити о том, чтоб они писали их велеможного государя Густава Адолфа короля против того, как они пишут великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца блаженною памятью для того, ведомо де королевину величеству учинилось от московские печатные книги, что в тои на их веру напечатана укоризна болшая[21], и королевино величество хочет про то ведать подлинно, как они их почитают, християны ли их называют или неххристияны». В ответ «послы говорили, что они неххристияны их [шведов] не называют, а присланы… не о вере говорить» [4; 172—173][22].

Однако в первую очередь шведская сторона апеллировала к необходимости соблюдать принцип равенства в отношениях сторон. Например, в ходе встречи 4 сентября «свейские думные люди» заявили, что не согласятся на то, «чтоб царского величества имянованье увысить, а королевина величества имя унизить, и тому де николи не бывать, чтоб ровные чести не писать» [4; 591 об.]. 20 октября шведский секретарь «Петр Коет» говорил послам: «…в вечном докончанье написано, что обоим великим государем друг другу лутчего искати, и то де лутчее, что обоим великим государем ровная честь воздават». Однако послы на это ответили, «что сверх тое чести, которая написана в вечном докончанье государю их королевскому величеству, учинити им царского величества великим послом не мочно, потому что то вечное докончанье обои великие государи душами своими крестным целованьем закрепили; и толко что мимо того вечного докончанья прибавить или убавить, и тем на их государские души навести грех» [4; 901 об. — 902].

Возможно, шведская и российская стороны вообще по-разному воспринимали проблему титулов как таковую. В самом начале переговоров, в июне 1649 г., королева в личном письме (за ее собственноручной подписью, но без «приписей» «думных людей») упрекала послов за то, что они «те ненадобные споры о титлах учали вчинать», тогда как «есть такие и опричь того иные и болши печали…» [4; 147 об. — 148 об.]. (Послы, разумеется, заявили в ответ, что «то великое дело о государскои чести о титлах» назвать «ненадобным спором» может лишь тот, «хто ищет меж великими государи нелюбье и недружбу чинити…» [4; 158].)

Следует иметь в виду, что к середине XVII в. у Швеции был опыт разрешения титулатурного спора со своим извечным противником — Данией — на принципах, которые едва ли могли бы быть в то время применены в отношениях с Россией. По Кнередскому миру 1613 г. Густав Адольф и его потомки получили право на упоминание в своем титуле северной области Норланд и живущих там лопарей-саамов — с тем, однако, условием, что это не будет рассматриваться как выражение притязаний шведской короны на власть над лопарями, проживающими в северных областях Норвегии и являющимися подданными датского короля. То есть соглашение определяло не возможность или невозможность употребления титула, а то, каким образом этот титул нужно трактовать. Тем же самым договором датскому монарху дозволялось использовать в государственном гербе три короны — традиционный символ Швеции (он сохранялся в датском гербе с эпохи Кальмарской унии 1397—1523 гг., объединявшей все три скандинавских государства). И в этом случае для улаживания спора оказалось достаточным договориться о том, что само по себе использование герба с тремя коронами не означает наличия у короля Дании претензий на Швецию [56; 104, 170—171].

Поскольку российские переговорщики всегда придавали огромное значение букве договора и проявляли чрезвычайную чувствительность к нюансам оформления дипломатических документов, разрешение титулатурного спора подобным способом кажется невероятным в контексте российско-шведских отношений середины XVII в. В то же время стоит подчеркнуть, что наличие нерешенных проблем и взаимных претензий не мешало российским и шведским дипломатам достигать соглашений друг с другом.

Вопрос об использовании в официальных документах формулы «блаженные памяти» напрямую не увязывался российской стороной с решением проблемы перебежчиков, которую шведы всегда рассматривали как приоритетную. Напомним также, что и в заявленном как «главное началное дело» вопросе об исправлении царского титула в «свейских печатных листах» послы добились удовлетворения лишь части своих требований. Последний, выражаясь современным языком, обмен дипломатическими

нотами по поводу употребления формулы «блаженные памяти» произошел уже после заключения 19 октября договора о перебежчиках[23]. 20 октября российские послы вернули шведам письма «о обидных делех» от 6 сентября и 17 октября, потребовав исправить в них «имянованье» Михаила Федоровича [4; 890 об. — 96 об.]. Не отреагировать на «умаленье» царского титула послы не могли, но предпочли сделать это после того, как было достигнуто соглашение. В ходе очередной дискуссии стороны повторили старые аргументы. Шведы (в письме от 22 октября) вновь заявили, что усопшие цари будут названы «блаженные памяти великими государями», только если русские начнут использовать ту же формулу в отношении Густава Адольфа [4; 896 об. — 906 об., 920—923 об., 925—925 об.]. Ответа от послов не последовало.

Больше об этой проблеме в материалах посольства Б. И. Пушкина не упоминается. 25 октября послы покинули Стокгольм. Стороны остались каждая при своем мнении. Никаких дополнительных соглашений относительно использования титулов, несмотря на предложения шведов, заключено не было.

Трудно сказать, продолжался ли данный спор открыто после 1650 г. Я не нашел в источниках соответствующих свидетельств. Однако не приходится сомневаться, что отмеченная тонкость в употреблении формул «блаженные памяти» и «высокославные памяти» сохраняла свое значение и на нее обращали внимание. Ярким примером в этом отношении является текст грамоты Карла X Густава от 30 июня 1655 г. с подтверждением Столбовского договора. Михаил Федорович здесь везде последовательно именуется «Sahlig uthi åminnelße», а Густав II Адольф — «glorwärdigst uthi åminnelße» либо «Högloflig uthi åminnelße», но притом с добавлением (правда, не абсолютно во всех случаях, но в их подавляющем большинстве) «wår (Högstährade/Kongl. Maij:tz) Sahlige Morbroder», т. е. «наш (высокопочтенный / королевского величества) блаженный дядя»[24], точно как в процитированной выше грамоте королевы Кристины 1646 г. (см. сноску 11) [12]. То есть о «блаженстве» Густава Адольфа все же упоминается.

Кроме того, вообще в материалах переговоров середины 1650-х гг. Михаил Федорович упоминается в шведских оригиналах обычно только как «högloflig i åminnelse» (либо вообще без этой формулы), причем в русских переводах указанное выражение везде аккуратно передается как «высокославные памяти». С другой стороны, естественно, в подготовленных российскими дипломатами документах по отношению к покойному отцу Алексея Михайловича используются исключительно слова «блаженные памяти» [7; 11, 28, 29, 33, 43, 73]. В общем, отмеченные расхождения в формулировках никуда не исчезли, но признаков открытого спора, каких-то протестов с той или иной стороны именно по этому поводу в документах 1650-х гг. не обнаружено.

Правда, в тот период для шведских и российских дипломатов гораздо актуальнее и важнее была иная, более острая титулатурная проблема — расширение титула Алексея Михайловича в связи с территориальными приобретениями в результате войны с Речью Посполитой. Одним из камней преткновения в этом споре — но не единственным! — было появление в царском титуле слов «и Белыя Росии / России»[25]. В тех условиях, вероятно, вопрос о том, как упоминать в официальных документах усопших монархов, отступил на второй или даже третий план.

Но вот в шведском переводе грамоты российских послов от 5 апреля 1662 г. по отношению к Михаилу Федоровичу везде употреблено выражение «högloflig i åminnelse» [20; 139v], тогда как в русском тексте в соответствующих местах стоят слова «блаженные памяти» [21]. Видимо, мы не слишком ошибемся, если предположим, что к 1662 г. вопрос так или иначе потерял свою былую актуальность. По крайней мере, шведский переводчик, судя по всему, не видел здесь проблемы и переводил свободно.

Возможно, свою роль здесь сыграла 2-я статья нового (заменившего прежний Столбовский), Кардисского договора между Россией и Швецией (1661 г.). По ней признание титулов, используемых каждой из сторон, должно было стать автоматическим [26; Ajv], [6; 535], [16]. Характерно, что как раз на положения этого договора и предшествовавшего ему Валиесарского перемирия (1658 г.), где уже содержалась соответствующая норма [6; 470], [13], [14], [15][26], сослался в вопросе о титулах российского и шведского монархов и Григорий Котошихин — знаменитый автор самого подробного и авторитетного из дошедших до нас комментариев современников относительно практики написания титулов в московском Посольском приказе: «Зри против того в Валиэсарском и в Кардиском договорех: чтоб обоих великих государей титлы, с обе стороны, воздаваны были по их государскому достоинству, как они сами себя описуют» [5; 38].

И тем не менее рассмотренная традиция, несмотря на некоторые отступления от нее, не ушла окончательно в прошлое, хотя, кажется, уже не становилась предметом дипломатических споров. Так, в

ратификационной грамоте Карла XII от 1 февраля 1699 г. с подтверждением Кардисского и Плюсского (1666 г.) договоров про умерших к тому времени Карла XI и Алексея Михайловича сказано соответственно «Glorwijrdigst i åminnelse» и «Höglåflig i åminnelse» [17]. Казалось бы, тема закрыта. Однако в аналогичной грамоте Петра от 20 ноября того же года по отношению к покойному шведскому королю последовательно используются лишь слова «высокославные памяти», тогда как по отношению к Алексею Михайловичу — во всех случаях — «блаженные памяти» [18].

Таким образом, в рассмотренном нами дипломатическом споре второй половины 1640-х гг. о том, в какой форме следует воздавать честь покойным монархам России и Швеции, стратегия российской стороны была направлена на утверждение символического превосходства царей над шведскими королями. Поэтому было важно создать соответствующий прецедент, который впоследствии мог бы быть использован уже в качестве аргумента. Притом что шведские дипломаты хорошо понимали правила этой игры, их стратегия все же состояла в отстаивании формального равноправия, паритета в отношениях с восточным соседом.

Отмечу также в заключение «несимметричность» восприятия обеими сторонами вероисповедания друг друга: шведы были готовы без долгих обсуждений и раздумий признать в официальной переписке за православным царем равные с лютеранским королем шансы на вечное блаженство (хотя богословские претензии лютеран к православным, конечно, оставались в силе), в то время как, с точки зрения русских дипломатов, признание такого равенства православного и лютеранского государей перед лицом Господа могло представляться проблемой.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь необходимо прежде всего отметить исследования В. Водова, А. Поппэ и М. Шефтеля, а также Г. Алефа, Дж. Джираудо, Г. Штёкля (см. ссылки на статьи всех перечисленных авторов в: [49; 6—7, 58—59, 63—64], И. Й. Илиевой [35] и др. Наиболее известные тексты Г. Алефа и В. Водова (в русском переводе) плюс принципиально важные с точки зрения изучения титулатуры работы историка-эмигранта А. В. Соловьёва (об эволюции терминов «Великая Русь», «Малая Русь» и «Белая Русь») и А. Золтана (об истории русского термина «государь») были сравнительно недавно переизданы:[31], [32], [33], [34], [47].

[2] См. в первую очередь первое в историографии монографическое исследование А. И. Филюшкина по истории титулатуры российских правителей (до XVI в. включительно): [49]. Там же см. литературу вопроса. В дополнение к указанным в монографии А. И. Филюшкина работам отмечу также публикации: [29], [30], [37], [40], [42], [43], [44], [45], [46], [53].

[3] Предварительные выводы данного исследования были ранее опубликованы в виде тезисов: [46].

[4] См. список грамоты: [2; 28—37 об.].

[5] Шв. текст: [28;. 1—5]; рус. пер.: [2; 52—62].

[6] См. об этих переговорах: [51; 369—370]. О торговых аспектах: [54; 90—97]. Оригинал привезенной послами ратификационной грамоты Алексея Михайловича хранится в Государственном архиве Швеции [10].

[7] См. «отписку» послов, отправленную ими в Москву по прибытии в Печоры 21 июля (список): [3; 338—338 об., 339 об].

[8] См. список статейного списка: [3; 560].

[9] Любопытно отметить, что даже при пересказе речи шведских переговорщиков (но, конечно, не в переводе грамот) послы, как правило, использовали по отношению к покойному российскому царю выражение «блаженной памяти», а по отношению к королю Густаву Адольфу — «высокославной

памяти». Точно так же обстоит дело и в материалах других российских посольств, рассматриваемых ниже.

[10] В привезенном послами из Москвы «образце» ратификационной грамоты от имени Кристины (см. список: [3; 210—236]) шведская королева действительно именуется полным титулом реже, чем Алексей Михайлович.

[11] Шв. текст: [28; 16—23]; рус. пер.: [3; 751—768 об.].

[12] См. рус. пер.: [3; 782—787].

[13] См. об этих переговорах: [52; 506—508]. О торговых аспектах: [54; 97—106].

[14] Вопрос о титуле был поднят 23 октября. См.: [19].

[15] См. список статейного списка: [4; 169—171 об., а также 467—470, 903—904].

[16] Об этих переговорах см.: [36]. О торговых аспектах: [54; 107—120].

[17] См. список наказа послам: [4; 51—55 об.].

[18] См. список статейного списка: [4; 175 об. — 176, 179 об. — 180 об., 200 об. — 201, 859 об. — 862, 925 об. — 926].

[19] Излишне напоминать, что в материалах российского посольства Густав Адольф с самого начала и систематически именуется максимум «высокославные памяти» государем (если только речь не идет о переводе шведских грамот).

[20] В тексте буквально говорится о договоре между «обоими великими государи высокославные памяти велеможнеишего высокорожденного князи и государя Густава Адольфа короля Свеиского его королевского величества и великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца его царского величества…». Судя по всему, выражение «высокославные памяти» здесь относится к обоим монархам. Однако российские послы восприняли эту формулу как относящуюся к одному лишь Густаву Адольфу (см. ниже).

[21] Речь в данном случае идет о так называемой «Кирилловой книге» (по имени Кирилла Иерусалимского, которому приписывалось авторство). В окончательном своем виде она возникла в обстановке прений о вере, связанных с известными переговорами о браке датского принца Вальдемара и дочери Михаила Федоровича Ирины. «Кириллова книга» содержала отрывки из православных полемических сочинений и была опубликована в Москве в 1644 г. См. о ней и обстоятельствах ее создания: [41; 212—243]. Там же см. ссылки на литературу об этих российско-датских переговорах и прениях о вере.

[22] См. также [22]. Свой протест по поводу «Кирилловой книги» шведы выражали повторно 20 и 22 октября: [4; 918об. — 920, 926—927], [23]. Кроме того, см. в публикации К. И. Якубова, который издал ряд фрагментов статейного списка посольства 1649 г.: [9; 260].

[23] Содержание договора не предполагало постоянного параллельного упоминания Михаила Федоровича и Густава Адольфа: [6], [11], [24].

[24] Мать Карла Густава Катарина Карлсдоттер Васа была сестрой Густава Адольфа, который, таким образом, приходился ему дядей по матери.

[25] Как отметили 23 декабря 1655 г. участники переговоров с российской стороны: «А в государеве имяноване и титлах свеиские послы не говаривали Белыя России и великого князя литовского и волынског[о], и подолского, и витебского, и мстисловского и многих государств и земель

восточных и западных и северн[ых], отчича и дедича и наследника и государя и облаадателя. И бояре о том послом выговарива[ли], для чего они, послы, царского величест[ва] в ыменоване и в титле многово не г[о]ворили» [7; 24]. См. о том же и в других документах этих российско-шведских переговоров: [7; 13, 20—21, 40, 41, 54—56 (введение С. Дальгрена к публикации материалов из Государственного архива Швеции), 75—77, 80—83, 88—89, 90—93, 97—98, 101, 103, 107, 109—110, 113—114, 117—118]. Об упомянутом титулатурном споре в контексте истории российской дипломатии 1650-х гг. см. прежде всего новейшие исследования: [38]; [50; 49—50] (в этой же работе см. ссылки на весьма богатую литературу о российско-шведских отношениях 1650-х гг. вообще). Об истории элементов, вошедших в царский титул в 1654 («всея Великая и Малая Росии/России») и 1655 («и Белыя Росии / России») гг., см.: [55], [47] [37; 111—116].

[26] Кстати, в последнем случае (это шведский текст перемирия в составе ратификационной грамоты регентского правительства от 25 августа 1660 г.) по отношению к покойному королю Карлу X Густаву не использованы ни формула «sahlig i åminnelse», ни формула «högloflig i åminnelse». Сказано только, что он был «велеможнейшим, высокорожденным князем и государем» и т. д. «прежде» (fordom).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Кн. 14.

2. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 22.

3. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 23.

4. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 27.

5. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. СПб., 1906. XXXVI, 214 с.

6. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Собр. 1 : с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1 : 1649—1675. XXXI, 1029 с. (URL: http://www.runivers.ru/lib/book3130/9809/, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

7. Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. 579 с.

8. Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке / ред. И. П. Шаскольский. М., 1981. Вып. 1. 187 с.

9. Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века : сб. материалов, извлеченных из Московского главного архива министерства иностранных дел и Шведского государственного архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616—1651 годах. М., 1897. X, 493 с.

10. Riksarkivet, Stockholm (RA). Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 7. (URL: http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000023, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

11. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 8. (URL: http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000599, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

12. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 9. (URL: http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000607, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

13. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. E. (URL: http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000630, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

14. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. G*. (URL: http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000632, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

15. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. H*. (URL: http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000633, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

16. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 13. (URL: http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000640, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

17. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 19. (URL: http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000652, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

18. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 20. (URL: http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000655, свободный. Дата обращения: 11.15.2013.)

19. RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 36.

20. RA. Muscovitica. Vol. 69.

21. RA. Muscovitica. Vol. 72.

22. RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 633.

23. RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 634.

24. Contract emellan The Konglige Swenske Commissarier, och The Tzariske Sendebudh ifrå Ryszland om Öfwerlöpare. Som giord och uprättadh bleff uthi Stockholm Den 19. Octobris, Anno 1649. Stockholm: Henrich Keyser, 1649. 14 s.

25. Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Ryssland under 1600-talet: Dokument ur svenska arkiv. Stockholm: Vitterhets-, historie- och antikvitetsakademien, 1978. XII, 299 s.

26. Ewigh Fredzfördragh Emillan Swerige och Ryszland. Oprättadt uppå Tractatz-Orten Kardis then 21 Dagh uthi Junij Månadt Åhr 1661. Götheborg: Amund Grefwe, 1662. 28 s.

27. Sveriges traktater med främmande makter jämte andra dit hörande handlingar / Utg. av O. S. Rydberg och C. Hallendorff. Stockholm: Norstedt, 1903. D. 5. H. 1. 1572—1632. 870 s.

28. Sveriges traktater med främmande makter jämte andra dit hörande handlingar / Utg. av C. Hallendorff. Stockholm; Leipzig; Paris: Norstedt, 1915. D. 6. Förra hälft. 1646—1648. 466 s.

ЛИТЕРАТУРА

29. Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. : к истории формирования русской государственной символики. М., 2005. 462 с.

30. Агоштон М. Титул московского государя и информация о нем Сигизмунда Герберштейна // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2007. Вып. 12. С. 127—137.

31. Алеф Г. Политическое значение надписей на московских монетах эпохи Василия II // Из истории русской культуры / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. Т. 2. Кн. 1 : Киевская и Московская Русь. С. 591—609.

32. Водов В. Замечания о значении титула ‘царь’ применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Там же. С. 506—542.

33. Водов В. Титул ‘царь’ в северо-восточной Руси в 1440—1460 гг. и древнерусская литературная традиция // Там же. С. 543—553.

34. Золтан А. К предыстории русск. «государь» // Там же. С. 554—590.

35. Илиева И. Й. Владетельский титул Московских великих князей (с середины XV до первой четверти XVI века) // Bulgarian historical review. 1984. № 2. P. 75—87.

36. Кан А. С. Стокгольмский договор 1649 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1956. Вып. 1. С. 101—117.

37. Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. 152 с.

38. Кобзарева Е. И. Дипломатический этикет и диалог в условиях подготовки к войне и разрыва дипломатических отношений: шведское посольство в Москве в 1655—1656 гг. / Е. И. Кобзарева, Г. М. Коваленко // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы 14-й ежегодной междунар. конф. СПб., 2013. С. 70—8.

39. Лакиер А. История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Ч. 56. Отд. 2. № 10. С. 81—108; № 11. С. 109—156.

40. Назаров В. Д. Великий князь Московский: «господин» удельных князей или их «господарь»? : (полемические заметки) // Восточная Европа в древности и Средневековье : автор и его источник : восприятие, отношение, интерпретация : XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 14—17 апреля 2009 г. : материалы конф. М., 2009. С. 236—243.

41. Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. 431 с.

42. Пчелов Е. В. «...И всея Северные страны повелитель» : элемент царского титула и его геральдическое «воплощение» // Гербовед. 2006. № 90. С. 113—119.

43. Пчелов Е. В. Образы Сибири в символике власти дореволюционной России // Сибирские чтения в РГГУ : альманах. Вып. 2. М., 2007. С. 78—121. (URL: http://www2.rsuh.ru/binary/61682_83.1202300321.14217.pdf, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

44. Пчелов Е. В. Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI — начала XX века. Нальчик, 2007. 86 с.

45. Пчелов Е. В. Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания : материалы XX Междунар. науч. конф. М., 2008. Ч. 1. С.

121—136. (URL: http://kogni.ru/text/titul.pdf, свободный. Дата обращения: 15.11.2013.)

46. Пчелов Е. В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // Российская история. 2010. № 1. С. 3—16.

47. Соловьёв А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Из истории русской культуры / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. Т. 2. Кн. 1 : Киевская и Московская Русь. С. 479—495.

48. Толстиков А. В. Честь покойного монарха как предмет дипломатического спора : эпизод из истории шведско-русских отношений // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV — первой трети XVIII века : Третья междунар. науч. конф. цикла «Иноземцы в Московском государстве», посв. 200-летию музеев Московского Кремля, 19—21 окт. 2006 г. : тезисы докл. М., 2006. С. 129—132.

49. Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М. ; СПб., 2006. 255 с.

50. Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655—1661 гг.). М., 2010. 656 с.

51. Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // Журнал министерства народного просвещения. 1891. № 6. С. 348—375.

52. Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). СПб., 1894. Т. 2 : Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (30-летняя война). VIII, 630 с.

53. Хорошкевич А. Л. Отражение представлений о регионах государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004. S. 102—127.

54. Шаскольский И. П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1998. 316 с.

55. Белы А. Хроніка «Белай Русі»: Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000. 238 с.

56. Eng T. Det svenska väldet: Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till Bernadotte. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2001. 484 s.

REFERENCES

ARCHIVAL AND PRINTED PRIMARY SOURCES

1. Russian State Archives of Ancient Acts (RSAA) [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. RGADA]. Fund 96. Opis’ 1. Kniga 14.

2. RSAA. Fund 96. Opis’ 1. Kniga 22.

3. RSAA. Fund 96. Opis’ 1. Kniga 23.

4. RSAA. Fund 96. Opis’ 1. Kniga 27.

5. Kotoshikhin G.K. On Russia during the Reign of Alexey Mikhailovich: Writing by Grigoriy Kotoshikhin [O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha: Sochinenie Grigoriya Kotoshikhina]. 4th ed. Saint-Petersburg, 1906. XXXVI, 214 p.

6. Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii]. Saint-Petersburg, 1830. Collection 1. Since 1649 until December 12, 1825 [Sobranie 1. S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda]. Vol. 1. XXXI, 1029 p. (http://www.runivers.ru/lib/book3130/9809/). Accessed 15.11.2013.

7. Russian and Ukrainian Diplomacy in the European International Relations in the Middle of the 17th Century [Russkaya i ukrainskaya diplomatiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v Evrope serediny XVII v.]. Moscow, 2007. 579 p.

8. Economic Relations between Russia and Sweden in the 17th Century [Ekonomicheskie svyazi mezhdu Rossiey i Shvetsiey v XVII veke], ed. by I.P. Shaskol'skiy. Moscow, 1981. Issue 1. 187 p.

9. Yakubov K.I. Russia and Sweden in the First Half of the 17th Century: Collection of Materials Extracted from the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs and the Swedish State Archives, and Pertaining to the History of Mutual Relations of Russia and Sweden in 1616—1651 [Rossiya i Shvetsiya v pervoy polovine XVII veka: Sbornik materialov, izvlechennykh iz Moskovskogo glavnogo arkhiva ministerstva inostrannykh del i Shvedskogo gosudarstvennogo arkhiva i kasayushchikhsya istorii vzaimnykh otnosheniy Rossii i Shvetsii v 1616—1651 godakh]. Moscow, 1897. X, 493 p.

10. Riksarkivet, Stockholm (RA). Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 7. (http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000023). Accessed 15.11.2013.

11. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 8. (http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000599). Accessed 15.11.2013.

12. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 9.

(http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000607). Accessed 15.11.2013.

13. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. E. (http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000630). Accessed 15.11.2013.

14. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. G*. (http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000632). Accessed 15.11.2013.

15. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 11. H*. (http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000633). Accessed 15.11.2013.

16. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 13. C. (http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000640). Accessed 15.11.2013.

17. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 19. (http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000652). Accessed 15.11.2013.

18. RA. Originaltraktater med främmande makter (traktater) 1526—1813. 2: Ryssland. Vol. 20. (http://sok.riksarkivet.se/bildvisning/R0000655). Accessed 11.15.2013.

19. RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 36.

20. RA. Muscovitica. Vol. 69.

21. RA. Muscovitica. Vol. 72.

22. RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 633.

23. RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 634.

24. Contract emellan The Konglige Swenske Commissarier, och The Tzariske Sendebudh ifrå Ryszland om Öfwerlöpare. Som giord och uprättadh bleff uthi Stockholm Den 19. Octobris, Anno 1649. Stockholm, 1649. 14 p.

25. Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Ryssland under 1600-talet: Dokument ur svenska arkiv. Stockholm, 1978. XII, 299 p.

26. Ewigh Fredzfördragh Emillan Swerige och Ryszland. Oprättadt uppå Tractatz-Orten Kardis then 21 Dagh uthi Junij Månadt Åhr 1661. Götheborg, 1662. 28 p.

27. Sveriges traktater med främmande makter jämte andra dit hörande handlingar, ed. by O. S. Rydberg och C. Hallendorff. Stockholm, 1903. D. 5. H. 1. 1572—1632. 870 p.

28. Sveriges traktater med främmande makter jämte andra dit hörande handlingar, ed. by C. Hallendorff. Stockholm-Leipzig-Paris, 1915. D. 6. Förra hälft. 1646—1648. 466 p.

SECONDARY SOURCES

29. Agoshton M. [Ágoston M.] The Grand Prince’s Seal of 1497: On the History of Formation of the Russian State Symbols [Velikoknjazheskaya pechat' 1497 g.: K istorii formirovaniya russkoy gosudarstvennoy simvoliki]. Moscow, 2005. 462 p.

30. Agoshton M. [Ágoston M.] Moscow Sovereign’s Title and Sigismund von Herberstein’s Information on It [Titul moskovskogo gosudarja i informatsiya o nyem Sigizmunda Gerbershteyna]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations]. 2007. Issue 12. P. 127—137.

31. Alef G. The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign of Vasili II [Politicheskoye znachenie nadpisey na moskovskikh monetakh epokhi Vasiliya II]. Iz istorii russkoy kultury [From the History of Russian Culture]. Ed. A. F. Litvina, F. B. Uspenskiy. Moscow, 2002. Vol. 2. Part. 1: Kievan and Muscovite Rus’ [Kievskaya i Moskovskaya Rus’]. P. 591—609.

32. Vodoff V. Remarks on Meaning of the Title ‘Tsar’ as Applied to Russian Princes before the Middle of the 15th Century [Zamechaniya o znachenii titula ‘tsar'’ primenitel'no k russkim knyaz'yam v epokhu do serediny XV veka]. Iz istorii russkoy kultury [From the History of Russian Culture]. Ed. A.F. Litvina, F.B. Uspenskiy. Moscow, 2002. Vol. 2. Part. 1: Kievan and Muscovite Rus’ [Kievskaya i Moskovskaya Rus’]. P. 506—542.

33. Vodoff V. Title ‘Tsar’ in North-East Russia in 1440—1460 and Old Russian Literary tradition [Titul ‘tsar'’ v severo-vostochnoy Rusi v 1440—1460 gg. i drevnerusskaya literaturnaya traditsiya]. Iz istorii russkoy kultury [From the History of Russian Culture]. Ed. A. F. Litvina, F. B. Uspenskiy. Moscow, 2002. Vol. 2. Part. 1: Kievan and Muscovite Rus’ [Kievskaya i Moskovskaya Rus’]. P. 543—553.

34. Zoltán A. On Prehistory of the Russian gosudar’ [K predystorii russk. «gosudar'»]. Iz istorii russkoy kultury [From the History of Russian Culture]. Ed. A.F. Litvina, F.B. Uspenskiy. Moscow, 2002. Vol. 2. Part. 1: Kievan and Muscovite Rus’ [Kievskaya i Moskovskaya Rus’]. P. 554—590.

35. Ilieva I. Y. Proprietary Title of Moscovite Grand Princes (Since the Middle of the 15th until the First

Quarter of the 16th Century) [Vladetel'skiy titul Moskovskikh velikikh knyazey (s serediny XV —do pervoy chetverti XVI veka)]. Bulgarian historical review, 1984, N 2. P. 75—87.

36. Kan A. S. Stockholm Treaty of 1649 [Stokgol'mskiy dogovor 1649 g.]. Skandinavskiy sbornik [Scandinavian Digest]. Tallinn, 1956. Issue 1. P. 101—117.

37. Kloss B. M. On the Origins of the Name ‘Rossiya’ [O proiskhozhdenii nazvaniya «Rossiya»]. Moscow, 2012. 152 p.

38. Kobzareva E. I., Kovalenko G. M. Diplomatic Etiquette and Dialog under Circumstances of War Preparation and Break of Diplomatic Relations: Swedish Embassy in Moscow, 1655—1656 [Diplomaticheskiy etiket i dialog v usloviyakh podgotovki k voyne i razryva diplomaticheskikh otnosheniy: shvedskoe posol'stvo v Moskve v 1655—1656 gg.]. Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy: Materialy Chetyrnadtsatoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii [Saint-Petersburg and the Nordic Countries: Papers of the 14th Annual International Conference]. Saint-Petersburg, 2013. P. 70—78.

39. Lakier A. History of the Title of Russian Sovereigns [Istoriya titula gosudarey Rossii]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of People’s Education]. 1847. Vol. LVI, Section II, № 10. P. 81—108; № 11. P. 109—156.

40. Nazarov V. D. The Grand Prince of Moscow: Gospodin over Apanage Princes or their Gospodar’? (Polemic Notice) [Velikiy knyaz' Moskovskiy: «gospodin» udel'nykh knyazey ili ikh «gospodar'»? (polemicheskie zametki)]. Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e: Avtor i ego istochnik: vospriyatie, otnoshenie, interpretatsiya: XXI Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 14—17 aprelya 2009 g.: Materialy konferentsii [Eastern Europe in Ancient Times and the Middle Ages: The Author and his Source: Perception, Attitude, Interpretation: The 21st Readings in Memory of the Corresponding member of the Soviet Academy of Sciences Vladimir Terent’evich Pashuto. Moscow, April 14—17, 2009: Papers of the Conference]. Moscow, 2009. P. 236—243.

41. Oparina T. A. Ivan Nasedka and Polemic Theology of the Kievan Metropolitanate [Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie kievskoy mitropolii]. Novosibirsk, 1998. 431 p.

42. Pchelov E. V. ‘…And the Master of All the Northern Climes’: An Element of the Tsar Title and its Heraldic ‘Embodiement’[«…I vseya Severnye strany povelitel'»: element tsarskogo titula i ego geral'dicheskoe «voploshchenie»]. Gerboved [Heraldist]. N 90. Moscow, 2006. P. 113—119.

43. Pchelov E. V. Images of Siberia in the Symbols of Power of Prerevolutionary Russia [Obrazy Sibiri v simvolike vlasti dorevolyutsionnoy Rossii]. Sibirskie chteniya v RGGU: Al'manakh [Siberian Readings at RGGU: Yearbook]. Issue 2. Moscow, 2007. P. 78—121. (http://www2.rsuh.ru/binary/61682_83.1202300321.14217.pdf). Accessed 15.11.2013.

44. Pchelov E. V. Kabardian Land in the Tsar Title and Russian State Heraldry of the 16th — early 20th Century [Kabardinskaya zemlya v tsarskom titule i russkoy gosudarstvennoy geral'dike XVI — nachala XX veka.]. Nalchik, 2007. 86 p.

45. Pchelov E. V. The Object Title of Russian Sovereigns: Features of the Structure and Formation Principles [Ob"ektnyy titul russkikh gosudarey: osobennosti struktury i printsipy formirovaniya]. Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny – istochnikovedenie – metodologiya istorii v sisteme gumanitarnogo znaniya: Materialy XX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Auxiliary Historical Disciplines — Source Studies — Methodology of History within the System of Humanities: Papers of the 20th International Scholar Conference]. Moscow, 2008. Vol. 1. P. 121—136. (http://kogni.ru/text/titul.pdf). Accessed 15.11.2013.

46. Pchelov E. V. The Territorial Title of Russian Sovereigns: Features of the Structure and Formation Principles [Territorial'nyy titul rossiyskikh gosudarey: struktura i printsipy formirovaniya]. Rossiyskaya istoriya [Russian History]. 2010. № 1. P. 3—16

47. Solov’ev A. V. Great, Little and White Rus’ [Velikaya, Malaya i Belaya Rus’]. Iz istorii russkoy kultury [From the History of Russian Culture]. Ed. A. F. Litvina, F. B. Uspenskiy. Moscow, 2002. Vol. 2. Part. 1: Kievan and Muscovite Rus’ [Kievskaya i Moskovskaya Rus’]. P. 479—495.

48. Tolstikov A. V. Deceased Monarch's Honour as the Subject of Diplomatic Dispute: an Episode of the Russo-Swedish Relations [Chest' pokoynogo monarkha kak predmet diplomaticheskogo spora: epizod iz istorii shvedsko-russkikh otnosheniy]. Reprezentatsiya vlasti v posol'skom tseremoniale i diplomaticheskiy dialog v XV — pervoy treti XVIII veka: Tret'ya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya tsikla «Inozemtsy v Moskovskom gosudarstve», posvyashchennaya 200-letiyu Muzeev Moskovskogo Kremlya. 19—21 oktyabrya 2006 goda: Tezisy dokladov [Power Representation in Embassy Ceremonial and Diplomatic Dialog in the 15th — the First Quarter of the 18th Century: The Third Annual Scholar Conference in the Series “Foreigners in Muscovite State” devoted to the 200th Anniversary of the Moscow Kremlin Museums. October 19-21, 2006: Paper Abstracts]. Moscow, 2006. P. 129—132.

49. Filyushkin A. I. The Titles of Russian Sovereigns [Tiluly russkikh gosudarey]. Moscow—Saint-Petersburg, 2006. 255 p.

50. Florya B. N. Russian State and its Western Neighbours (1655—1661) [Russkoye gosudarstvo i ego zapadnye sosedi (1655—1661 gg.)]. Moscow, 2010. 656 p.

51. Forsten G. V. Sweden’s Relations with Russia during the Reign of Christina [Snosheniya Shvetsii s Rossiey v tsarstvovanie Khristiny]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of People’s Education. 1891. N 6. P. 348—375.

52. Forsten G. V. The Baltic Question in the 16th and 17th Centuries (1544—1648) [Baltiyskiy vopros v XVI i XVII stoletiyakh (1544—1648)]. Saint-Petersburg, 1894. Vol. 2. Sweden’s Struggle against Poland and the Habsburg House (the Thirty Years War) [Bor'ba Shvetsii s Pol'shey i Gabsburgskim domom (30-letnyaya voyna)]. VIII, 630 p.

53. Khoroshkevich A. L. Reflections of the Idea of the Regions of the State of All Russia and the Russian Tsardom in the 16th Century Tsar Titulature [Otrazhenie predstavleniy o regionakh gosudarstva vseya Rusi i Rossiyskogo tsarstva v velikoknyazheskoy i tsarskoy titulature XVI v.]. Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004. P. 102—127.

54. Shaskol'skiy I. P. Economic Relations of Russia and the Swedish State in the 17th Century [Ekonomicheskie otnosheniya Rossii i Shvedskogo gosudarstva v XVII veke]. Saint-Petersburg, 1998. 316 p.

55. Bely A. Chronicle of the White Rus’: An Outline of the History of a Place Name [Khronika “Belay Rusi”: Narys gistoryi adnoy geagrafichnay nazvy]. Minsk, 2000. 238 p.

56. Eng T. Det svenska väldet: Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till Bernadotte. Uppsala, 2001. 484 p.

Deceased monarch's honour as the subject of diplomatic dispute: an episode of the 17th century russo-swedish relations

TOLSTIKOV Aleksandr

PhD in History,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University, Faculty of History,
Department for Nordic History,
Petrozavodsk, a_tolstikov@mail.ru

Keywords:
Russia
Sweden
17th century
diplomacy
disputes over sovereigns' titles

Summary:
The article deals with one aspect of the problem of sovereigns' titles in diplomatic relations between Russia and Sweden in the 1640s—1650s — a dispute over appropriateness of using the formula "of blessed memory" (blazhennye pamyati in Russian, Sahlig uthi åminnelse in Swedish) in official documents exclusively with the names of deceased Russian Orthodox tsars (in this case — of late Michael Fedorovich). The Russian diplomats insisted on it and could only accept using with the names of deceased Swedish kings (Gustav II Adolf) the calques "of highly praised memory" (vysokoslavnye pamyati, Högloflig uthi åminnelse) or "of the glory-worthiest memory" (slavy dostoineishii pamyati, Glorwärdigst uthi åminnelse). The process of negotiations is traced and argumentation strategies of both parties are analyzed. It is shown that while the Russians tried in all ways to secure symbolic superiority, and thereby the exclusive right to posthumous eternal bliss of their own monarchs, the Swedes' strategy consisted in defending formal parity in relations with the Eastern neighbor.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 316.3

Социокультурный портрет командира Красной Армии — участника советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

КИЛИН
Юрий
Михайлович

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всеобщей истории, директор Института североевропейских исследований ПетрГУ,
Петрозаводский государственный университет,
исторический факультет,
Петрозаводск, kilinyuri@mail.ru

Ключевые слова:
командиры Красной Армии
социокультурные характеристики
советско-финляндская («зимняя») война 1939—1940 гг

Аннотация:
В статье анализируются личные данные высшего командного состава РККА — 40 командиров стрелковых дивизий и корпусов, принимавших участие в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. Анализируются 37 служебных карточек, хранящихся в ЦАМО РФ, и 4 биографические статьи, на основе которых выявляются основные социокультурные характеристики этой группы офицеров, устанавливается уровень их военной квалификации. Главный вывод статьи заключается в том, что основным фактором, обусловившим невыполнение армией поставленных перед ней задач, была не недостаточная профессиональная подготовленность высшего командного состава РККА, а системные и структурные недостатки советской экономики, нереалистичность плана войны и неадекватное управление операциями высшего военного командования — Ставкой Главного Командования и Генеральным штабом.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Советско-финляндская война относится к числу крупнейших локальных войн XX века. На фронте протяженностью примерно 1400 км противостояли друг другу армии общей численностью до 1,5 млн солдат, общие потери которых составили до 415 000 человек. Планировавшаяся как молниеносная военная операция продолжительностью от трех до четырех недель и продолжавшаяся 105 дней война потребовала напряжения всех сил СССР, подвергнув тяжелому испытанию вооруженные силы, экономику и транспортную инфраструктуру государства.

Основной замысел автора этой статьи заключается в выявлении качественных характеристик высшего командного состава соединений РККА — стрелковых дивизий (с. д.) и корпусов (с. к.), принимавших участие в «зимней» войне, для оценки воздействия этого фактора на ход боевых действий и конечный результат войны, а также на исход ключевых сражений в период наступления, в обороне и окружении.

На основе анализа хранящихся в ЦАМО РФ (г. Подольск) 37 служебных карточек [1]—[37] и кратких биографий [38]—[41] командиров Красной Армии, принимавших участие в советско-финляндской войне 1939—1940 гг., устанавливаются основные социокультурные характеристики высшего командного состава — 40 полковников, комбригов и комкоров РККА. Все они

командовали стрелковыми дивизиями и корпусами, основными оперативно-тактическими соединениями сухопутных войск Красной Армии, принимавшими участие в главных сражениях «зимней» войны на фронте от Салла, Мяркяярви (Кандалакшское направление) до Финского залива Балтийского моря.

Служебные карточки позволяют выявить как формально-количественные характеристики: возраст, воинское звание, военное образование, скорость служебного роста, национальность, семейно-брачный статус, партийность, награды, так и качественные: уровень военного образования, наличие и продолжительность боевого опыта, сочетание штабной и строевой службы, преподавательская работа в военно-учебных заведениях, а также некоторые другие параметры. Анализ этих данных позволяет выделить общие и специфические характеристики высшего командного состава Красной Армии накануне Великой Отечественной войны, сделать выводы о его качественном состоянии.

Возраст человека, обобщенно выражающий его совокупный жизненный и профессиональный опыт, является, наряду с качественными характеристиками, одним из важнейших параметров профессионализма. Согласно источникам, средний возраст анализируемой группы командиров на 30 ноября 1939 г. составлял 42 года, со следующим распределением по возрастным группам: 36—39 лет — 11; 40—45 лет — 23; 46—50 лет — 5 человек. Комдив Ф. Д. Гореленко, которому исполнился 51 год, был самым старшим по возрасту в группе из 40 человек. Из числа командиров в возрасте 36—39 лет только трем, В. Б. Борисову, А. Н. Нечаеву и В. В. Кирпичникову, к началу войны исполнилось 36 лет, восьми остальным — от 38 до 40 лет. Старшая возрастная группа (46—51 год) была самой малочисленной, составляя всего 15 % от общего числа командиров, а средняя — самой многочисленной — 57,5 %.

Учитывая высокие требования к физическому статусу военнослужащих этого ранга, их психологической и социально-профессиональной зрелости, которые предъявляются в условиях реальных боевых действий, можно сделать вывод, что эта группа командиров находилась в оптимальном возрасте, благоприятствовавшем исполнению профессиональных обязанностей, что свидетельствует о продуманной селекционной работе кадровой службы РККА.

Из 40 командиров стрелковых дивизий и корпусов 11 имели звание полковника, 26 — комбрига (соответствует званию генерал-майора, введенному в 1940 г.), 3 — комдива (в основном переаттестованы с присвоением звания генерал-лейтенанта в 1940 г.). Большинству комбригов и комдивов, 19 из 29 человек, эти воинские звания были присвоены в 1939 г., накануне войны, в связи с формированием большого количества новых соединений РККА: 5 — в 1935—1936 гг. и 5 — в 1937—1938 гг.

Обращает на себя внимание большой удельный вес командиров, чья военная офицерская карьера началась в императорской армии. К 7 ноября 1917 г. 7 из 40 человек имели воинские звания выше прапорщика: А. А. Хадеев, Н. И. Беляев и И. Ф. Николаев — звание штабс-капитанов, Ф. Д. Гореленко и А. И. Зеленцов — поручиков, П. И. Воробьев и И. Ф. Дашичев — подпоручиков. Воинское звание прапорщика имели 9 человек.

Военное образование и повышение квалификации являются важнейшими качественными параметрами профессионализма высшего командного состава армии. Из 40 командиров 16 (40 %) получили военное образование в императорской армии: 4 окончили военные училища и 12 — школы прапорщиков в 1914—1917 гг. К началу «зимней» войны все командиры имели законченное среднее военное образование, причем 14 из них (35 %) к 1939 г. получили высшее образование: 13 человек окончили Военную академию имени М. В. Фрунзе, 1 человек — академию Генерального штаба. Кроме того, 25 человек (62,5 %) повысили свою квалификацию на Высших стрелково-тактических курсах усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» и КУВНАС ВАФ, 6 человек из этого числа в дальнейшем, до 1939 г., окончили военные академии. Лишь 7 командиров стрелковых дивизий (17,5 %) имели только среднее военное образование. Таким образом, к началу войны 33 человек (82,5 %) имели либо высшее военное образование, либо (и) повысили свою квалификацию на высших курсах.

Уровень военного образования этой группы командиров можно считать вполне удовлетворительным, учитывая сложности становления вооруженных сил молодого государства. При этом в значительной степени использовался кадровый потенциал царской армии. Из 16 офицеров бывшей царской армии 7 (43,7 % в этой группе) к 1939 г. окончили Военную академию имени М. В. Фрунзе, созданную на базе Николаевской академии Генерального штаба. Из 24 человек, занявших командные офицерские должности после революции, только 7 (29,2 %) получили к 1939 г. высшее военное образование. Это означает, что заметное преимущество при поступлении в военную академию имели офицеры бывшей царской армии.

Сравнение удельного веса высшего командного состава царской армии и РККА, получившего высшее военное образование, не в пользу красных командиров. В соответствии со случайной выборкой

40 командиров пехотных дивизий царской армии Николаевскую академию Генерального штаба к 1914 г. окончил 31 человек из 40 (77,5 %), средний возраст этих офицеров — 54 года[1]. Этот показатель в 2,2 раза выше, чем у группы командиров РККА (35 %), что объясняется как значительно более высоким средним возрастом высшего командного состава царской армии (старше на 12 лет), так и трудностями строительства Вооруженных Сил СССР в 1920—1930-х гг.

Боевой опыт, продолжительность участия в разнообразных боевых действиях относятся к наиболее значимым параметрам, характеризующим военный профессионализм. Из 40 командиров только два, А. Н. Нечаев и С. Ф. Монахов, к ноябрю 1939 г. не имели боевого опыта; 38 командиров (95 %) воевали в общей сложности 178 лет, каждый в среднем 4,7 года. В Первой мировой войне участвовали 22 человека (55 %), в Гражданской — 36 (90%), в советско-польской — 2, в гражданской войне в Испании — 3, в Китае — 1. Кроме того, значительная часть командиров принимала участие в боевых действиях на территории РСФСР — СССР после завершения Гражданской войны, в том числе в подавлении Кронштадтского восстания, восстания в Карелии в 1921—1922 гг., в операциях против басмачей в Средней Азии.

По показателю продолжительности боевого стажа и его разнообразия эта группа командиров значительно превосходила офицеров армии Финляндии, боевой опыт которых в основном был ограничен пятью месяцами гражданской войны в 1918 г. и непродолжительным пребыванием части егерей на Рижском фронте в период Первой мировой войны в составе 27-го Королевского прусского егерского батальона. Некоторое количество финских офицеров принимало участие в походах в Советскую Карелию в 1918—1919 гг. и в восстании в Советской Карелии зимой 1921—1922 гг. Поскольку советско-финляндская война в основном была позиционной, а современные средства ведения войны, танки и авиация, на этом сложном ТВД действовали неэффективно, опыт Первой мировой и Гражданской войн к 1939 г. сохранял свою актуальность.

Профессиональные компетенции 40 командиров не ограничивались строевой службой, и в период с 1921 по 1939 г. существенным элементом их служебной карьеры являлось преподавание в военно-учебных заведениях различного уровня — от школ младшего командного состава до Военной академии имени М. В. Фрунзе. С 1921 по 1939 г. 17 командиров (42,5 %) работали в качестве преподавателей тактики, в основном на разнообразных курсах усовершенствования командного состава (КУКС). Так, Д. Т. Козлов был назначен командиром 1-го с. к. с должности преподавателя общей тактики Военной академии им. М. В. Фрунзе. Самый продолжительный стаж преподавательской работы, 10 лет, имел командир 139-й с. д. П. Г. Понеделин; 8 лет делился своим опытом с курсантами первый командир этой же дивизии в начале «зимней» войны Н. И. Беляев, бывший штабс-капитан царской армии.

Опыт штабной работы различного уровня имели 22 человека (55 %), занимая в межвоенный период должности от начальника штаба полка до начальника отделения штаба военного округа. С 1931 г. занимал должность начальника штаба дивизии М. И. Кирпонос, один из немногих командиров соединений удостоенный по итогам «зимней» войны звания Героя Советского Союза за форсирование Выборгского залива в марте 1940 г. Большой опыт штабной работы имел и его непосредственный начальник командир 28-го с. к. П. А. Курочкин, ставший начальником штаба полка еще в 1925 г. Сочетание строевого и штабного опыта в значительной степени увеличивало общий и специфический профессионализм этой группы командиров РККА.

Кадровая политика в РККА уже в 1930-е годы, еще до начала масштабных репрессий, отличалась большой частотой перемещений командного состава, как вертикальных — внутри воинских частей и соединений, так и горизонтальных — на равноценные должности в других частях, соединениях и военных округах. Репрессии 1937—1938 гг. значительно ускорили внутрикорпоративную мобильность. В связи с этим следует считать годичное пребывание в должности командира стрелковой дивизии и корпуса в конце 1930-х гг. условной нормой. При этом из анализа следует исключить 5 командиров, получивших назначение в ходе войны, зимой 1939—1940 г. Из оставшихся 35 человек 6 (17 %) занимали должность командира дивизии не менее 15 месяцев. В 1939 г. командирами стрелковых дивизий и корпусов стали 29 человек, из них 17 — в августе — ноябре, в период массовой мобилизации.

Как показал опыт войны, между продолжительностью занятия командиром дивизии своей должности и успешностью ее действий не было никакой зависимости. Действия в районе Тайпале на Карельском перешейке 49-й с. д., которой с июля 1937 г. командовал комбриг П. И. Воробьев, офицер-участник Первой мировой войны, завершились невыполнением поставленной задачи и огромными потерями. За неуспешные действия по форсированию оз. Суванто 18 января 1940 г. был снят с должности комбриг Н. Ф. Ключников, командовавший 4-й с. д. с августа 1937 г. С другой стороны, командир 122-й с. д., добившейся к середине декабря 1939 г. наибольшего продвижения вглубь

Финляндии на направлении Салла — Кемиярви и отошедшей затем без потерь в район Мяркяярви, полковник П. С. Шевченко был назначен на эту должность в августе 1939 г., так же как и комбриг П. Г. Егоров, командир 88-й с. д., которая успешно действовала на этом же направлении.

В процессе приобретения командиром профессиональных компетенций важным фактором является последовательность (нормальность) прохождения им всех ступеней служебной лестницы и накопленный опыт (стаж) командования большими воинскими коллективами. Условной исходной ступенью этого опыта можно считать вступление в должность командира батальона / полка или начальника штаба этих воинских коллективов численностью от 800 до 2500 человек.

Значительное большинство, 29 из 40 (72,5 %), командиров вступили в должность командира батальона / полка в 1920-е гг., из них 17 человек в 1921—1925 гг. К началу войны все командиры имели продолжительный опыт командования стрелковыми полками и стаж пребывания в должности начальника штаба полка; 29 человек занимали вышестоящие должности: начальников штабов бригад, дивизий, корпусов, помощников командиров дивизий; 5 человек были командирами дивизий. Прохождение военной службы 39 командиров носило нормальный характер, они последовательно поднимались по служебной лестнице и не подвергались репрессиям. Лишь К. Н. Галицкий находился под следствием в 1938—1939 гг. В последующем он стал Героем Советского Союза и дослужился до звания генерала армии (1955 г.).

В Советском государстве членство в ВКП(б), с одной стороны, являлось индикатором личной преданности и лояльности советской власти, с другой — выражало отношение самой власти к конкретному человеку. Для командиров РККА всех уровней партийность была залогом успешной карьеры, для высшего командного состава — членство в ВКП(б) было почти обязательным. Из 39 командиров (данных о партийности Н. А. Гусевского нет) в партии к концу 1939 г. состояли 33 человека, беспартийными были 6 человек, или 15 %. Из них 2 человека стали членами ВКП(б) в 1941 г. Наиболее многочисленная группа командиров, 14 человек, вступила в партию в 1918—1920 гг., с 1921 по 1929 г. — 11 человек, что составляет в общей сложности 62,5 %. В 1930—1939 гг. членами партии стали 8 человек, из которых 3 — накануне войны, в 1939 г. Средний партийный стаж 33 командиров-членов ВКП(б) составил 14 лет, среди них численно преобладала группа из 25 человек, состоявших в партии 10 и более лет.

В многонациональном государстве, к которому относились и дореволюционная Российская империя, и Советское государство, политика в отношении национальной принадлежности высшего командного состава армии кардинально отличалась. В императорской сухопутной армии была непропорционально высока доля офицеров-выходцев из дворянства западных частей империи — прибалтийских немцев, поляков и финляндских шведов. Советское государство в своей военной кадровой политике сделало ставку на командиров соединений сухопутной армии из числа славянских народов. По национальному составу высший командный состав соединений, принимавших участие в «зимней» войне, был исключительно славянским — 35 русских, 3 украинца и 2 белоруса.

Из 40 командиров-участников советско-финляндской войны 15 человек не дожили до 1945 г. Удостоенные посмертно высшей степени отличия — звания Героя Советского Союза командир 24-й с. д. комбриг П. Е. Вещев и командир 11-й с. д. комбриг П. П. Борисов погибли в бою в ходе «зимней» войны. Командир 44-й с. д. комбриг А. И. Виноградов и командир 18-й с. д. комбриг Г. Ф. Кондрашев были расстреляны по решению военного трибунала в 1940 г. Г. Ф. Кондрашев был реабилитирован в 1968 г. Пленумом Верховного Суда СССР, А. И. Виноградов — решением военного суда ЛВО в 1990 г.

В ходе Великой Отечественной войны погибли 11 командиров, из них 8 — в 1941 г., часть из них совершила самоубийство, командуя попавшими в окружение стрелковыми дивизиями и корпусами. Самую высокую должность из числа погибших занимал генерал-лейтенант М. П. Кирпонос, командующий войсками Юго-Западного фронта. В 1950 г. по решению Военной коллегии Верховного суда СССР были расстреляны командир 43-й с. д. генерал-майор В. В. Кирпичников и командующий 12-й армией (в период «зимней» войны командир 139-й с. д.) П. Г. Понеделин, которые находились в плену в Финляндии и Германии с 1941 г., что довело число умерших не своей смертью до 17 человек из 40.

О высоком профессионализме командиров-участников советско-финляндской войны свидетельствуют число награжденных высшими знаками отличия и их военная карьера в период и после завершения Великой Отечественной войны. Звания Героя Советского Союза до 1945 г. удостоены 10 человек (25 %), 4 из них — посмертно, а П. Е. Вещев и П. П. Борисов — в 1940 г. Опыт, полученный командирами в период «зимней» войны, способствовал их военной карьере: 12 человек дослужились до звания генерал-лейтенанта, 2 стали генералами армии, что составляет 35 % от общего числа командиров.

Итак, анализ качественного состояния высшего командного состава соединений РККА, принимавших участие в ключевых сражениях советско-финляндской войны, свидетельствует о том, что командиры стрелковых дивизий и корпусов были профессионалами высокого класса, включая достаточный уровень военного образования, солидный боевой опыт, продолжительный стаж строевой, штабной службы и преподавательской работы. Невыполнение войсками задач в ходе «зимней» войны объяснялось не недостаточной квалификацией командного состава стрелковых дивизий и корпусов, а системными и структурными слабостями экономики и Вооруженных Сил СССР.

Неспособность армии достичь поставленной цели — разгрома финляндской армии и оккупации Финляндии в короткие сроки на первом этапе была обусловлена абсолютно нереалистичным планом войны, недостаточностью сил и средств и неэффективной работой вышестоящих органов — Ставки Главного Командования и Генштаба РККА. На втором этапе, в январе — марте 1940 г., решающую роль сыграла совершенно неадекватная поставленным задачам военно-гражданская, в первую очередь транспортная, инфраструктура на территории ЛВО, не позволившая в короткие сроки перебросить на фронт дополнительно более 30 дивизий РККА.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подсчитано по: Русская императорская армия [Электронный ресурс]. (http://regiment.ru/Lib/A/8.htm, свободный). Дата обращения: 15.06.2013.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источник

Служебные карточки командиров (ЦАМО РФ, г. Подольск):

1. Алябушев Филипп Федорович, полковник (с 21. 3. 1940 — комбриг), командир 123-й с. д.
2. Беляев Николай Иванович, комбриг, командир 139-й с. д. до 16.12.1939.
3. Бондарев Андрей Леонтьевич, полковник, командир 168-й с. д.
4. Борисов Владимир Борисович, полковник, командир 37-й м. с. д.
5. Борисов Петр Павлович, комбриг, командир 11-й с. д.
6. Верзин Сергей Владимирович, комбриг, командир 7-й с. д.
7. Вещев Петр Евгеньевич, комбриг, командир 24-й с. д.
8. Виноградов Алексей Иванович, комбриг, командир 44-й с. д.
9. Воробьев Павел Иванович, комбриг, командир 49-й с. д.
10. Галицкий Кузьма Никитович, комбриг, командир 24-й с. д.
11. Гусевский Николай Андрианович, комбриг, командир 54-й с. д.
12. Егоров Павел Григорьевич, комбриг, командир 88-й с. д.
13. Ермаков Аркадий Николаевич, комбриг, командир 100-й с. д.
14. Зеленцов Андрей Иванович, комбриг, командир 163-й с. д.
15. Кирпичников Владимир Васильевич, полковник, командир 43-й с. д.
16. Кирпонос Михаил Петрович, комдив, командир 70-й с. д. с 25.12.1939.
17. Ключников Николай Федорович, комбриг, командир 4-й с. д. (до 18.01.1940).
18. Князьков Сергей Алексеевич, полковник, командир 150-й с. д. (до 16.02.1940).
19. Козлов Дмитрий Тимофеевич, комдив, командир 1-го с. к.
20. Кондрашев Георгий Федорович, комбриг, командир 18-й с. д.
21. Курочкин Павел Алексеевич, комбриг, командир 28-й с. д.
22. Лазаренко Иван Сидорович, полковник, командир 42-й с. д.
23. Марцинкевич Владимир Николаевич, полковник, командир 173-й м. с. д.
24. Матыкин Филипп Николаевич, комбриг, командир 87-й с. д.
25. Монахов Семен Филиппович, комбриг, командир 80-й с. д.
26. Музыченко Иван Николаевич, комбриг, командир 4-й с. д.
27. Недвигин Семен Иванович, комбриг, командир 75-й с. д. с 04.02.1940.
28. Нечаев Александр Николаевич, полковник, командир 113-й с. д. (до 19.02.1940).

29. Николаев Иван Федорович, комбриг, командир 10-й с. д.

30. Новосельский Юрий Владимирович, комбриг, командир 86-й с. д.

31. Пастревич Александр Иванович, комбриг, командир 138-й с. д. до 25.12.1939, 150-й с. д. (с 12.02.1940).

32. Прохоров Федор Александрович, полковник, командир 70-й с. д. до 25.12.1939.

33. Пшенников Петр Степанович, комбриг, командир 142-й с. д.

34. Хадеев Александр Александрович, полковник, командир 138-й с. д.

35. Цирульников Петр Гаврилович, комбриг, командир 51-й с. д.

36. Черняк Степан Иванович, комбриг, командир 136-й с. д.

37. Шевченко Петр Семенович, полковник, командир 122-й с. д.

Литература

38. Гореленко Филипп Данилович, комдив, командир 50-го с. к. // Великая Отечественная : командармы : военный биогр. сл. М. ; Жуковский, 2005. С. 53.

39. Дашичев Иван Федорович, комбриг, командир 47-го с. к. // Там же. С. 66.

40. Николаев Иван Федорович, комбриг, командир 10-го с. к. // Там же. С. 159.

41. Понеделин Павел Григорьевич, комбриг, командир 139-й с. д. с 16.12.1939 // Там же. С. 176.

REFERENCES

ARCHIVAL SOURCES

Commanders’ personal service cards (Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Podolsk)

1. Alyabushev Filipp Fedorovich, Colonel (from 21.3.1940 Brigade Commander), Commander of the 123rd Rifle Division

2. Belyaev Nikolay Ivanovich, Brigade Commander, Commander of 139th Rifle Division until 16. 12.1939

3. Bondarev Andrey Leontyevich, Colonel, Commander of the 168th Rifle Division

4. Borisov Vladimir Borisovich, Colonel, Commander of the 37th Motorized Rifle Division

5. Borisov Petr Pavlovich, Brigade Commander, Commander of the 11th Rifle Division

6. Verzin Sergei Vladimirovich, Brigade Commander, Commander of 7th Rifle Division

7. Veshchev Petr Yevgenyevich, Brigade Commander, Commander of the 24th Rifle Division

8. Vinogradov Alexey Ivanovich, Brigade Commander, Commander of the 44th Rifle Division

9. Pavel Ivanovich Vorobyov, Brigade Commander, Commander 49 Infantry Division

10. Kuz’ma Nikitovich Galitsky, Brigade Commander, Commander of the 24th Rifle Division

11. Gusev Nikolay Andrianovich, Brigade Commander, Commander of the 54th Infantry Division

12. Pavel Grigorievich Yegorov, Brigade Commander, Commander of the 88th Rifle Division

13. Yermakov Arkady Nikolaevich, Brigade Commander, Commander of the 100 Rifle Division

14. Zelentsov Andrey Ivanovich, Brigade Commander, Commander of the 163rd Rifle Division

15. Kirpichnikov Vladimir Vasilyevich, Colonel, Commander of the 43rd Rifle Division

16. Kirponos Mikhail Petrovich , Division Commander, Commander of the 70th Rifle Division from 25.12.1939

17. Klyuchnikov Nikolay Fedorovich, Brigade Commander, Commander of the 4th Rifle Division (until 18.1.1940)

18. Knyaz’kov Sergey Alekseevich, Colonel, Commander of the 150th Rifle Division (until 16. 2.1940)

19. Kozlov Dmitri Timofeevich, Division Commander, Commander of the 1st Rifle Corps

20. Kondrashev Georgiy Fedorovich, Brigade Commander, Commander of the 18th Rifle Division

21. Kurochkin Pavel Alekseevich, Brigade Commander, Commander of the 28th Rifle Corps

22. Lazarenko Ivan Sidorovich, Colonel, Commander of the 42nd Rifle Division

23. Martsinkevich, Vladimir Nikolaevich, Colonel, Commander of the 173rd Motorized Rifle Division

24. Matykin Philipp Nikolaevich, Brigade Commander, Commander of the 87th Rifle Division

25. Monahov Semen Filippovich, Brigade Commander, Commander of the 80th Rifle Division

26. Muzychenko Ivan Nikolaevich, Brigade Commander, Commanding of the 4th Rifle Division

27. Nedvigin Semen Ivanovich, Brigade Commander, Commander of the 75th Rifle Division from 4.2.1940

28. Nechaev Aleksandr Nikolaevich, Colonel, Commander of the 113th Rifle Division (until 19.2.1940)

29. Nikolaev Ivan Fedorovich, Brigade Commander, Commander of the 10th Rifle Corps

30. Novoselskiy Yuri Vladimirovich, Brigade Commander, Commander of the 86th Rifle Division

31. Pastrevich Alexander Ivanovich, Brigade Commander, Commander of the 138th Rifle Division until 25. 12.1939, Commander of the 150th Rifle Division (from 12.2.1940)

32. Prohorov Fedor Aleksandrovich, Colonel, Commander of the 70th Rifle Division until 25.12.1939

33. Pshennikov Petr Stepanovich, Brigade Commander, Commander of the 142nd Rifle Division

34. Hadeyev Alexandr Aleksandrovich, Colonel, Commander of the 138th Rifle Division

35. Tsyrul'nikov Petr Gavrilovich, Brigade Commander, Commander of the 51st Rifle Division

36. Chernyak Stepan Ivanovich, Brigade Commander, Commander of the 136th Rifle Division

37. Shevchenko Petr Semenovich, Colonel, Commander of the 122nd Rifle Division

PRINTED SOURCES

38. Gorelenko, Philipp Danilovich, Division Commander, Commander of the 50st Rifle Corps // The Great Patriotic War. Army Commanders. Military biographical dictionary. M.: Zhukovsky: Kuchkovo Pole, 2005. P. 53.

39. Dašičev Ivan Fedorovich, Brigade Commander, Commander of the 47th Rifle Corps // The Great Patriotic War. Army Commanders. Military biographical dictionary. M.: Zhukovsky: Kuchkovo Pole, 2005. P. 66.

40. Nikolaev Ivan Fedorovich, Brigade Commander, Commander of the 10th Rifle Corps // The Great Patriotic War. Army Commanders. Military biographical dictionary. M.: Zhukovsky: Kuchkovo Pole, 2005. P. 159.

41. Ponedelin Pavel Grigoryevich, Brigade Commander, Commander of 139th Rifle Division from 16. 12.1939 // The Great Patriotic War. Army Commanders. Military biographical dictionary. M.: Zhukovsky: Kuchkovo Pole, 2005. P. 176.

Sociocultural portrait of the commander of the Red Army who participated in the Soviet-Finnish war of 1939—1940

KILIN Yuri

Doctor of Historical Sciences,
Chair, General History Director, Institute of Northern European Studies of the PetrSU,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, kilinyuri@mail.ru

Keywords:
Red Army commanders
socio-cultural characteristics of the commanders of the Red Army
the Soviet-Finnish War of 1939—1940
the Russo-Finnish Winter War of 1939—1940

Summary:
This article deals with the principal socio-cultural characteristics of forty senior officers of the Red Army, commanders of Rifle Divisions and Rifle Corps, who participated in the Soviet-Finnish War of 1939—1940. The source data is mainly derived from officers' personal service cards in the Russian Defense Ministry's central military archive in the city of Podolsk and supplemented by four brief biographies [38—41].
The Soviet-Finnish war is one of the largest local wars of the 20th century. The USSR and Finland massed on the 1400 kilometers long front up to 1.5 million soldiers, with the overall losses amounting to 415 000 troops, and the total death toll of over 165 000 men. The military operation planned by the Red Army's General Staff as a one-month long blitzkrieg lasted 105 days and heavily strained the USSR's armed forces, economy and transport infrastructure.
The main idea of the author of this article is to clarify the qualitative characteristics of the senior officers of the Red Army, commanders of rifle divisions and rifle corps who took part in the Winter War, to assess the impact of this factor on the course of the fighting and the final result of the war, as well as on the outcome of key battles during the offensive, defense and encirclement. To this end 37 personal service cards from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation and 4 published brief biographies were carefully analyzed. All 40 commanders, colonels, brigade commanders (corresponds to the rank of major general, that is one-star general-officer rank) and corps commanders (corresponds to lieutenant general, two-star general-officer rank) commanded infantry (rifle) divisions and corps, the Red Army's principal tactical and operational units which participated in key battles of the Soviet-Finnish war at the front stretching from Salla, Märkäjärvi to the Gulf of Finland.
The analysis of the qualification of the senior officers of the Red Army clearly shows that the 40 commanders of the infantry divisions and corps were high class professionals with an adequate level of military education, extensive combat experience far exceeding that of the Finnish Army's officers, long and varied experience of field service, staff service and teaching in the military schools.
The failure of the Red Army's to reach its goal, the defeat of the Finnish Army and the occupation of Finland in a short run was not due to a lack of qualification of its senior officers. Systemic and structural weaknesses of the economy and the armed forces of the USSR played a crucial role in the shortcomings of the military operations at the first stage of the fighting. The original plan of the war was totally unrealistic, the Red Army's grouping had not sufficient manpower and ready reserves, and the Supreme Command worked inefficiently. At

the second phase of the war, from January to March 1940, the undeveloped transport infrastructure of the Leningrad military district made it impossible to move to the front more than 30 fresh divisions, which put an end to the fighting. Furthermore, an acute threat of the Allied intervention in the fighting, as it seemed in the Kremlin, has become a strong political argument in favor of a speedy conclusion of the war.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 327

Парадипломатическая деятельность как инструмент регионального развития: к постановке вопроса

ЯРОВОЙ Глеб Олегович

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
факультет политических и социальных наук,
Петрозаводск, gleb.yarovoy@mail.ru

Ключевые слова:
региональная парадипломатия
трансграничное сотрудничество
трансграничная региональная интеграция
Европейский инструмент соседства
обучающийся регион

Аннотация:
В статье рассматривается категория «региональная парадипломатия». Основная задача статьи — показать, что ресурсы внешней среды могут и должны использоваться региональными властями и другими акторами в целях социально-экономического и культурного развития. Для этого проводится анализ форм и инструментов региональной парадипломатии: интернационализации, транснационализации и трансграничного сотрудничества в теоретической и практической перспективе. Каждая из форм региональной парадипломатии иллюстрируется на примере Республики Карелия. На основе изучения практики региональной парадипломатии применительно к Республике Карелия автор приходит к выводу о том, что не все формы «общения» с внешней средой используются региональными акторами одинаково эффективно. Для превращения республики в «обучающийся регион», соответствующий требованиям, предъявляемым к любым типам сообществ современной глобальной политикой и глобальной экономикой, необходимо больше внимания уделять взаимодействию с международными правительственными и неправительственными организациями, иностранными государствами, а также субгосударственными акторами в Европе.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Усиление влияния субнациональных акторов (в первую очередь — регионов, единиц административно-государственного деления государств) во внутренней политике государств и в международных отношениях — это общемировой процесс. В ближайшем соседе и, по совместительству, основном торгово-экономическом партнере России — Европейском союзе — субгосударственные регионы активно участвуют в процессах общеевропейского управления. Необходимо признать, что этот факт является важным для понимания сути происходящей трансформации европейской политики — становления принципов многоуровневого управления (*multilevel governance*), где субгосударственным акторам отводится не менее важная роль, чем остальным участникам процесса.

Европейские регионы (и даже местные власти) стремятся не отставать от происходящих изменений и активно способствуют повышению собственной значимости, извлекая для себя

дополнительные дивиденды на европейском уровне. В первую очередь происходит это посредством участия регионов в деятельности многочисленных межрегиональных ассоциаций, лоббирующих региональные интересы, а также путем налаживания прямого диалога между представителями региональных (и местных) властей и общественных акторов (бизнес-ассоциаций и др.) с европейскими институтами власти, в первую очередь — Европейской комиссией.

Российские регионы почувствовали себя акторами международных отношений лишь в процессе децентрализации управления, последовавшей после распада Советского Союза. Конституции некоторых национальных республик указывали на самостоятельность участия регионов в международных и внешнеэкономических отношениях [2]. В региональных правительствах были созданы специализированные подразделения, ответственные за развитие международных связей. Наиболее активные субъекты федерации вступали в европейские региональные ассоциации (например, Ассамблея европейских регионов, Ассоциация европейских приграничных регионов) и входили в состав трансграничных регионов (например, Баренцев Евро-Арктический регион). С другой стороны, и правительства соседних иностранных государств и даже международные организации проявляли заинтересованность в установлении прямых контактов с российскими регионами.

Таким образом, еще в 1990-е гг. у целого ряда субъектов федерации сложилась устойчивая и довольно сложная система отношений с внешней средой,[1] которая в западной, а теперь и в отечественной политической науке именуется *региональной парадипломатией*. Одно из наиболее известных определений парадипломатии гласит [22; 46]: *«парадипломатия является деятельностью субгосударственных акторов (субъектов федераций, регионов, урбанистических сообществ, городов) параллельной, дополняющей, скоординированной, и, зачастую, входящей в противоречие с традиционной межправительственной дипломатией».*

Представляется, что основная причина популярности данной дефиниции заключается в том, что она вмещает в себя практически все возможные формы международной активности субгосударственных акторов, не раскрывая при этом существа и содержания искомого термина. Следовательно, любой автор может использовать ее в качестве базового определения, вкладывая в понятие парадипломатии тот смысл, который является наиболее подходящим для конкретного исследования.

Для того чтобы точнее определить потенциал использования региональной парадипломатии в целях регионального развития, следует как минимум определить формы и направления парадипломатической деятельности. Один из патриархов парадипломатических исследований И. Духачек предлагает выделять четыре типа «инициатив нецентральных правительств на международной арене» [12; 240—248]: трансграничная региональная микродипломатия (*transborder regional microdiplomacy*), трансрегиональная микродипломатия (*transregional microdiplomacy*), глобальная парадипломатия (*global paradiplomacy*) и протодипломатия (*protodiplomacy*). Трансграничная региональная микродипломатия и трансрегиональная микродипломатия представляют собой контакты между регионами разных государств, связанные или не связанные общей границей и *общими проблемами*. Глобальная парадипломатия, по Духачеку, — это разнообразные контакты нецентральных правительств с «торговыми, промышленными и культурными центрами» на других континентах, а также иностранными правительственными инстанциями. Экономические, социальные и культурные связи с другими государствами «с более или менее сепаратистскими намерениями» он именует протодипломатией.

В начале 2000-х гг. один из наиболее авторитетных специалистов в сфере изучения парадипломатической активности регионов А. Лекур дал уточняющую трактовку форм парадипломатии [17; 93]: «*международная активность [региональных] правительств [стала] легко узнаваема: они имеют зарубежные представительства (обычно именуемые «офисами» или «домами»), ведут торговые миссии, проводят переговоры и подписывают соглашения или даже договоры, участвуют в деятельности региональных / международных организаций и входят в двухсторонние отношения с государствами и / или другими региональными правительствами».*

Обобщая сказанное, можно обозначить основную цель региональной парадипломатии: использовать дополнительные ресурсы и возможности внешней среды для реализации собственной региональной программы (см., напр.: [18; 26—30]), т. е. тех целей, которые стоят перед регионом, прежде всего в сферах социально-экономического и культурного развития. Конечно, можно говорить и о политической составляющей регионального развития (то, что в региональных исследованиях называется регионализмом (см. подробнее: [7]), или требованием децентрализации власти и управления), но все же главной целью парадипломатической деятельности остается

социально-экономическое развитие региона. Экономическое благосостояние как одну из основных проблем, решаемых с помощью региональной парадипломатии, выделяет большинство исследователей (см., напр.: [11], [15], [16], [18]).

Формы и направления региональной парадипломатии

Тремя основными формами региональной парадипломатии можно считать интернационализацию, транснационализацию и трансграничное сотрудничество [1; 532—534].

Интернационализацию можно определить как стремление регионов продвигать интересы своей территории путем прямого или косвенного — через своих партнеров — общения региональных акторов (в первую очередь региональных властей) с иностранными правительствами или международными наднациональными организациями типа Европейского союза или Совета министров Северных стран. Интернационализация была исторически первым типом парадипломатической деятельности. Так, М. Фарукшин отмечает, что еще в 1882 г. провинция Квебек назначила своего генерального агента в Париже [5; 203]. Случай Квебека привлек внимание многих исследователей уже во второй половине XX в., но сначала рассматривался как своеобразная региональная девиация, провокационное и безрассудное поведение субгосударственного правительства [21; 614].

На европейском континенте интернационализация региональной политики становится неотъемлемой частью политической реальности в 1990-е гг.; она связана со стремлением региональных властей воздействовать на процесс принятия различными институтами Евросоюза политических решений, которые прямым или косвенным образом касаются регионального развития. Данное влияние, получившее название *регионального лобби*, осуществляется главным образом посредством учреждения в Брюсселе, «столице» ЕС, регионального представительства, или «офиса».

Первые региональные офисы, появившиеся в Брюсселе еще в середине 1980-х гг., принадлежали городским и региональным советам Великобритании и историческим немецким землям. [10; 227] У этих представительств были изначально разные функции, что привело к формированию двух разных моделей — британской и немецкой.

Британская модель подразумевала в первую очередь привлечение финансовых ресурсов, выделяемых Евросоюзом на поддержку регионов, в региональную экономику. Так, еще в начале 1990-х гг., Региональному совету Стресклайда (*Strathclyde Regional Council, Scotland*), что в Шотландии, удалось в течение нескольких лет привлечь в региональный бюджет порядка 500 млн фунтов стерлингов благодаря высокой активности брюссельского офиса [19; 277].

Основная задача региональных офисов, работающих по немецкой модели, состоит в отстаивании интересов *земель* как самостоятельных политических акторов, имеющих вес на общеевропейском уровне. Обладая значительной автономией и законодательными полномочиями, немецкие земли с момента основания первых представительств ставили своей целью недопущение любого сокращения их региональной власти со стороны государства [14; 4]. Это, однако, не мешает и активному экономическому лоббированию. Такая деятельность особенно заметна в представительствах восточногерманских земель.

В последнее время в результате процессов децентрализации, регионализации и расширения ЕС эти модели, эволюционировав, несколько сблизились. Следовательно, большинство представительств выполняют схожие функции. Помимо указанных выше функций экономического и политического лоббирования, можно выделить информационные задачи — сбор, анализ, обмен и передача информации о законодательстве ЕС в свой регион, а в обратную сторону — о положении дел в собственном регионе; функцию сетевого сотрудничества между представительствами регионов разных государств; функцию посредничества между региональными и местными властями и институтами Евросоюза.

Исследователи отмечают, что лоббирование европейских органов власти путем учреждения регионального представительства в Брюсселе на сегодняшний день перестало быть чем-то особенным для большинства европейских регионов. Они относят такое лоббирование к первой фазе регионального участия в общеевропейской политике. Следующей фазой для многих регионов (особенно это относится к «сильным» регионам) становится проникновение на наднациональный уровень через государственные каналы: регионы ведут переговоры с центральными властями, пытаются влиять на их позицию по европейским вопросам, зачастую даже входят в состав официальных национальных делегаций в Европейском Совете. Третья фаза — прямое и формальное участие региона в процессе принятия решений на общеевропейском уровне. Используя весь спектр приемов региональной парадипломатии и лобби, наиболее влиятельные регионы настаивают на необходимости создания второй палаты в Европарламенте, где заседали бы напрямую избранные депутаты от регионов или представители

региональных и национальных парламентов [24; 215].

Для большинства российских регионов интернационализация не является приоритетным направлением развития внешних связей. Региональные власти не связывают напрямую региональное развитие и общение с иностранными правительствами и руководящими органами международных межправительственных организаций. Вместе с тем подобное общение может напрямую способствовать не только улучшению имиджа региона в глазах влиятельных внешних акторов, но и приносить прямые экономические выгоды. Более того, сами потенциальные объекты парадипломатической деятельности региональных властей нередко о себе напоминают, проявляя активность.

Так, например, в феврале 2011 г. министр иностранных дел Финляндии А. Стубб посетил три приграничных региона России — Ленинградскую область, С.-Петербург и Карелию — с трехдневным официальным визитом. Финский министр предпочел ехать в «целевые» регионы, минуя Москву и исключая общение с высокими федеральными чинами [27].

Со своей стороны, глава Республики Карелия А. Худилайнен, утвержденный в этой должности в мае 2012 г., менее чем за один год посетил соседнюю Финляндию четыре раза: в августе и сентябре 2012 г. и в феврале и апреле 2013 г. В ходе визитов карельской делегации состоялось не только прямое общение с представителями бизнеса, но и велись переговоры с официальными лицами — министрами правительства Финляндии и с президентом Финляндии С. Ниинистё [26], [28], [29].

В подобных взаимных визитах кроется суть интернационализации как важной части региональной парадипломатии: прямое общение (официальное и неофициальное) региональных акторов и представителей иностранных правительственных инстанций имеет более гибкий характер, а следовательно, может быть и более плодотворным в той части, которая относится к компетенциям региональных властей. Вместе с тем оценить последствия и экономический эффект интернационализации на сегодняшний день представляется весьма проблематичным. Для того чтобы говорить о таком эффекте, необходимо хотя бы несколько лет последовательной «открытой политики» (см., напр.: [25]) в отношении соседних стран. Представляется, однако, что немногие российские регионы способны продемонстрировать такую последовательность.

Кроме официальных визитов и прямого общения с представителями иностранных правительств, интернационализация подразумевает и сотрудничество с так называемыми наднациональными организациями. Для регионов Северо-Запада России наиболее актуальной может считаться взаимодействие с Европейским союзом и Советом министров Северных стран. До их штаб-квартир, Брюсселя и Копенгагена соответственно, не так далеко. С другой стороны, небогатые (и в большинстве случаев дотационные) региональные бюджеты явно не рассчитаны не то чтобы на открытие собственного представительства в «столице» Европы или хотя бы в Северной Европе, но даже на краткосрочные визиты туда. Но и в такой ситуации не стоит отказываться от ресурсов интернационализации.

Во-первых, все финские регионы, в том числе граничащие с Россией, расположенные в Юго-Восточной, Восточной и Северной Финляндии, имеют свои представительства, региональные «офисы» в Брюсселе. При наличии договоренностей именно они могли бы, без сомнения, стать «голосом» российских приграничных регионов в Европе. В этом, конечно, они должны видеть и собственную выгоду, но это уже вопрос из разряда политических: как эту взаимную выгоду увидеть, показать и договориться. В условиях распространения на российское приграничье целого ряда европейских инструментов финансирования и главного из них — Европейского инструмента соседства и партнерства,[2] искать эту выгоду долго не придется. Она — в выделении из общеевропейского бюджета дополнительных средств на реализацию совместных проектов приграничного сотрудничества.

С Советом министров Северных стран (СМСС) сотрудничать еще удобнее. Для того чтобы обратиться напрямую в СМСС, не надо открывать офис в Копенгагене, поскольку СМСС сам открывает представительства в регионах Северо-Запада. Так, в С.-Петербурге и Калининграде действуют информационные офисы, а в Петрозаводске, Мурманске и Архангельске — контактные центры[3]. На интернет-портале информационного офиса в С.-Петербурге написано, что «основной задачей контактных центров является оказание помощи по *созданию интерактивного партнерства между Секретариатом Совета министров Северных стран в Копенгагене*, Информационным бюро в С.-Петербурге *и органами власти*, представительствами, учреждениями, организациями *в регионах*, где находятся контактные центры (*курсив мой. — Г. Я.*)»[4], в чем и состоит суть интернационализации.

Транснационализация определяется как сотрудничество между территориальными субъектами государства (регионами) и транснациональными институтами типа международных неправительственных организаций (МНПО) и ассоциаций или транснациональных корпораций (ТНК) [1;

532]. Представляется, однако, что транснационализацию как одну из форм региональной парадипломатии можно разделить на два подтипа. Назовем их «транснационализация участия» и «транснационализация сотрудничества».

«Транснационализация участия» подразумевает вовлечение региона в деятельность различных межрегиональных ассоциаций, в т. ч. полноправное членство в них. Межрегиональные организации (объединения регионов), существующие в Европе на протяжении нескольких десятилетий, могут способствовать отстаиванию региональных интересов, поиску партнеров, обмену опытом и информацией, а также привлечению внешних ресурсов в региональную экономику.

В современной Европе существует великое множество региональных объединений и сетей сотрудничества. Некоторые из них были созданы несколько десятилетий назад, другие — совсем недавно. Одни многочисленны, включают более сотни регионов, другие состоят из нескольких регионов. Некоторые пользуются авторитетом на общеевропейском уровне, другие практически не заметны. Одни созданы специально для политического лоббирования на высшем уровне, другие решают весьма скромные и конкретные функциональные задачи. Объединяет их стремление к отстаиванию интересов своих членов — региональных и местных властей и общественных акторов (например, торгово-промышленных палат и им подобных организаций).

К наиболее известным и влиятельным межрегиональных организациям можно отнести, в первую очередь, Ассамблею европейских регионов (AEP) и Ассоциацию европейских приграничных регионов (АЕПР). Отстаиванием интересов не только регионов, но и местных властей занимается Совет европейских муниципалитетов и регионов (CEMP).

Существуют и узкофункциональные организации, например «Региональное сотрудничество по вопросам ограниченности водных ресурсов» (WATEREGIO — Regional cooperation in water scarcity), «Конференция регионов, на территории которых расположены аэропорты» (ARC — Airport regions conference), «Регионы Европы без ГМО» (GMO-Free — GMO-free regions across Europe, в деятельности данной организации принимают участие семь российских регионов и городов) и т. д.

К «субрегиональным» организациям можно отнести, например, Группу Балтийского моря (Baltic Sea Group) или Союз балтийских городов (Union of the Baltic Cities, куда входят и несколько городов из России) и т. д.

Российские регионы являются членами некоторых общеевропейских организаций, таких как Ассамблея европейских регионов и Ассоциация европейских приграничных регионов. Приходится констатировать, однако, что участие российских регионов в деятельности этих организаций зачастую остается лишь символическим, формальным.

Так, в разделе «Визитные карточки регионов — членов AEP»[5] на сайте Ассамблеи может быть размещена информация о каждом регионе — любая, которую региональные власти сочтут адекватной для размещения и возможного продвижения своих интересов или для отражения своей позиции. На сегодняшний день ни один российский регион не разместил на своей странице никакой информации. Более того, количество российских регионов, членов AEP, упомянутых на официальном сайте, заметно сократилось: на сегодняшний день членами организации значатся только Республика Мордовия и Республика Татарстан, а Архангельская область имеет статус наблюдателя. В недавнем прошлом среди членов AEP значились Республики Карелия и Ингушетия, а также Самарская область.

Представляется, что известное игнорирование деятельности AEP российскими регионами-членами связано с тем, что интересы Ассамблеи в основном лежат в контексте европейской интеграции, к которой российские регионы прямого отношения не имеют. Думается, однако, что для наших регионов AEP могла бы быть полезна для привлечения к себе дополнительного внимания иностранных партнеров, в т. ч. инвесторов, а также в плане обмена опытом, развития и совершенствования собственных компетенций в таких областях, например, как трансграничное сотрудничество.

Возможно, именно осознание полезности взаимодействия с подобными организациями способствует всплескам российской региональной активности в AEP. Так, в августе 2012 г. в Россию с рабочим визитом приезжал генеральный секретарь Ассамблеи европейских регионов г-н Паскаль Герген. Он проводил рабочие встречи в Правительстве РФ, а затем по приглашению региональных властей посетил с официальным визитом Мордовию[6]. В октябре того же года он вернулся в Россию, чтобы принять участие в XI Общероссийском форуме «Стратегическое планирование в регионах и городах России»[8].

И все же в современных российских реалиях региональные чиновники зачастую предпочитают камуфлировать отсутствие желания и / или возможностей использовать всю полноту ресурса интернационализации словами о том, что «участие в этой международной организации *может быть*

более затратным, чем преимущества, которые можно извлечь (*курсив мой. — Г. Я.*)» [6].

Российские регионы не отличаются активностью и в Ассоциации европейских приграничных регионов. Из сотни приграничных и трансграничных регионов в Европе, участвующих в деятельности АЕПР, несколько трансграничных регионов представляют российское приграничье — еврорегион «Карелия», еврорегион «Псков — Ливония», еврорегион «Балтика», еврорегион «Неман», еврорегион «Сауле». Несмотря на такое существенное представительство, российские региональные власти, в силу объективных и субъективных причин[9], пока не заметны на фоне своих европейских коллег и не используют в должной мере этот ресурс регионального развития.

«Транснационализация сотрудничества» — это деятельность региональных властей по налаживаю отношений с различного рода транснациональными акторами (ТНА). Примерами данного вида региональной парадипломатии является взаимодействие с ведущими международными неправительственными организациями (МНПО), такими как GreenPeace, Всемирный фонд дикой природы (WWF), Международный комитет Красного креста и т. п.

Многие МНПО могут быть весьма полезны в решении вопросов социального характера: борьба с заболеваниями, работа с различными категориями населения, испытывающими жизненные сложности, права женщин и т. п. Другие организации обладают уникальной информацией, опытом, экспертными знаниями в самых разных областях, которые могут быть отнесены к региональным компетенциям — от охраны окружающей среды до защиты прав человека и антикоррупционной деятельности.

В сотрудничестве с региональными властями, региональными и местными некоммерческими организациями (НКО) они могут выполнять функции как на «входе», так и на «выходе» из политической системы: помогать в артикуляции интересов различных социальных групп и способствовать улучшению законодательства, равно как и выполнять конкретные задачи по работе с населением. Важной особенностью деятельности МНПО и их партнеров является то, что они не требуют от региональных властей дополнительных материальных ресурсов; напротив, готовы предоставить собственные или привлеченные из различных источников средства. Таким образом, не пополняя напрямую региональные бюджеты, данные организации способствуют региональному развитию.

Кроме того, наличие представительства той или иной крупной и авторитетной МНПО в регионе может позитивно сказаться на его имидже, будет говорить об открытости региональных властей. Можно с уверенностью говорить о том, что *улучшение имиджа, восприятия региона внешними акторами, потенциальными партнерами, является одной из важных функций парадипломатической деятельности*, поскольку способно косвенным образом повлиять на региональное развитие, способствуя, например, привлечению инвесторов. Однако для того, чтобы этот инструмент работал, региональные власти должны быть открыты и готовы к сотрудничеству не на словах, а на деле, не стесняться говорить о региональных проблемах «на чистоту», способствовать привлечению внимания международных некоммерческих организаций к своим проблемам, уметь налаживать конструктивный диалог[10].

Говоря о необходимости привлечения внешних инвесторов как о важном компоненте регионального развития, следует отметить, что целенаправленные действия регионального руководства по «заманиванию» в регион транснационального капитала также можно считать компонентом «транснационализации сотрудничества».

Именно этот аспект внешнеэкономической активности чаще других используется региональными властями и менее всего воспринимается ими как парадипломатическая деятельность. Существует специфическая терминология: привлечение инвесторов, инвестиционная привлекательность, инвестиционная политика и т. д. Есть понятные способы оценки эффективности инвестиционной политики, связанные с определением объемов привлеченных финансовых средств (прямых инвестиций) и динамикой их увеличения или уменьшения[11].

Таким образом, два компонента «транснационализации сотрудничества» в реальной действительности вполне могут быть взаимосвязанными и взаимодополняющими. Позитивный имидж региона, признание высокой степени открытости региональных и местных властей (здесь следует говорить не о внутрироссийских рейтингах, а о международном признании такой открытости) способен вдохновить иностранного инвестора. Успешный опыт работы одной транснациональной корпорации способен привлечь внимание других подобных ТНА. И наоборот: можно сколько угодно «расписывать» собственные преимущества, но, не имея конкретных примеров успешно реализованных проектов, сложно рассчитывать на инвестиционный бум.

Еще одним видом региональной парадипломатии является *трансграничное сотрудничество*. Трансграничное сотрудничество (ТГС) — это институционализированное сотрудничество

субгосударственных (региональных или местных) властей и общественных акторов двух и более государств, расположенных по разные стороны государственной границы, основанные на официальных соглашениях и принимающие форму трансграничных регионов [9; 185].

Трансграничное сотрудничество, будучи частью парадипломатической деятельности субгосударственных (региональных и местных) властей, является одним из важнейших направлений современных международных отношений в Старом Свете и, в частности, в «Новой Северной Европе» (подробнее о понятии «Новая Северная Европа» см.: [4], [13]). Сотрудничество между территориальными общностями, расположенными в нижней части современной иерархии территориального управления и, следовательно, основанными на взаимодействии между людьми (people-to-people), является также важным фактором обеспечения безопасности (в ее невоенных, «мягких» аспектах) посредством повышения уровня доверия между населением приграничных регионов соседних стран, создания «сообществ безопасности» на региональном уровне в трансграничном контексте.

Организационно данный процесс выражается в создании различного рода трансграничных регионов. В «Новой Северной Европе» встречаются различные типы трансграничных регионов: от «рабочих сообществ» и «Северных еврорегионов» до «еврорегионов в стадии становления» и «интегрированных еврорегионов» [20]. Трансграничные регионы располагаются не только на внутренних границах стран — членов ЕС или участниц СМСС, но и на границе России и стран Европейской экономической зоны (ЕЭЗ включает в себя страны ЕС, а также Норвегию, Исландию и Лихтенштейн).

Все более действенным инструментом продвижения ТГС становятся так называемые еврорегионы, первые из которых были образованы на границе России и Евросоюза еще в 1990-е гг. Сегодня еврорегионы функционируют не только на внутренних и внешних границах ЕС, но и на границах между государствами-членами СНГ: России, Украины, Беларуси, Молдовы. На границе России и ЕС в границах «Новой Северной Европы» действует около десятка ТГР (еврорегионов): Баренцев Евро-Арктический регион (регионы России: Мурманская и Архангельская области, республики Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ и регионы Норвегии, Финляндии, Швеции), «Карелия» (Республика Карелия и регионы Финляндии), «Балтика» (Калининградская область и регионы Дании, Литвы, Польши, Швеции), «Сауле» (Калининградская область и регионы Латвии и Литвы), «Шешупе» (Калининградская область и регионы Латвии и Литвы), «Неман» (Калининградская область и регионы Латвии и Польши), «Лына — Лава» (Калининградская область и регионы Польши), «Псков — Ливония» (Псковская область и регионы Латвии и Литвы), регион Чудского озера (Псковская область и регионы Латвии и Эстонии). На некоторых участках границы образование еврорегионов планируется: например, на участке российско-финляндской границы в Ленинградской области.

По разработанным в западной политической науке классификациям, «российские» трансграничные регионы можно отнести в основном к типу «рабочих сообществ» или «еврорегионов в стадии становления», что указывает на относительно невысокую степень интенсивности сотрудничества и, следовательно, свидетельствует о его ограниченной эффективности. Однако в конце 2000-х гг. наметился сдвиг в функционировании «внешних» ТГР, что проявилось, в частности, в активизации проектной деятельности.

Проектная деятельность — основной инструмент продвижения трансграничного сотрудничества как на внутренних, так и на внешних границах ЕЭЗ. Именно совместные проекты вносят наиболее заметный вклад, прямой (экономические, инвестиционные и инфраструктурные проекты) и косвенный (проекты в сфере защиты окружающей среды, сохранения традиционной культуры, развития гражданского общества и т. д.), в региональное развитие.

Следовательно, и примеров реализованных совместных проектов трансграничного сотрудничества можно привести немало. Так, только за первые десять лет существования еврорегиона «Карелия» (2000—2009 гг.) на территории Республики Карелия было осуществлено около ста проектов в рамках существовавших инструментов финансирования трансграничного сотрудничества, в первую очередь — программ Европейского союза Тасис (на общую сумму свыше 21 млн 700 тыс. евро) и Интеррег. И даже несмотря на то что результаты некоторых проектов были признаны Европейской комиссией неэффективными [23], а идея еврорегиона, похоже, не приобрела сколь-нибудь значительной популярности среди населения, еще в середине 2000-х гг. было принято стратегическое решение о продолжении и даже увеличении финансирования трансграничного сотрудничества на внешних границах Евросоюза в рамках программ Европейского инструмента соседства и партнерства. Программа была реально запущена в 2010 г.; проекты, получившие и получающие финансовую поддержку, должны

были завершиться до конца 2014 г. Общий бюджет программы ENPI CBC «Карелия» составил 46,4 млн евро; 62 проекта (в т. ч. пять крупномасштабных инфраструктурных проектов)[12].

Главная особенность проектной деятельности в рамках ЕИСП состоит в том, что впервые в практике трансграничного сотрудничества на границе России и ЕС применены принципы, позволяющие реализовывать действительно совместные (joint) проекты. Этому способствует, во-первых, правило со-финансирования, согласно которому Россия и Финляндия вносят в общий бюджет программы ровно столько же, сколько выделяет Евросоюз. Во-вторых, принцип совместного управления программами. Все решения в органах, ответственных за отбор и мониторинг проектной деятельности принимаются на основе консенсуса, при этом представительство российской и финляндской сторон в этих органах равное[13].

Всесторонняя оценка эффективности программы, которая завершается в следующем году, пока не проводилась. Однако уже сегодня можно констатировать, что и Европейский союз, и Россия признают полезность проектной деятельности в рамках трансграничного сотрудничества. Главный аргумент в пользу такого заявления — решение о продолжении со-финансирования программ трансграничного сотрудничества в рамках обновленного «Европейского инструмента соседства» (ЕИС, European Neighbourhood Instrument) в 2014—2020 гг. Предполагаемый объем финансирования всех программ в рамках ЕИС составляет более 18 млрд евро[14], из них, по словам представителя Европейской комиссии Алехандро Эггеншвилера, на проекты трансграничного сотрудничества может быть выделено около 700 млн евро. В дополнение к этой сумме на развитие трансграничного сотрудничества будут выделены средства из Европейского фонда регионального развития[15].

Уже сейчас видны очертания будущих программ сотрудничества на границе Финляндии и России. В частности, на состоявшемся в С.-Петербурге в мае 2013 г. организационном семинаре[16] по российско-финляндским программам приграничного сотрудничества эксперты отмечали, что состав программ и их география останутся неизменными, сохранится и правило со-финансирования проектов со стороны России. Поскольку «программы ТГС рассматриваются как инструмент регионального развития», то проекты в сфере экономического развития и инвестиционные проекты будут объявлены приоритетными. Также заявлено, что инвестиционные проекты должны быть сфокусированы непосредственно в приграничных районах. Хочется надеяться, что переговоры завершатся согласованным решением о формате, принципах реализации, правилах и объемах финансирования до окончания периода реализации текущих проектов, т. е. до конца 2014 г.

Региональная парадипломатия не является изобретением XXI в. Но именно особенности современного мира, характеризующегося процессами глобализации, интеграции и регионализации, ставят региональные власти во всем мире перед необходимостью искать партнеров и «добывать» дополнительные ресурсы регионального развития во внешней среде. Глобализация заставляет регионы конкурировать, одновременно предоставляя и дополнительные возможности для развития.

Россия, безусловно, не является исключением. Для российских регионов, особенно для периферийных, дотационных, приграничных, три вида парадипломатии — интернационализация, транснационализация и трансграничное сотрудничество — могут и должны стать инструментом регионального развития.

Сложно утверждать, что потенциал парадипломатии совсем не используется: региональные власти сотрудничают друг с другом (трансграничное сотрудничество), ведут переговоры с иностранными правительствами и межправительственными организациями (интернационализация), привлекают транснациональный капитал (транснационализация).

Некоторые виды региональной парадипломатии, например привлечение инвестиций или создание трансграничных регионов, уже стали традиционными, хоть и не воспринимаются властями в терминах «парадипломатической деятельности». Важность и необходимость других аспектов внешней активности, вероятно, представляется им недостаточно очевидной.

В этой связи необходимо помнить, что региональное развитие не ограничивается решением экономических и социальных проблем. Современные подходы к региональному развитию требуют не просто устойчивости и стабильности, но и перехода к экономике знаний. Каждый регион, претендующий на конкурентоспособность на глобальной арене (а именно такая задача должна ставиться не только на государственном, но и на субгосударственном уровне), должен стать «обучающимся», т. е. нацеленным на «непрерывный процесс интеграции всех региональных подсистем и институтов на основе взаимного обучения» [3; 81]. Максимальное и всестороннее использование возможностей и ресурсов внешней среды для регионального развития — одно из непременных условий становления «обучающегося региона».

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В данном случае к внешней среде можно отнести практические любые виды надгосударственных, государственных, субгосударственных и негосударственных институтов, которые расположены «за границами» государства, к которому этот регион принадлежит, — это другие регионы, органы государственной власти других государств, органы управления ЕС или других международных организаций, межрегиональные ассоциации и ассоциации местных властей, международные неправительственные организации и даже транснациональные корпорации.

[2] Европейский инструмент соседства и партнерства действует до 2014 г. Вместе с тем нет никаких сомнений в том, что подобный инструмент будет действовать и в следующий финансовый период (2014—2020 гг.), хоть и в несколько видоизмененном виде. К слову, изменение параметров данного инструмента финансирования приграничного сотрудничества на границе России и ЕС могло бы стать одним из очевидных приоритетов совместного регионального лоббирования в Брюсселе.

[3] Информация официального сайта Совета министров Северных стран (http://www.norden.org/en/nordic-council-of-ministers/the-secretariat-to-the-nordic-council-of-ministers/nordic-council-of-ministers-information-offices-in-the-baltic-states-and-russia).

[4] Информация официального сайта Информационного бюро Совета министров Северных стран в Санкт-Петербурге (http://norden.ru/Article.aspx?id=85&lang=ru).

[5] Информация официального сайта Ассамблеи европейских регионов (http://www.aer.eu/en/what-is-aer/members-and-partners/member-regions.html).

[6] Обращает на себя внимание тот факт, что по результатам визита г-н Герген направил письмо президенту РФ В. В. Путину, «в котором выразил поддержку кандидатуре г. Саранска на проведение игр Чемпионата мира по футболу 2018 года». Ну чем не эффект транснационализации? (См.: http://mineco.e-mordovia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1037:2012-08-29-11-40-35&catid=38:aktualnaya-informaciya).

[7] См. официальный сайт форума (http://2012.forumstrategov.ru/eng/news79.html).

[8] Информация официального сайта Казанского (Приволжского) федерального университета (http://www.kpfu.ru/main_page?p_cid=43856).

[9] Некоторые из этих причин весьма очевидны. К ним, в частности, относится уже упомянутые проблемы с выделением бюджетных денег, а также наличие в достаточном количестве специализированных ведомств или подразделений, в ведение которых входили бы внешние связи и которые занимались бы этим профессионально и постоянно. К другим вероятным проблемам можно отнести и отсутствие профессиональных компетенций и мотивации, необходимых для ведения парадипломатической деятельности.

[10] Неумение или нежелание использовать этот инструмент парадипломатии может иметь негативные последствия: вместо улучшения имиджа региона региональные власти могут предстать в неблагоприятном свете, в том числе и в результате появления искаженной информации. Одним из последних примеров является реакция российского отделения Гринпис (Greenpeace International) на проблемы создания Национального парка «Ладожские шхеры» в Республике Карелия. Несмотря на неоднозначность проблемы, представители Гринпис, с подачи местных экологических НКО, обратились к президенту России с петицией, в которой деятельность региональных чиновников напрямую называется «губительной» для окружающей среды и «коррупционной» по своей сути. (См. подробнее: http://m.greenpeace.org/russia/ru/high/news/2013/05-29-karelia-park/).

[11] См., например, методику расчета прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в регионы России, а

также региональный рэнкинг, представленный «Национальным рейтинговым агентством» (Прямые иностранные инвестиции в России : региональный аспект : аналит. обзор, октябрь 2013 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.ra-national.ru/uploads/rus/files/analytic/ file_review/14.pdf, свободный). В рэнкинге «Приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в расчете на душу населения в регионах РФ в 2012 г. без учета инвестиций из офшорных территорий» Республика Карелия занимает 26-е место с показателем 54,34 доллара США на душу населения, демонстрируя существенный рост этого показателя (150 %) по сравнению с 2011 г. Характерно, что список стран-инвесторов возглавляет Финляндия с долей 69 % от всех ПИИ в регион.

Нынешнее республиканское руководство не случайно определило внешнеэкономическую инвестиционную политику одним из важнейших приоритетов регионального развития. В первые месяцы своего пребывания на посту главы Карелии А. Худилайнен не только посетил Финляндию и пообещал потенциальным финским инвесторам работать над инвестиционной привлекательностью региона, но и предпринял конкретные шаги по совершенствованию регионального инвестиционного законодательства (см., напр.: http://www.interfax-russia.ru/NorthWest/exclusives.asp?id=404286).

[12] Полный список проектов и их описание размещен на официальном сайте программы (http://kareliaenpi.eu/ru/hankkeet).

[13] До запуска программ ЕИСП существовала сложная система отбора и утверждения проектов, в рамках которой европейские заявители обращались с проектными предложениями в уполномоченные Еврокомиссией органы в своей стране, а российские заявители — в Делегацию Еврокомиссии в Москве. Проекты финансировались в основном за счет средств ЕС, российского национального со-финансирования не предусматривалось. (Подробнее об изменениях в структуре управления и финансирования проектов трансграничного сотрудничества (Интеррег, Тасис, ЕИСП) см.: [9; гл. 4, 5 и 6].)

[14] Информация официального сайта Европейской Комиссии (http://ec.europa.eu/europeaid/how/finance/mff/financial_framework_news_en.htm).

[15] Информация, изложенная в докладе А. Эггеншвилера, представленном на семинаре в С.-Петербурге 21 мая 2013 г. (http://kareliaenpi.eu/images/stories/docs/a.eggenschwiler.ppt).

[16] Программа мероприятия и презентации участников размещены на официальном сайте программы ЕИСП «Карелия» (http://kareliaenpi.eu/ru/ohjelma/eni-cbc).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М. ; Волгоград, 2002. 572 с.

2. Закон Республики Карелия от 24.12.1993 № XII-22/604 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Карелия» // Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. 1994. № 12. Ст. 604. (Ст. 1 Конституции Республики Карелия).

3. Найман Е. А. Становление концепции «обучающегося региона» в западной науке // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1 (9). С. 81—91 [29].

4. Северная Европа : регион нового развития / под ред. Ю. С. Дерябина, Н. М. Антюшиной. М., 2008. 512 с.

5. Фарукшин М. Х. Сравнительный федерализм. Казань, 2003. 284 с. [12].

6. Штепа В. Не объекты, а партнеры // Столица на Онего. 2012. 24 окт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stolica.onego.ru/articles/189923.html, свободный.

7. Яровой Г. О. Основные научные подходы к определению феномена регионализма // Северное измерение : альманах. Петрозаводск, 2010. С. 82—100.

8. Яровой Г. О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб., 2007. 280 с.

9. Яровой Г. О. Европейский союз для регионов : что можно и нужно знать российским регионам о ЕС / Г. О. Яровой, Е. В. Белокурова. СПб., 2012. 368 с.

10. Bindi Calussi F. The Committee of the Regons: an atypical influential Committee? // Van Schendelen

M. (Ed.) EU Committees as influential policymakers. Aldershot: Ashgate, 1998. P. 225—249.

11. Bursens P., Deforche J. Going Beyond Paradiplomacy? Adding Historical Institutionalism to Account for Regional Foreign Policy Competences // The Hague Journal of Diplomacy. 2010. № 5. P. 151—171.

12. Duchacek I. The Territorial Dimension of the Politics: Within, Among and Across Nations. Boulder: Westview Press, 1986. 328 p.

13. Heininen L., Käkönen J. Introduction: What is New Northern Europe? // The New North of Europe. Perspectives on the Northern Dimension / Edited by Heininen L. and Käkönen J. Tampere: Tampere Peace Research Institute (Research report № 80), 1998. P. 7—13.

14. Huysseune M., Jans M. T. Brussels as the capital of a Europe of the regions? Regional offices as European policy actors // Brussels Studies. 2008, № 16. [Электронный ресурс]. URL: http://www.brusselsstudies.be/medias/publications/EN_57_BruS16EN.pdf

15. Keating M. Regions and International Affairs // Keating M., Aldecoa F. Perediplomacy. London: Frank Cass, 1999. P. 1—15.

16. Kuznetsov A. Subnational Governments in International Affairs: A Study on Theory and Practice of Paradiplomacy. Lucca: IMT Institute for Advanced Studies, 2011, [Электронный ресурс]. URL: http://e-theses.imtlucca.it/81/1/Kuznetsov_phdthesis.pdf

17. Lecours A. Paradiplomacy: Reflections on the Foreign Policy and International Relations of Regions // International Negotiation. 2002. № 7. P. 91—114.

18. Lecours A. Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World, [Электронный ресурс]. URL: http://www.clingendael.nl/publications/2008/20081217_cdsp_diplomacy_paper_paradiplomacy.pdf

19. Moore C. The Impact of Devolution on EU-Level Representation: British Regional Offices in Brussels // Regional and Federal Studies, 2007, Vol. 17, № 3. P. 275—291.

20. Perkmann M. The Rise of the Euroregion. A Bird’s Eye Perspective on European Cross-Border Co-Operation, 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lancs.ac.uk/fss/sociology/papers/perkmann-rise-of-euroregion.pdf

21. Sharafutdinova G. Paradiplomacy in the Russian Regions: Tatarstan's Search for Statehood // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. № 4. pp. 613-629.

22. Soldatos P. Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World // Fry E., Brown D. (eds.) States and Provinces in the International Economy. Berkeley: Institute of Governmental Studies Press, 1993. P. 112–135.

23. Summary of the Evaluation of Council Regulation 99/2000 (TACIS) and its implementation. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/how/evaluation/evaluation_reports/evinfo/2006/728_ev_en.pdf

24. Vos H. et al. The conditio sine qua non of the added value of regions in the EU: upper-level representation as the fundamental precondition // European Integration. 2002. Vol. 24, № 3. P. 201–218.

25. Александр Худилайнен: «Мы надеемся, что изменения в структуре экономики Карелии найдут отклик в Финляндии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.karelia.ru/News/2012/09/0912_10.html, свободный.

26. Александр Худилайнен: «Наши двери открыты» // Вести — Карелия. События недели. 2013. 20 авг. [Электронный ресурс]. URL: http://petrozavodsk.rfn.ru/rnews.html?id=1522073, свободный.

27. Визит Александра Стубба на Северо-Запад // BarentsObserver. 2011. 8 февр. [Электронный ресурс]. URL: http://barentsobserver.com/ru/sections/politics/vizit-aleksandra-stubba-na-severo-zapad, свободный.

28. Визит главы Республики Карелия Александра Худилайнена в Финляндию [Электронный ресурс]. URL: http://rusfintrade.ru/site/article/2338, свободный.

29. Нарышкин пригласил Худилайнена в Финляндию // Карел-Информ. 2013. 3 апр. [Электронный ресурс]. URL: http://karelinform.ru/?id=37194, свободный.

REFERENCES

1. Vardomsky L.B., Golunov S.V. (eds.) Security and international cooperation in the belt of new Russian borders. [Bezopasnost’ i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poyase novykh granits Rossii], Moscow–Volgograd, NOFMO, 2002. 572 p.

2. Law of the Republic of Karelia d.d. 24.12.1993 № XII-22/604 “On changes and additions to the Constitution (The Basic Law) of the Republic of Karelia”. [Zakon Respubliki Kareliia ot 24.12.1993 № XII-22/604

«Ob izmeneniyakh i dopolneniyakh Konstitutsii (Osnovnogo Zakona) Respubliki Kareliya»]. Bulletin of the Supreme Soviet of the Republic of Karelia [Vedomosti Verkhovnogo Soveta Respubliki Kareliya]. 1994. № 12. Art. 604.

3. Naiman E.A. Evolvement of the “learning region” concept in Western science. [Stanovlenie kontseptsii «obuchayushchegosya regiona» v zapadnoi nauke]. Bulletin of Tomsk State University. Series on cultural and art studies. [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Kul’turologiya i iskusstvovedenie]. 2013. №1(9). P. 81—91.

4. Deryabin Yu.S., Antyushina N.M. The Northern Europe. A region of new development. [Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya], Moscow, Ves’ mir, 2008. 512 p.

5. Farukshin M. Kh. Comparative Federalism. [Sravnitel’nyi federalizm], Kazan: Kazan University Publ., 2003. 284 p.

6. Shtepa V. Partners, not objects. [Ne ob”ekty, a partnery]. Capital at Onego. [Stolitca na Onego], 24.10.2012. (http://www.stolica.onego.ru/articles/189923.html). Accessed 2.12.2013.

7. Yarovoy G. The basic approaches to the definition of the phenomenon of regionalism. [Osnovnye nauchnye podhody k opredeleniyu fenomena regionalizma]. “Northern Dimension” Antology. [Al’manakh «Severnoe izmerenie»]. Petrozavodsk, PetrSU publ., 2010. P. 82—100.

8. Yarovoy G. Regionalism and cross-border cooperation in Europe. [Regionalizm i transgranichnoe sotrudnichestvo v Evrope]. St-Petersburg, Norma, 2007. 280 p.

9. Yarovoy G., Belokurova E. European Union for the regions. What Russian regions could and should know about the EU. [Evropeiskiy soyuz dlya regionov: chto mozhno i nuzhno znat’ rossiyskim regionam o ES]. St-Petersburg, Norma, 2012. 368 p.

10. Bindi Calussi F. The Committee of the Regons: an atypical influential Committee? // Van Schendelen M. (Ed.) EU Committees as influential policymakers. Aldershot: Ashgate, 1998. P. 225—249.

11. Bursens P., Deforche J. Going Beyond Paradiplomacy? Adding Historical Institutionalism to Account for Regional Foreign Policy Competences // The Hague Journal of Diplomacy. 2010. № 5. P. 151—171.

12. Duchacek I. The Territorial Dimension of the Politics: Within, Among and Across Nations. Boulder: Westview Press, 1986. 328 p.

13. Heininen L., Käkönen J. Introduction: What is New Northern Europe? // The New North of Europe. Perspectives on the Northern Dimension / Edited by Heininen L. and Käkönen J. Tampere: Tampere Peace Research Institute (Research report № 80), 1998. P. 7—13.

14. Huysseune M., Jans M.T. Brussels as the capital of a Europe of the regions? Regional offices as European policy actors // Brussels Studies. 2008, № 16. (http://www.brusselsstudies.be/medias/publications/EN_57_BruS16EN.pdf). Accessed 2.12.2013.

15. Keating M.Regions and International Affairs // Keating M., Aldecoa F. Perediplomacy. London: Frank Cass, 1999. P. 1—15.

16. Kuznetsov A. Subnational Governments in International Affairs: A Study on Theory and Practice of Paradiplomacy. Lucca: IMT Institute for Advanced Studies, 2011. (http://e-theses.imtlucca.it/81/1/Kuznetsov_phdthesis.pdf). Accessed 2.12.2013.

17. Lecours A. Paradiplomacy: Reflections on the Foreign Policy and International Relations of Regions // International Negotiation. 2002. № 7. P. 91—114.

18. Lecours A. Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World. (http://www.clingendael.nl/publications/2008/20081217_cdsp_diplomacy_paper_paradiplomacy.pdf). Accessed 2.12.2013.

19. Moore C. The Impact of Devolution on EU-Level Representation: British Regional Offices in Brussels // Regional and Federal Studies, 2007, Vol. 17, № 3. P. 275—291.

20. Perkmann M. The Rise of the Euroregion. A Bird’s Eye Perspective on European Cross-Border Co-Operation, 2007. (http://www.lancs.ac.uk/fss/sociology/papers/perkmann-rise-of-euroregion.pdf). Accessed 2.12.2013.

21. Sharafutdinova G. Paradiplomacy in the Russian Regions: Tatarstan's Search for Statehood // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. № 4. pp. 613—629.

22. Soldatos P. Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World // Fry E., Brown D. (eds.) States and Provinces in the International Economy. Berkeley: Institute of Governmental Studies Press, 1993. P. 112—135.

23. Summary of the Evaluation of Council Regulation 99/2000 (TACIS) and its implementation. (http://ec.europa.eu/europeaid/how/evaluation/evaluation_reports/evinfo/2006/728_ev_en.pdf). Accessed 2.12.2013.

24. Vos H. et al. The conditio sine qua non of the added value of regions in the EU: upper-level representation as the fundamental precondition // European Integration. 2002. Vol. 24, № 3. P. 201—218.

25. «Alexander Hudilainen: “We hope that the changes in the economic structure of Karelia will awake an echo in Finland” “ [Alexander Hudilainen: My nadeemsya, chto izmeneniya v strukture ekonomiki Karelii naidut otklik v Finlyandii]. (http://www.gov.karelia.ru/News/2012/09/0912_10.html). Accessed 2.12.2013.

26. «Alexander Hudilainen: “Our doors are open” [Alexander Hudilainen: “Nashi dveri otkryty”]. Vesti-Karelia. Week’s top stories. [Vesti-Kareliya. Sobytiya nedeli], 20.08.2013. (http://petrozavodsk.rfn.ru/rnews.html?id=1522073). Accessed 2.12.2013.

27. Alexander Stubb goes to Northwest Russia, Barents Observer, 08.02.2011. (http://barentsobserver.com/en/sections/topics/alexander-stubb-goes-northwest-russia). Accessed 2.12.2013.

28. Head of the Republic of Karelia Alexander Hudilainen visited Finland. [«Vizit Glavy Respubliki Kareliya Alexandra Hudilainena v Finliandiyu»]. (http://rusfintrade.ru/site/article/2338). Accessed 2.12.2013.

29. Naryshkin has invited Hudilainen to visit Finland. [«Naryshkin priglasil Hudilainena v Finliandiyu»], 03.04.2013. (http://karelinform.ru/?id=37194). Accessed 2.12.2013.

Yarovoy G. Revisiting paradiplomacy as a tool for regional development // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. P. 28–41.

Revisiting paradiplomacy as a tool for regional development

YAROVOY Gleb

PhD in Political Sciences,
Chair of Political Science and International Relations,
Petrozavodsk State University
Faculty of Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, gleb.yarovoy@mail.ru

Keywords:
regional paradiplomacy
cross-border cooperation
trans-frontier regional integration
European Neighbourhood Instrument
learning region

Summary:
The article analyses the category of "regional paradiplomacy" aiming to show how the resources of the external regional environment are used by subnational authorities and other actors for socio-economic and cultural development. To this end, an analysis of different forms and instruments of regional paradiplomacy — internationalization, transnationalization and cross-border cooperation — is conducted from the theoretical and empirical perspectives. Forms of regional paradiplomacy are illustrated with an example of the Republic of Karelia. Based on the study of paradiplomatic activities of the border region, the author concludes that not all forms of "communication" with the external environment are used by regional actors in effective way. It is argued that in order to create a "learning region", which would meet the requirements of global politics and the global economy, more attention should be paid to cooperation with international governmental and non-governmental organizations, as well as with foreign states and sub-state actors in Europe.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 32 (030)

Европейский дискурс в политике идентичности Республики Карелия

ЦУМАРОВА Елена Юрьевна

преподаватель кафедры политологии и международных отношений, Петрозаводский государственный университет, факультет политических и социальных наук, Петрозаводск, tsumarova@gmail.com

Ключевые слова:
политика идентичности
Республика Карелия
Северная Европа
сотрудничество
идентичность

Аннотация:
Статья посвящена анализу места Европы в политике идентичности Республики Карелия. В качестве теоретической основы исследования выступает конструктивистский подход в исследованиях политических сообществ. Политика региональной идентичности понимается как деятельность политических элит по формированию образа «мы-сообщества» в административных границах региона. Европейский союз рассматривается в качестве «Значимого Другого», на основе сравнения и противопоставления с которым происходит формирование идентичности в Карелии. В статье подчеркивается, что на дискурсивном уровне Карелия воспринимается в качестве неотъемлемой части Европы, с которой ее связывают общие европейские ценности. При этом апелляция к Европе при проведении политики идентичности носит утилитарный характер и нацелена, во многом, на привлечение дополнительных ресурсов.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Введение

В период с 1995 по 2007 г. произошло значительное увеличение протяженности границы между Российской Федерацией и Европейским союзом. Качественно новое соседство принесло с собой как новые возможности, так и новые вопросы. Так, непосредственное соседство с Европой актуализировало вопрос не просто о взаимоотношениях России и Европейского союза, но и о месте России, ее «европейскости». «Официальный» дискурс транслируется на всей территории РФ. Однако его восприятие может быть различным в силу близости / отдаленности субъектов от границы с Европой. Накопившийся опыт взаимодействия Республики Карелия с европейскими странами позволяет говорить о том, что в этом регионе уже сложилась некая «своя» «европейскость», которая так или иначе будет оказывать влияние на восприятие «официального» дискурса общероссийской идентичности.

Таким образом, в фокусе данного исследования находится европейский дискурс в политике идентичности Республики Карелия, его место в структуре региональной идентичности. При этом региональная идентичность рассматривается не только как фундамент для формирования политического сообщества, но и как один из элементов общественной безопасности в рамках социологического подхода в международных отношениях. Концепция «мягкой безопасности» предполагает отказ от анализа исключительно военного аспекта безопасности, смещение фокуса исследований в сферу экономики, культуры, идентичности. Наличие национальной идентичности,

приверженность регионов общегосударственным ценностям в данном случае оказывается основой для поддержания единства страны, предотвращения сепаратистских тенденций.

Однако логика федеративного государства подразумевает наличие не только национальной, но и региональных идентичностей. Региональные органы власти заинтересованы в проведении собственной политики идентичности, которая направлена на формирование «желаемого представления о самом регионе, о самих себе в регионе и о месте региональных элит в прошлом, настоящем и будущем региона» [5; 192]. Как указывают В. Гельман и Е. Попова, «политика региональной идентичности является “игрой на двух уровнях”» [5; 192]. Это обусловлено тем, что она адресована не только «внутрь региона», но и вовне его. Поэтому политические акторы заинтересованы не только в электоральной поддержке, но и притоке «в регион извне доступных… ресурсов в тех или иных формах» [5; 192]. При этом транслируемый вовне образ региона в любом случае окажет существенное влияние на формирование регионального политического сообщества, так как успех регионального мифа на «внешнем рынке» напрямую зависит от того, разделяем ли он на «рынке внутреннем». В рамках данного исследования полезным представляется добавить в данную схему еще один уровень — международный. «Внешняя» политика идентичности Карелии направлена не только в адрес федерального центра, но и в адрес международного сообщества, прежде всего Финляндии и так называемой Новой Северной Европы (подробнее о понятии «Новая Северная Европа» см., напр.: [11]).

Процесс формирования политики идентичности при этом оказывается подверженным влиянию самых разных, в том числе международных, акторов, заинтересованных в продвижении собственных интересов на определенной территории, т. е. «выступать в роли оружия в политике безопасности других» [29; 88]. Для того чтобы государство могло в полной мере осуществлять меры по обеспечению комплексной, в том числе общественной безопасности, необходимо иметь четкое представление об основных каналах, механизмах и содержании региональной политики идентичности. Представленное исследование направлено на выявление содержания и места европейского дискурса в проводимой политике идентичности Республики Карелия.

Исследования политики региональной идентичности

Региональное измерение российской политики уже довольно долгое время является предметом изучения отечественных и зарубежных ученых (обзор основных исследовательских направлений см. в [4]). Исследователей интересуют как собственно региональные политические институты и практики (см., напр.: [2], [3]), так и региональные вариации общефедеральных норм и институтов (см., в частности: [9], [19]). Особое место в работах такого рода занимают исследования региональной идентичности, под которой понимается самоидентификация людей как жителей регионального политического сообщества Российской Федерации.

Следует подчеркнуть, что в исследовательской литературе доминирует представление об искусственной природе региональной идентичности. Последняя рассматривается как результат политической практики, целенаправленной деятельности региональных политических институтов и акторов, т. е. политики идентичности, которая может быть определена как деятельность политических элит по формированию представлений о «мы-сообществе» в рамках административно-территориальных границ региона. Другими словами, предполагается, что формирование региональной идентичности в первую очередь происходит «сверху» и является следствием «искусственного конструирования, целенаправленного изобретения и социальной инженерии» [24], [20].

Однако в литературе можно встретить и другую позицию, представители которой считают, что региональная идентичность является своеобразным ответом на «кризис системы политической идентификации на общенациональном уровне» [14; 131]. После распада СССР, приведшего, в том числе, и к эрозии национальной (государственной) идентичности, приверженность региональному сообществу позволила «индивиду локализовать себя в пространстве через призму близкой ему устойчивой коллективности» [19; 39]. В многонациональной России на смену «советскому народу» не могла прийти общность этнических русских, и региональная идентичность стала своего рода заменой идентичности этнической и гражданской [21; 136]. Перефразируя Э. Хобсбаума, можно говорить о том, что «для тех, кому уже не приходится рассчитывать на принадлежность к чему-либо, существует, по крайней мере, еще одно… сообщество, к которому может принадлежать человек» — региональное, и чтобы принадлежать к нему, индивиду «не надо ничего делать» — на этой территории просто надо жить [25; 345].

Особое внимание аналитики уделяли также основным компонентам региональной идентичности. Помимо важного компонента — «чувства общности территории» [19], свойственного именно для такого

рода идентичности, исследователи выделяли противопоставление «мы — они», подробно раскрытое в теории этнических границ Ф. Барта [14]. Они также подчеркивали и роль «региональных имен», растиражированных в названиях газет и фирменных поездов [21], а также институтов, предприятий и фирм [19].

В данной статье предпочтение отдается конструктивистскому направлению в исследованиях региональной идентичности. Региональная идентичность рассматривается как результат политики идентичности, продукт деятельности региональных политических акторов, «фактор политической легитимации региональных властных институтов вне и внутри региона» [14; 126].

Теоретические основы изучения идентичности

Исследования идентичности проводились, в первую очередь, в рамках психологии и социологии, где особое внимание уделялось формированию субъективных представлений индивидов о себе как личности или части социума. Историки, социологи и политологи обращались к понятию идентичности также в связи с изучением этничности, наций и национализма. Конструктивистский подход к исследованиям наций и национализма рассматривает нации как политические сообщества и, соответственно, национальную идентичность как связь индивидов именно сообществом такого типа. Согласно данной парадигме, под идентичностью понимается политико-социальный конструкт, продукт использования дискурсивных практик со стороны политических элит [15]. Поскольку целью данного исследования является изучение того, каким образом формируется политика идентичности в Карелии, обращение к данным теоретическим разработкам представляется релевантным.

Анализ исследовательской литературы позволил выявить, что любая политико-культурная идентичность формируется посредством (1) *установления границ «свой — чужой»*, (2) *унификации*, (3) *формирования общего жизненного контекста и доступа к общей информации*, (4) *культивирования чувства престижа* (более подробно см.: [16]).

(1) Установление границ является одной из основ самоидентификации человека как члена определенной общности. Механизм установления границ «свой — чужой» достаточно подробно изучен в социологии, антропологии и политической философии. В социологии этот механизм был разработан Г. Зиммелем и А. Щюцом в работах с идентичным названием «Чужак» («Der Fremde»). Так, для Г. Зиммеля чужак — это некий странник, который приходит в группу извне. Таким образом он пересекает пространственные границы группы (наиболее явные и защищаемые) и остается чужаком всегда, вне зависимости от продолжительности проживания внутри нее. Между ним и группой всегда существуют границы, которые могут становиться меньше, если чужак общается с большим числом членов группы, и больше — в случае несоответствия его поведения групповым ожиданиям. Но при этом, как отмечает Зиммель, полного стирания границ между ними, как правило, не происходит.

Во второй половине XX в. Ф. Барт создал концепцию этнических границ, которая имеет большое количество последователей (см.: [16], [27]). Согласно Ф. Барту, этнические группы существуют на основе культурного содержания в тех границах, которые группа сама себе очерчивает. Соответственно, этнические границы описывают этническую группу не как административно-территориальное образование, а, прежде всего, как культурную и социально-психологическую общность людей. При этом подчеркивается, что этнические границы не равнозначны обозначенным на картах границам административным. Последние лишь отражают расселение этнических групп в определенный исторический период [27; 15].

Как показывает Ф. Барт, этнические границы возникают в результате внутреннего социального конструирования культурных и психологических различий в условиях постоянного взаимодействия членов данной этнической группы с другими группами [27; 15]. Другими словами, этническая граница отражает внутренние представления группы о пределах своей культурной отличительности и свободы. Представления о границах, возникнув в сознании людей, отражают дистанцию как между этническими группами, так и внутри групп, и воплощаются в практике межэтнических отношения. В итоге этническая граница предстает в качестве реального воплощения принципа деления мира на «своих» и «чужих».

Позднее некоторые положения концепции Ф. Барта были развиты в работе Э. Хобсбаума. Анализируя процессы деколонизации, образования новых национальных государств в странах Восточной Европы, исследователь приходит к выводу об изменении контекста в изучении этнических границ. По мнению Э. Хобсбаума, основная проблема, с которой сталкиваются этнические группы во второй половине XX в., — адаптация к жизни в полиэтническом обществе: «это прежде всего означает умение “выторговывать” для данной группы (в конкуренции с другими группами) соответствующую

долю общественных благ, защищать ее от дискриминации… Национализм в смысле претензий на самостоятельное государство или хотя бы языковую автономию не имеет к этому никакого отношения» [24; 245]. Как пишет Хобсбаум, «урбанизация и индустриализация, предполагающие массовые миграции и многообразные перемещения людей, лишают смысла еще одну фундаментальную предпосылку национализма — тезис о существовании территорий с экономически, культурно и лингвистически гомогенным населением» [24; 247]. Другими словами, этнические группы и общины современных государств просто обречены на сосуществование, что приводит к появлению многоязычия и культурной дифференциации.

В целом основные моменты теории границ могут быть сведены к следующему: во-первых, установление дихотомии «свой — чужой» возможно лишь в том случае, если происходят постоянные контакты между представителями различных общностей. Действительно, в процессе формирования образа «чужого» важную роль играют как «реальные» контакты (т. е. путешествия членов различных сообществ), так и «виртуальные» — т. е. получение знаний о другом сообществе посредством СМИ или через выступления представителей политической элиты «своего» сообщества. Именно в этих текстах чаще всего можно встретить указание на то, что за пределами того или иного сообщества существуют другие сообщества, которые чем-то отличаются от него и которые преследуют собственные интересы, противоречащие «нашим». Таким образом, политические элиты артикулируют наличие некоего «чужого», который противопоставляется «своим».

Во-вторых, границы между «своими» и «чужими» устанавливаются не только изнутри, но и извне. Как показывают М. Ноженко и Н. Яргомская, основными способами конструирования границ извне являются «те политические решения, в результате которых возникают обозначенные на карте границы». Это, прежде всего, демаркация и титуализация («официальное закрепление названия того территориального пространства, которое находится в пределах демаркированных границ») [16; 130]. Формирование же границ изнутри происходит, по их мнению, путем реализации политики идентичности, которая направлена на «создание и закрепление образа сообщества». И здесь одним из главных механизмов является «карта-как-логотип», «символическое цветовое обозначение на карте того территориального пространства, которое в результате демаркации оказывается “закрепленным” за тем или иным сообществом» [16; 131].

(2) Говоря об унификации, речь, в первую очередь, ведут об унифицированном аппарате власти. Э. Гидденс отмечал чрезвычайную важность наличия единой администрации для формирования политических сообществ. По его мнению, нация существует только тогда, «когда государство имеет унифицированную администрацию, которая распространяется по всей территории, объявленной суверенной» [29; 34]. Другими словами, Гидденс считает, что нация появляется только при появлении государства особого типа — национального и, соответственно, что одно не может существовать без другого. Национальное государство при этом обладает монопольным правом установления правил поведения на своей территории [29; 35].

(3) Третья составляющая механизма формирования идентичности тесным образом связана с формированием границ «свой — чужой» и унификацией. Это — успешная коммуникация, которая, с точки зрения К. Дойча, зависит не столько от знания языка, сколько от общего жизненного контекста. К. Дойч впервые рассмотрел коммуникацию в качестве одного из свойств национальной идентичности [28; 27—29]. Под общим жизненным контекстом понимается наличие некоего «общего знания», которой распространяется по всей территории. Важную роль в процессе распространения «общей» информации играют СМИ. Если в случае установления границ «свой — чужой» происходит дифференциация индивидов на тех, кто принадлежит к «мы-сообществу», и тех, кто к нему не принадлежит, то общий жизненный контекст связывает воедино всех «своих». Другими словами, общий жизненный контекст — это вся совокупность представлений о «мы-сообществе». И несомненно, что в массиве такого рода восприятий должны преобладать положительные представления, которые являются основой для чувства престижа.

Впервые в социологии связь чувства престижа и идентификации с определенным сообществом была описана М. Вебером [32; 21—25]. Он отмечал поддержание значимости «сообщества» посредством культивирования его особенных черт [32; 25]. Люди чаще будут отождествлять себя с тем сообществом, принадлежность к которому считается престижной. И наоборот, когда соотнесение себя с тем или иным сообществом «невыгодно», на первый план выйдет любая другая идентичность.

В последующем многие авторы уделяли в своих работах внимание проблеме взаимосвязи чувства престижа и формирования политико-культурной идентичности. В качестве основного механизма поддержания чувства престижа рассматривался патриотизм. Патриотизм в данном случае может

пониматься как одно из необходимых условий для самой возможности стабильного существования политического сообщества. Этот патриотизм «внедряется» в массовое сознание посредством создания единых мифов, символов и т. д. (более подробно механизмы формирования патриотических чувств описаны в [24]).

В данной работе основное внимание уделяется формированию идентичности посредством противопоставления «своих» и «чужих». Европа в данном случае рассматривается как «Значимый Другой», на сравнении с которым конструируется идентичность в Республике Карелия. Основным методом исследования при этом выступает дискурсивный анализ политических текстов (выступлений представителей политической элиты республики).

Политика идентичности в Карелии

Окончание холодной войны поставило руководство России, а также приграничных субъектов федерации, в том числе Карелии, перед необходимостью переосмысления внешней политики в целом и определения своего места в международных отношениях в частности. На федеральном уровне отношения между Россией и Европейским Союзом оказывали влияние на проводимую политику идентичности. Так, на протяжении 1990-х гг., когда России необходимо было адаптироваться к новому статусу на международной арене и заручиться поддержкой влиятельных государств, дискурс партнерства позволял сгладить существующие проблемы и противоречия с помощью провозглашаемого равенства и единства. Однако уже в начале XXI в. с усилением государства началось изменение внешней политики по отношению к Европейскому союзу и, следовательно, дискурса идентичности. Дискурс прагматизма поставил во главу угла национальные интересы России, сделал акцент на существующих границах. С этого момента Европа перестала быть частью «мы-сообщества» и стала играть роль «Значимого Другого», на основе сравнения и противопоставления с которым и строится политика идентичности в современной России [31].

В Карелии также встал вопрос о самоидентификации, особенно в связи с географической и исторической близостью со странами Европы. Важную роль в формировании политики идентичности в республике играет ее географическое расположение, наличие протяженной границы с Европейским союзом и связанные с этим международные контакты. Как отмечают исследователи, внешнеполитическая деятельность Карелии «является инструментом и атрибутом [ее] новой самоидентификации», а развитие взаимоотношений с соседней Финляндией порождает «новую, альтернативную европейскую идентичность», которая находится «на периферии двух “миров” — североевропейской и славянской культур» [10].

Следует отметить при этом, что понятие Европы в политике идентичности Карелии сводится, в первую очередь, к странам Северной Европы — Финляндии, Швеции и Норвегии [17]. Географическая близость Карелии к этим государствам обуславливает и интенсивное взаимодействие в рамках реализации различного рода проектов, и апеллирование к ним при формировании образа «мы-сообщества».

В целом европейский дискурс в политике идентичности Карелии включает в себя две составляющие. Так, с одной стороны, политические акторы подчеркивают утилитарный характер взаимодействия со странами Северной Европы. Международное сотрудничество, прежде всего приграничное, рассматривается ими как один из путей решения социальных, экономических, экологических и других проблем республики. В частности, министр внешних связей Карелии Валерий Шлямин заявлял о том, что правительство стремится «извлечь максимум возможного от участия республики в международных региональных организациях» [1].

Международная деятельность Республики Карелия начала активно развиваться после падения железного занавеса. Основным партнером на международной арене стала соседняя Финляндия, которая также была заинтересована в установлении добрососедских отношений с новой Россией. Так, в 1992 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Финляндией, который определил основные правила взаимодействия двух стран, в том числе на уровне приграничного взаимодействия. Ключевым направлением сотрудничества Карелии и Финляндии в начале 1990-х гг. являлась гуманитарная помощь, направляемая западным соседом для повышения качества и уровня жизни жителей Карелии. Правительство Финляндии выделяло специальные средства для стимулирования экономического и социального развития соседней республики.

В это же время Карелия стала активно участвовать в деятельности международных организаций, таких как Региональный совет Баренцева Евро-Арктического региона (1993 г.), Совет министров Северных стран (1994 г.), Совет государств Балтийского моря (1995 г.). Вступление Финляндии в

Евросоюз в 1995 г. открыло дополнительные возможности для международной деятельности Карелии. Республика стала активно участвовать в реализации европейских программ, в частности TACIS, а затем и Интеррег. Как отмечается на официальном сайте органов государственной власти Карелии, в период 1994—1997 гг. на территории республики было реализовано 348 проектов с партнерами-регионами государств Европы и в рамках европейских программ на общую сумму в 38 млн долларов США [13].

В 2000 г. на территории Карелии и трех приграничных региональных союзов Финляндии был создан еврорегион «Карелия», который вывел двустороннее сотрудничество на принципиально новый уровень. Главными направлениями сотрудничества в рамках еврорегиона были названы экономические связи, охрана окружающей среды, туризм и культура. Как пишет В. Шлямин, «для нас еврорегион “Карелия” — это возможность энергично изучать европейский опыт регионального управления, местного самоуправления, построения гражданского общества с использованием элементов этого опыта в проведении реформ в нашей республике» [26].

Программа приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001—2006 гг. также содержит в себе элементы утилитарного, прагматичного восприятия стран Европы. В частности, отмечается, что основной целью международных программ на территории Карелии является «повышение благосостояния жителей приграничных территорий посредством трансграничного сотрудничества и создание нового механизма взаимодействия на границах ЕС и России при помощи еврорегиона “Карелия”» [22]. Международное сотрудничество рассматривается как неотъемлемая часть «и жизни населения, и государственного управления», институт «обслуживания потребностей экономики и интересов граждан» [12].

Таким образом, участие Карелии в международных программах и проектах приграничного сотрудничества способствует распространению прагматичного восприятия европейских государств. Страны Европы, прежде всего Северной, рассматриваются как источники дополнительных ресурсов для экономического развития республики. При этом подчеркивается уникальный опыт Карелии в развитии международных связей, что становится важной частью проводимой политики идентичности: «Карелия — признанный форпост приграничного сотрудничества на Северо-Западе», где многие годы развивается «инновационная модель сотрудничества, основанная на проверенных европейской практикой нормах и правилах» [18].

Несмотря на то что юридически Карелия не обладает полномочиями для заключения международных договоров с другими государствами, органы государственной власти республики рассматривают ее в качестве равнозначного партнера в международной деятельности. Европа в целом, и Финляндия в частности описываются в качестве «своих», но не в качестве «старшего брата», который «учит» младшего соседа. Так, подводя итоги международной деятельности республики в 1994—1997 гг., авторы подчеркивали, что «Республика Карелия получила российское и международное признание в качестве полноправного региона Европы, активного участника и члена европейских межрегиональных организаций и программ» [12].

Такое восприятие Карелии стало возможным благодаря транслированию другой составляющей европейского дискурса — партнерской. В выступлениях высших должностных лиц республики довольно часто встречается упоминание стран Европы в качестве «своих», с которыми Карелию «объединяют общие европейские ценности» [23]. Политическая элита Карелии формирует представление о республике как об открытом регионе, который «вносит свой достойный вклад в укрепление России, в строительство общеевропейского дома» [7]. Другими словами, Карелия рассматривается в качестве неотъемлемой части более масштабного сообщества Северной Европы.

Включение Карелии в североевропейское сообщество обосновывается рядом факторов, главным среди которых является близость республики с Финляндией. Как отмечается в Программе приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001—2006 гг., «общность истории, близость языков финно-угорских народов, населяющих Север России и Финляндию, — являются естественными предпосылками для активизации сотрудничества между нашими странами» [22]. Так, важным фактором, объединяющим Карелию и Финляндию, называется карело-финский эпос «Калевала», который рассматривается как общее культурное достояние. Ежегодно 28 февраля и в Карелии, и в Финляндии отмечается День «Калевалы», к которому приурочено большое количество мероприятий, в том числе с участием приглашенных коллективов.

В целом принадлежность Карелии к финно-угорскому миру довольно часто актуализируется в выступлениях политической элиты республики. Этим обосновывается и национальная политика, направленная на сохранение карельского и вепсского языков, и культурные и образовательные инициативы, связанные с изучением и распространением финского языка в Карелии. Кроме этого,

апелляция к финно-угорскому миру позволяет республиканским органам власти формировать представление об особом месте Карелии в культурном ландшафте как России, так и Европы. В одном из интервью глава республики С. Катанандов отметил: «Наше бесценное достояние — само понятие “Карелия”, наличие уникальной северной финно-угорской культуры. Сохранить самобытность, развить многонациональную общность — это значит получить дополнительные возможности для успешного развития Карелии в XXI веке» [8].

Дополнительными факторами, способствующими поддержанию тесных связей Карелии и Финляндии, называются «традиции православия и карельской культуры» (особенно в северных территориях Финляндии), сходные климатические условия, природа и общая граница. Граница в данном случае выполняет контактные, а не разделительные функции, и призвана прежде всего обеспечить коммуникацию и взаимное доверие жителей территорий по обе ее стороны

Фактор границы получил особое значение после вступления Финляндии в Евросоюз. Карелия стала рассматриваться как ворота между Западом и Востоком, «мост» между Объединенной Европой и глубинными регионами России [22]. Карелия представляется в качестве региона, в котором соединяются традиции западной и восточной культур, и которая образует своего рода гибрид, сочетающий в себе лучшие черты обеих традиций. Сотрудничество на приграничных территориях в свою очередь приводит к сглаживанию отчужденности между жителями разных стран, а граница становится более «прозрачной» [22].

Проведенный анализ показал, что политика идентичности Республики Карелия включает в себя две составляющие «европейского» дискурса. Так, с одной стороны, страны Европы представляются в качестве экономических партнеров, за счет взаимодействия с которыми власти республики пытаются решать экономические, социальные и другие проблемы. Европа рассматривается в качестве важного ресурса для развития территории. С другой стороны, географическая, историческая и культурная близость Карелии со странами Северной Европы и прежде всего Финляндии позволяет политическим элитам формировать образ республики как европейского региона, части Северной Европы. В частности, подчеркивается общность культурного пространства, которая способствует формированию и поддержанию атмосферы доверия между жителями Карелии и Финляндии. Карелия также рассматривается как «мост», «ворота» между Западом и Востоком, который соединяет в себе лучшие черты обоих культур.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шлямин В. Республике необходима концепция международной деятельности // Карелия. 1996. 6 февр.

2. Галлямов Р. Р. Политические элиты российских республик : особенности трансформации в постсоветский период // ПОЛИС. 1998. № 2. С. 108—115.

3. Гельман В. Региональная власть в современной России : институты, режимы и практики // ПОЛИС. 1998. № 1. С. 87—105.

4. Гельман В. По ту сторону Садового кольца : опыт политической регионалистики России // Полития. 2001—2002. № 4. С. 65—94.

5. Гельман В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России / В. Гельман, Е. Попова // Гельман В., Хопф Т. (ред.) Центр и региональные идентичности в России. СПб. ; М., 2003. С. 187—254.

6. Голосов Г. Российская партийная система и региональная политика, 1993—2003. СПб., 2006.

7. Катанандов С. Надо смелее двигаться вперед // Карелия. 2003. 5 апр.

8. Край «Калевалы» — наш общий дом [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 2001. URL: http://gov.karelia.ru/gov/Leader/Position/010110.html, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

9. Кынев А. В. Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы // ПОЛИС. 2006. № 6. С. 145—161.

10. Марен А. В поисках европейской идентичности : парадипломатическая деятельность Республики Карелия и ее последствия // Политическая наука : современное состояние, тенденции и перспективы. 2002. № 1. С. 79 (78—100).

11. Маркушина Н. Северная безопасность и концепция «Нового Севера» // Обозреватель. 2011. № 4. С. 92—100.

12. Международная деятельность Республики Карелия в 1994—1997 годах : краткие итоги [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 2001. URL: http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97.html, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

13. Международные организации, проекты и программы : двустороннее сотрудничество РК с зарубежными партнерами [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 1998. URL: http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97b.html, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

14. Мелешкина Е. Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Ильин М. В., Бусыгина И. М. (ред.) Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 126—137 (131).

15. Миллер Н. О дискурсивной природе национализмов [Электронный ресурс] // Pro Et Contra. 1997. Т. 2. № 4. URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

16. Ноженко М. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов / М. Ноженко, Н. Яргомская // Политическая наука. 2005. № 3. С. 119—141

17. Окно России в Северную Европу // Карелия. 2003. 26 апр.

18. Опыт приграничной Карелии важен для России [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 2011. URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2011/06/0603_20.html, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

19. Орачева О. И. Региональная идентичность : миф или реальность? // Ильин М. В., Бусыгина И. М. (ред.) Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 36—43 (39).

20. Панов П. Изменение электоральных институтов в России : кроссрегиональный сравнительный анализ // Полис. 2004. № 6. С. 16—29.

21. Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // Гельман В., Хопф Т. (ред.) Центр и региональные идентичности в России. СПб. ; М., 2003. С. 125—186 (126).

22. Программа приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001—2006 годы [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 2000. URL: http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/Boundary/index.html, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

23. Три месяца в числе лидеров // Карелия. 2003. 8 апр.

24. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. 306 с.

25. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 332—346.

26. Шлямин В. Еврорегион «Карелия» — новые вызовы и новые возможности [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 2001. URL: http://gov.karelia.ru/gov/News/2001/0518_01a.html, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

27. Barth F. Introduction, in: F. Barth (ed.) Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference, Waveland Press, 1969. P. 9—16.

28. Deutsch K. Nationalism and Social Communication, in: Hunchinson J., Smith A. (eds.) Nationalism, Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 27—29.

29. Giddens A. The Nation as Power-Container / A. Giddens // Nationalism. New York. P. 34—35.

30. McSweeney B. Security, Identity and Interests. A Sociology of International Relations. Cambridge University Press, 2004. P. 88.

31. Tsumarova E. Identity Politics in Russia: Europe in Russian Political Discourse // European Politics and Society: Studies of Young Russian Scholars. / E. Belokurova (ed.). St. Petersburg: Intersocis, 2009. P. 123—146.

32. Weber M. The Nation, in: Hunchinson J., Smith A. (eds.) Nationalism, Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 21—25.

REFERENCES

1. Valeriy Shlyamin, minister of external affairs of Republic of Karelia: the Republic needs a strategy of international activity [Valerii Sklyamin, ministr vneshnih svyazei RK: Respublike neobhodima kontseptsia mezhdunarodnoy deyatel’nosti] // Karelia, № 14, February 6, 1996.

2. Gallyamov R. R. Political elites of Russian republics: peculiarities of transformation in the post-soviet period [Politicheskie elity rossiyskikh respublik: osobennosti transformatsii v postsovietskiy period] / R. Gallyamov // POLIS. 1998. № 2. P. 108—115.

3. Gel’man V. Regional power in modern Russia: institutions, regimes and practices [Regionalnaya vlast’ v sovremennoy Rossii: instituty, rezhimy i praktiki] / V. Gel’man // POLIS. 1998. № 1. С. 87—105.

4. Gel’man V. On the other side of the Garden Ring-Road: experience of poitican regionalization of Russia [Po tu storonu Sadovogo kol’tsa: opyt polititcheskoy regionalistiki Rossii] / V. Gel’man // POLIS. 1998. № 1. С. 87—105.

5. Gel’man V., Popova E. Regional political elites and strategies of regional identity in modern Russia [Regional’nye politichestkie elity i strategii regional’noy identichnosti v sovremennoy Rossii] / V. Gel’man , E. Popova // Gel’man V., Hopf T. (ed.) Tsentr i regional’nye identichnosti v Rossii [Center and regional identities in Russia]. SPb, M., 2003. P. 187—254 (192).

6. Golosov G. Russian party system and regional politics [Rossiiskaya partiynaya sistema i regional’naya politika], 1993—2003 / G. Golosov SPb: izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006.

7. Katanandov S. “One has to move forward more bravely” [Nado smelee dvigat’sya vpered] // Karelia, April 5, 2003.

8. Kray “Kalevaly” – nash obshchiy dom [Land of Kalevala is our collective home] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 2001. (http://gov.karelia.ru/gov/Leader/Position/010110.html) Accessed 9.10.2013.

9. Kynev A. V. Political parties in Russian regions: a view through the lense of regional electoral reform [Politicheskiye partii v rossiyskikh regionakh: vzglyad cherez prizmu regional’noy izbiratel’noi reformy] / A. Kynev // POLIS. 2006. № 6. С. 145—161.

10. Maren A. In search of a European political identity: paradiplomatic activity of the Republic of Karelia and its consequences [V poiskakh evropeyskoy identichnosti: paradiplomaticheskaya deyatel'nost' Respubliki Karelija i ee posledstviya] // Political Science. Contemporary state, tendencies and perspectives [Politicheskaya nauka. Sovremennoe sostoyanie, tendentsii i perspektivy]. M: INION, 2002. № 1. С. 79 (78—100).

11. Markushina N. Northern Security and the Concept of the “New North” [Severnaya bezopasnost' i konceptsiya «Novogo Severa»] / N. Markushina // Obozrevatel' [Observer]. 2011. № 4. С. 92—100.

12. International activity of the Republic of Karelia in 1994—1997. Short-term Results [Mezhdunarodnaya deyatel'nost' Respubliki Karelija v 1994—1997 godakh. Kratkie itogi] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 2001. (http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97.html) Accessed 9.102013.

13. International organizations, projects and programs. Bilateral cooperation of the Republic of Karelia with foreign partners [Mezhdunarodnye organizatsii, proekty i programmy. Dvustoronnee sotrudnichestvo RK s zarubezhnymi partnerami] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 1998. (http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97b.html) Accessed 9.10.2013.

14. Meleshkina E. Ju. Regional Identity as a constituent of the problematics of Russian political space [Regional'naya identichnost' kak sostavlyayushchaya problematiki rossiyskogo politicheskogo prostranstva] / E. Meleshkina // Il'in M. V., Busygina I. M. (ed.) Regional self-consciousness as a factor of formation of political culture in Russia [Regional'noe samosoznanie kak faktor formirovaniya politicheskoy kul'tury v Rossii]. M., 1999. P. 126—137 (131).

15. Miller N. On the discursive nature of nationalisms [O diskursivnoy prirode natsionalizmov] [Electronic article] / N. Miller // Pro Et Contra. 1997. T. 2. № 4. (http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm) Accessed 9.10.2013.

16. Nozhenko M. V., Yargomskaja N. In search of a new regional community: possible perspective for viewing federal districts [V poiskakh novogo regional'nogo soobshchestva: vozmozhnaya perspektiva rassmotreniya federal'nykh okrugov] // Politicheskaya nauka [Political science]. 2005. № 3. P. 119—141.

17. Russian window into Northern Europe [Okno Rossii v Severnuyu Evropu] // Karelia, 26 April 2003.

18. Experience of near-border Karelia is important for Russia [Opyt prigranichnoy Karelii vazhen dlya Rossii] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 2011. (http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2011/06/0603_20.html) Accessed 9.10.2013.

19. Oracheva O. I. Regional Identity: A myth or reality? [Regional'naya identichnost': mif ili real'nost'?]/ O.

Oracheva // Il'in M. V., Busygina I. M. (ed.) Regional'noe samosoznanie kak faktor formirovaniya politicheskoy kul'tury v Rossii [Regional self-consciousness as a factor of formation of political culture in Russia]. M., 1999. P. 36—43 (39).

20. Panov P. Transformation of electoral institutions in Russia: cross-regional comparative analysis [Izmenenie elektoral'nykh institutov v Rossii: krossregional'nyi sravnitel'nyi analiz] / P. Panov // Polis. 2004. № 6. P. 16—29.

21. Petrov N. Formation of regional identity in modern Russia [Formirovanie regional'noy identichnosti v sovremennoy Rossii] / N. Petrov // Gel'man V., Hopf T. (red.) Centr i regional'nye identichnosti v Rossii [Center and regional identities in Russia]. SPb, M., 2003. P. 125—186 (126).

22. Program of cross-border cooperation of the Republic of Karelia for 2001—2006 [Programma prigranichnogo sotrudnichestva Respubliki Kareliya na 2001—2006 gody] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 2000. (http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/Boundary/index.html) Accessed 9.10.2013.

23. Three months among leaders [Tri mesyatsa v chisle liderov] // Karelia, 8 April 2003.

24. Hobsbawm E. Nations and Nationalism after 1780 [Natsii i natsionalizm posle 1780 goda]. SPb., 1998. 306 p.

25. Hobsbawm E. Principle of ethnic affiliation and nationalism in contemporary Europe [Printsip etnicheskoy prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoy Evrope] / E. Hobsbawm // Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]. M., 2002. P. 332—346.

26. Shlyamin V. Euroregion “Karelia” — New challenges and opportunities [Evroregion «Kareliya» — novye vyzovy i novye vozmozhnosti] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 2001. (http://gov.karelia.ru/gov/News/2001/0518_01a.html) Accessed 9.10.2013.

27. Barth F. Introduction, in: F. Barth (ed.) Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference, Waveland Press, 1969. P. 9—16.

28. Deutsch K. Nationalism and Social Communication, in: Hunchinson J., Smith A. (eds.) Nationalism, Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 27—29.

29. Giddens A. The Nation as Power-Container / A. Giddens // Nationalism. New York. P. 34—35.

30. McSweeney B. Security, Identity and Interests. A Sociology of International Relations. Cambridge University Press, 2004. P. 88

31. Tsumarova E. Identity Politics in Russia: Europe in Russian Political Discourse // European Politics and Society: Studies of Young Russian Scholars. / E. Belokurova (ed.). St. Petersburg: Intersocis, 2009. P. 123 – 146.

32. Weber M. The Nation, in: Hunchinson J., Smith A. (eds.) Nationalism, Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 21—25.

Tsumarova E. European discourse in the identity politics of the Republic of Karelia // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. P. 42–52.

European discourse in the identity politics of the Republic of Karelia

TSUMAROVA Elena

Lecturer,
Petrozavodsk State University
Faculty of Political and Social Sciences
Chair of Political Science
and International Relations,
Petrozavodsk, tsumarova@gmail.com

Keywords:
Identity politics
Republic of Karelia
Northern Europe
cooperation
identity

Summary:
This article aims to analyze the place of Europe in the identity politics of the Republic of Karelia. The theoretical base for this research is constructivist approach to investigating political communities. Politics of regional identity is understood as activities of political elites, aimed at constructing the image of a “we-community” within the administrative borders of the region. The European Union is examined as a “Significant Other” based on comparison with which, the formation of Karelian identity takes place. The article emphasizes that on the level of discourse Karelia is perceived as an intangible part of Europe, because it shares the same common European values. At the same time the appeal to Europe while carrying out identity politics has a utilitarian character and is largely aimed at attracting additional resources.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 316.4

Шоковая терапия на границе российской Карелии — постсоциализм в двух лесопромышленных поселках

РАННИККО Пертти
доктор социологических наук,
профессор экологии,
Университет Восточной Финляндии
(кампус Йоэнсуу),
Институт географических
и исторических исследований,
Йоэнсуу, pertti.rannikko@uef.fi

КОРТЕЛАЙНЕН Ярмо
доктор социологических наук,
профессор географии,
Университет Восточной Финляндии
(кампус Йоэнсуу),
Институт географических
и исторических исследований,
Йоэнсуу, jarmo.kortelainen@uef.fi

Ключевые слова:
Республика Карелия
таможенная политика
лесоторговля
Финляндия
Россия
лесопромышленные поселки
шоковая терапия
постсоциализм
Лендеры
Реболы

Аннотация:
В статье анализируется роль лесного хозяйства в трансформации сельской местности в России в постсоциалистический период. Цель работы — выделение типичных характеристик лесопользования на приграничной территории. Объектом исследования являются Реболы и Лендеры — два лесопромышленных поселка в Муезерском районе, на развитие которых решающим образом повлияло крушение лесопользования советского типа и переход к рыночной экономике. В статье показано, что концепция шоковой терапии может быть применена как метод описания продолжительной по времени и драматичной по характеру трансформации, через которую прошли эти два приграничных населенных пункта.
В 1950-х гг. до двенадцати лесопунктов было построено в исследованной нами части Муезерского района для проведения лесозаготовок и вывозки леса. Через небольшой промежуток времени многие из этих поселков перестали существовать, так как рабочие были переведены на другие участки для проведения лесозаготовок. К моменту, когда вывозка леса автотранспортом окончательно заменила сплав леса, в этой части Муезерского района оставались только три лесопромышленных поселка. Переход к рыночной экономике и скандинавской системе лесозаготовок означал, что потребность в рабочей силе, занятой на лесозаготовках, осталась только в Лендерах, а скорость, с которой продолжалась деградация других населенных пунктов, увеличилась. В обретении Лендерами

центральной роли в лесном экспорте, который увеличивался благодаря либерализации экспортных поставок, решающим фактором стала близость этого поселка к государственной границе. В последние годы ужесточение правил лесного экспорта, принятое правительством России, поставило под угрозу положение Лендер как узлового пункта торговли лесоматериалами.
Политика правительства, новые технологии, внезапные изменения в правилах, регулирующих пограничный режим, определяли судьбу лесопромышленных поселков, перемещая рабочие места и людей с одного места в другое. Трансграничная лесоторговля обеспечивала процветание и благополучие приграничных поселков, создавая зависимость, увеличивавшую их уязвимость.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

То, каким образом старое уступает дорогу новому, не является очевидной истиной. Этот переход часто характеризуется социологами как борьба между новым и старым. Еще в 1940-е гг. Иосиф Шумпетер предложил концепцию «креативного разрушения» для объяснения феномена эволюции противоречивой в своей основе капиталистической экономики: структурные изменения в ней вызывают появление новых отраслей и предприятий, обусловливая исчезновение старых [18]. Сторонники теории «креативного разрушения» объясняют необходимость закрытия заводов и другие разрушительные последствия развития одновременным проявлением позитивных созидательных процессов.

Таких же воззрений о переходе от этапа разрушения к позитивному развитию придерживается учение, известное как шоковая терапия, которую западные экономисты предложили бывшим социалистическим странам в качестве стратегии перехода к рыночной экономике. Методами шоковой терапии в них стремились к форсированному запуску рыночных механизмов, разрушая жесткими методами прежние институты. Этими мероприятиями, одновременно проводившимися в различных отраслях экономики, на прежнюю систему оказывалось шоковое воздействие, которое должно было под угрозой банкротства принудить предприятия к переходу на рыночные рельсы [1; 220]. Сторонники шоковой терапии полагали, что такие действия дадут экономике возможность быстро перейти от этапа трудностей к росту, который легитимировал бы и саму реформу.

За требованиями шоковой терапии стояли международные организации, прежде всего подобные Международному валютному фонду (МВФ) и Всемирному банку (ВБ). В число рекомендовавшихся ими мероприятий входили приватизация, либерализация цен и внешней торговли, а также жесткая финансовая политика, вплоть до исключения субвенций [1; 219—221]. После крушения социализма методы шоковой терапии были по-разному применены в бывших социалистических странах. Эстония, Латвия и Литва выполняли рекомендации более последовательно, чем страны Центральной Европы. В начале своего правления Борис Ельцин выбрал курс на быстрый переход России к рыночной экономике, либерализовав цены и внешнюю торговлю, результатом чего стал экономический кризис. Поскольку в нашей статье анализируются процессы в сельской местности и лесном хозяйстве России, мы не будем более подробно характеризовать изменения в экономической политике России в постсоциалистический период. Подходящим для нашего анализа исходным пунктом является периодизация сельского хозяйства России, предложенная Никула, Гранбергом и Аланен [10].

Согласно этой периодизации, в ельцинском реформировании сельского хозяйства в России выделяются три этапа: разрушительный, восстановительный и созидательный. Реформы начального периода президентства Ельцина (1992—1993 гг.) можно считать уничтожителями прежней системы. В процессе их реализации государство прекратило регулировать сельскохозяйственный сектор. Результатом этого этапа стало быстрое падение показателей сельскохозяйственного производства до уровня 1950-х гг. Восстановительный этап продолжался с середины 1990-х до 1998 г. За это время были реорганизованы совхозы, колхозы, оптовая торговля и пищевая промышленность, но сохранены крупные предприятия. С 1999 г., после прихода к власти Владимира Путина, государство стало проводить новую сельскохозяйственную политику, стремясь к развитию рыночных отношений и стабильному производству продовольствия. Программа развития сельского хозяйства включала в себя реструктуризацию долгов крупных предприятий отрасли, защиту отечественных производителей

посредством таможенных пошлин и квот на производство, систему сельскохозяйственного кредитования и обновление основного капитала [10], [23].

В России в постсоциалистический период лесная промышленность и сельское хозяйство испытали одинаковые экономические, социальные и политические изменения. Упомянутая выше периодизация развития сельского хозяйства является хорошей основой для изучения лесного хозяйства России. Для лесопромышленных поселков своего рода шоковой терапией можно считать не только реформы начала 1990-х гг., но и политику, проводившуюся под руководством В. Путина с 2005 г., целью которой была модернизация лесного сектора России. Быстрым повышением пошлин на экспорт древесины власти пытались побудить международные лесопромышленные компании инвестировать во внутреннее производство и создавать производственные мощности в России. Высокие пошлины на экспорт древесины повлекли за собой резкое снижение объемов заготавливаемой древесины, вызвав серьезные проблемы у лесозаготовительных предприятий и в лесопромышленных поселках.

В данной статье рассматривается роль лесного хозяйства в сельской местности России в переходный постсоциалистический период. Объектом нашего исследования являются пограничные леса европейской части России и изменения в лесопользовании. Цель исследования — выявление типичных для приграничных территорий характеристик в использовании лесных ресурсов. Изучаемые лесные поселки Лендеры и Реболы находятся на небольшом расстоянии от российско-финляндской границы в российской Карелии, недалеко от финского г. Лиекса. На развитие этой территории решающее воздействие оказало крушение лесного хозяйство советского образца и переход к условиям рыночной экономики.

Для описания этапов эволюции лесного хозяйства в поселках Лендеры и Реболы и прилегающей к ним местности использовались методы локального исследования. Основная часть материалов была собрана нами в 2008—2012 гг. в ходе шести исследовательских поездок в эти районы, во время которых было проведено интервьюирование местных жителей, включая руководителей лесозаготовительных предприятий. Для облегчения восприятия статьи и краткого изложения полученных материалов ссылки на отдельные интервью, использованные в анализе и перечисленные в списке источников, как правило, не даются. Полевые исследовательские поездки были важны и для составления точного представления об изучаемых районах. Демографические данные по отдельным деревням и поселкам почерпнуты в Национальном архиве Республики Карелия и у местных властей. Сведения о лесном хозяйстве и лесозаготовительных предприятиях извлечены также из статей, опубликованных в Интернете и газетах.

Исследуемая территория

Исследованные нами поселки Лендеры и Реболы, находящиеся в Республике Карелия в приграничной северо-западной части Российской Федерации, являются ресурсными поселениями, благосостояние которых зависит от лесного хозяйства. Они располагаются на покрытой лесами территории, недалеко от границы с Финляндией и, одновременно, с Европейским союзом, административно входя в Муезерский район.

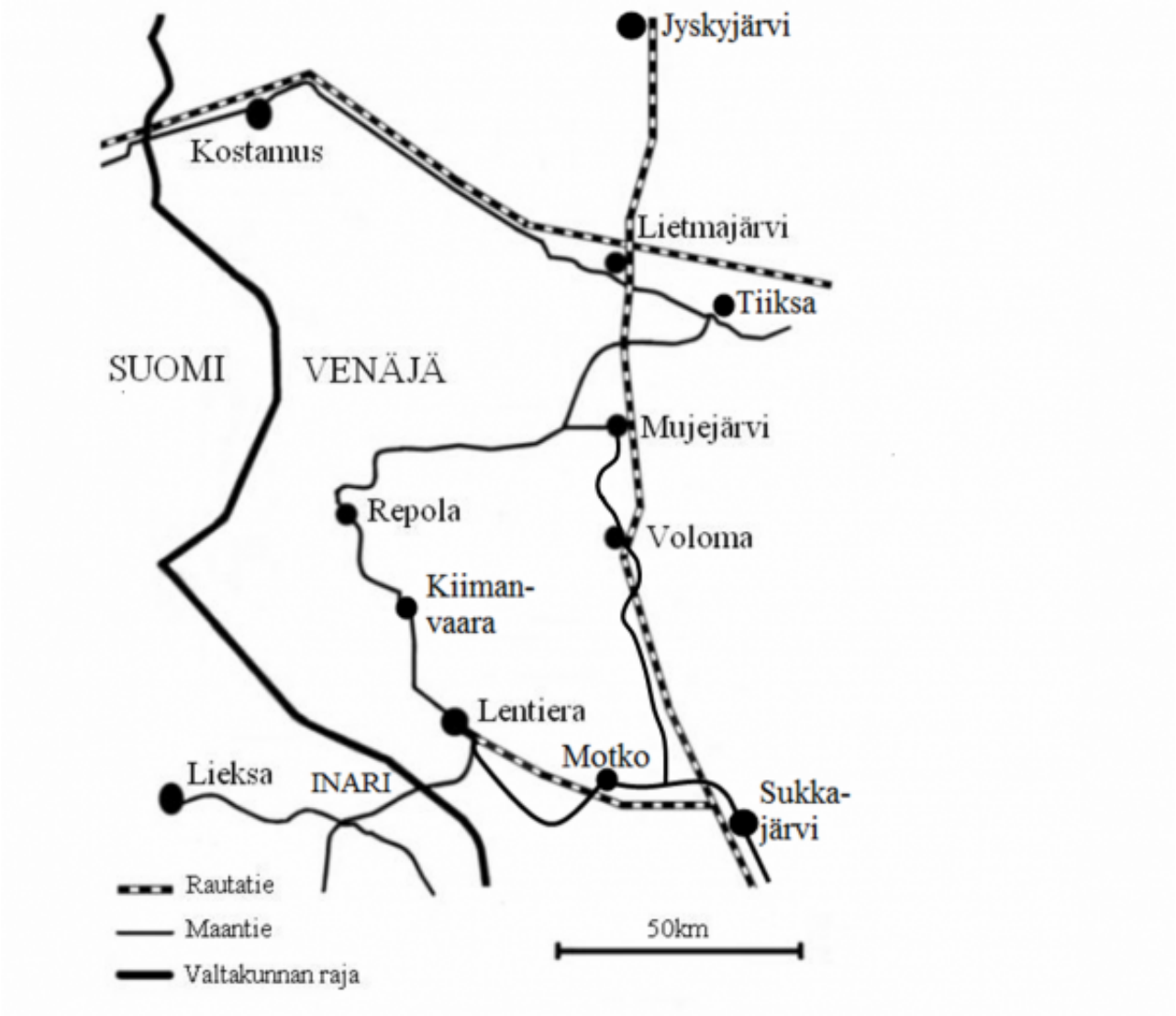

Рис. 1. Местоположение поселков Лендеры и Реболы и дорожная сеть
Перевод легенды карты и топонимов:
Rautatie — железная дорога
Maantie — шоссейная дорога
Valtakunnan raja — государственная граница
SUOMI — ФИНЛЯНДИЯ
VENÄJÄ — РОССИЯ
Jyskyjärvi — д. Юшкозеро
Kostamus — г. Костомукша
Lietmajärvi — п. Ледмозеро
Tiiksa — п. Тикша
Mujejärvi — пгт. Муезерский
Voloma — п. Волома
Repola — п. Реболы
Kiimanvaara — д. Кимоваара
Lentiera — п. Лендеры
Motko — п. Мотко
Sukkajärvi — п. Суккозеро
INARI — п. ИНАРИ
Lieksa — г. Лиекса
В настоящее время почти все население западной части Муезерского района проживает в этих

двух поселках. Изменения в этих населенных пунктах и в поселенческой сети на изучаемой территории являются следствием множества резких экономических и технических изменений в лесном хозяйстве и способах вывозки леса.

На протяжении многих веков эта территория была приграничной, поскольку государственная граница на этом участке была установлена в 1617 г. Для передвижения людей госграница между Россией и Швецией долгое время не была сколько-нибудь значительным препятствием. Время от времени эта территория страдала от военных действий. Она входит в бассейн реки Лиекса, по которой вода течет в сторону Финляндии.

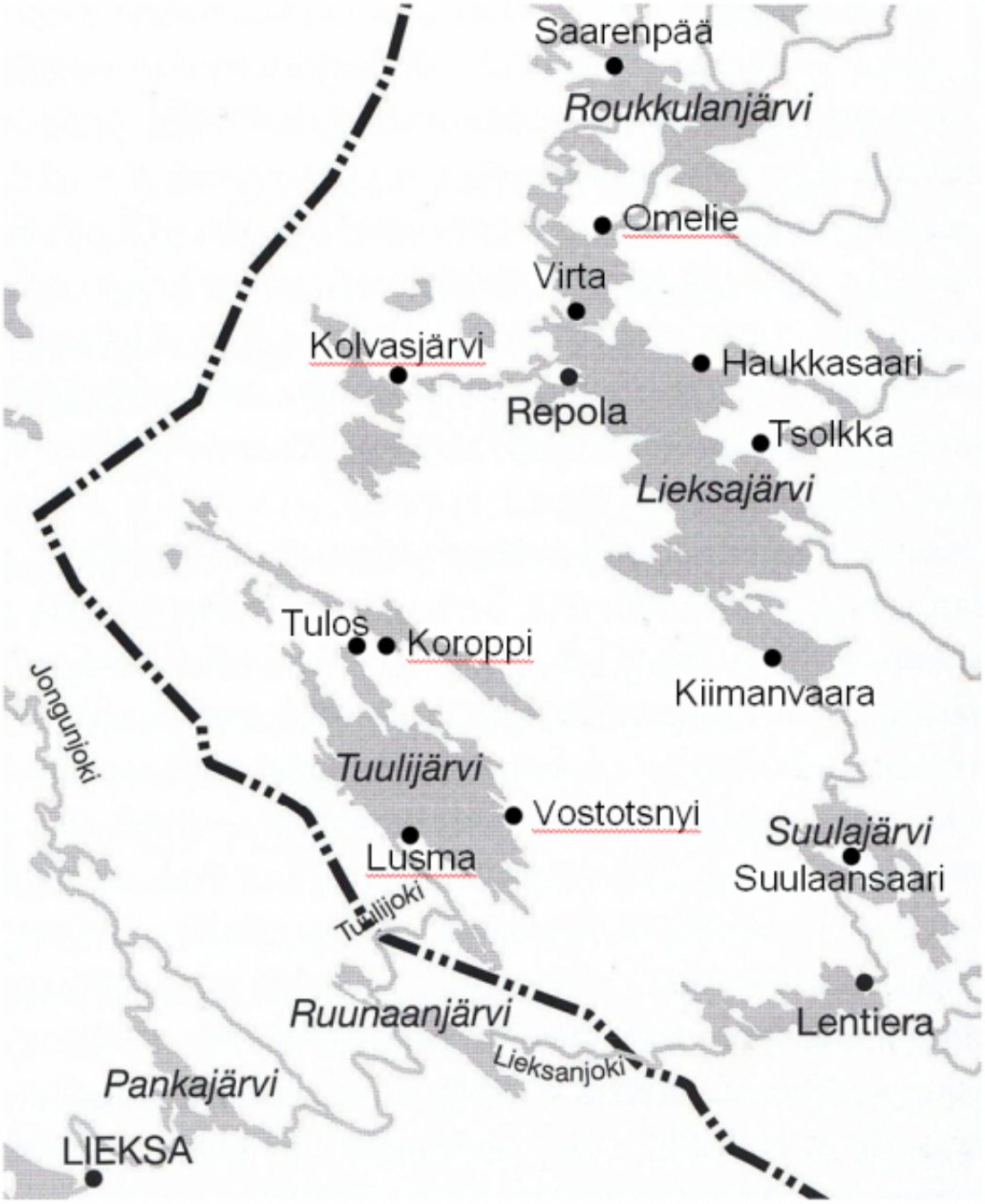

Рис. 2. Бассейн реки Лиекса. [17]
Перевод топонимов и гидронимов:
Haukkasaari — д. Гафостров
Kiimanvaara — д. Кимоваара

Kolvasjärvi — д. Колвасозеро
Koroppi — д. Короппи
Lentiera — п. Лендеры
LIEKSA — г. ЛИЕКСА
Lusma — д. Лужма
Omelie — д. Емельяновка
Repola — п. Реболы
Saarenpää — д. Конецостров
Suulansaari — д. Сулоостров
Tsolkka — д. Челки
Tulos — д. Тулос
Virta — д. Вирда
Vostotsnyi — п. Восточный
Jongunjoki — р. Йонгунйоки
Lieksajärvi — оз. Лексозеро
Lieksanjoki — р. Лиексанйоки (Лендерка)
Pankajärvi — оз. Панкаярви
Roukkulanjärvi — оз. Ровкульское
Ruunaanjärvi — оз. Ру(у)нанъярви
Suulajärvi — оз. Сула
Tuulijoki — р. Тула (Лужма)
Tuulijärvi — оз. Тулос

Эта естественная водная система была удобным маршрутом для торговли и других трансграничных контактов [17]. До начала советского периода поселенческая сеть бассейна реки Лиекса насчитывала более 30 небольших карельских деревень, входивших в Ребольскую волость, а в первые десятилетия советской власти (начиная с 1927 г.) — в Ребольский район.

Лес всегда был основным источником существования для местного населения. Первые жители в этих местах, карелы, поселились здесь более 500 лет тому назад, используя в качестве источников своего существования охоту, рыбалку и подсечное земледелие. По мере развития лесного хозяйства древесину в районе Ребол и Лендер стали заготавливать в качестве сырья для лесоперерабатывающей промышленности [20]. Еще до прихода к власти большевиков бревна, заготовленные в окрестностях Ребол, начали сплавлять для распиловки на лесопилки, находившиеся в Финляндии. Удаленные от центра губернии Реболы не были связаны путями сообщения с лесопилками, расположенными на территории России, и единственным способом вывоза леса стал дарованный природой маршрут лесосплава в западном направлении через государственную границу. Лесоторговля продолжалась и в 1920—1930-х гг. [17], несмотря на то, что граница между СССР и Финляндией стала не только межгосударственной, но и идеологической, разделявшей две диаметрально противоположные социальные системы.

Начавшаяся в 1939 г. война между СССР и Финляндией на долгое время прекратила заготовки леса в районе п. Реболы. Война уничтожила бóльшую часть деревень Ребольского района, и прошло много времени, прежде чем численность его населения достигла предвоенных показателей [7]. Реболы утратили статус районного центра в 1948 г., когда эта территория была присоединена к Ругозерскому району. Несмотря на это, в 1955 г. в результате возобновившейся лесоторговли с Финляндией начался подъем Ребол. Вновь стал функционировать Ребольский леспромхоз, которому в будущем предстояло пережить наиболее продуктивные годы оживленного трансграничного лесосплава и лесоторговли. Эти формы экономической деятельности были наиболее значимыми для ребольчан уже в начале XX в., но только с 1955 г. природные богатства края и люди были полностью подчинены лесной промышленности [15], которая превратилась в единственный фактор, определявший использование природных ресурсов на местном уровне.

Социалистический индустриализм и лесная промышленность советского типа

Переход к социалистической системе до основания изменил систему управления природными ресурсами. В государственную собственность перешли земля и ресурсы, используя которые в СССР приступили к планомерной работе по индустриализации и модернизации экономики страны. В сталинский период главной целью было догнать западные страны в экономике и социальной сфере. Социалистический индустриализм относился к природе как к источнику неисчерпаемых ресурсов, и, например, на продуктивность лесов и устойчивое развитие лесной промышленности не обращалось

особого внимания. Вековая тайга казалась неиссякаемым источником сырья для нужд лесной промышленности СССР.

Лесная промышленность не развивалась равномерно во всех лесных регионах страны, концентрируя свои мощности лишь в некоторых из них. Социалистический индустриализм включал в себя последовательное развитие системы регионального разделения труда, в рамках которой каждый регион специализировался в производстве определенного вида продукции. Карелии была отведена роль производителя лесопромышленной продукции, в результате чего сельская местность республики развивалась весьма односторонне, преимущественно за счет лесного хозяйства и лесной промышленности.

После Второй мировой войны начали применяться более интенсивные методы лесопользования, и единственной задачей лесных сельских районов страны стало производство круглого леса (кругляка) для постоянно растущих потребностей экономики. К концу 1950-х гг. в Карелии было построено 340 новых лесопунктов для заготовки и вывозки древесины [5; 17], [4]. Для снабжения леспромхозов рабочей силой, лесозаготовителями и сплавщиками, колхозы были либо ликвидированы, либо присоединены к подсобным хозяйствам ЛПХ. Старые деревни, население которых не могло быть задействовано в лесозаготовках и на вывозке леса, были оставлены на произвол судьбы. Колхозники стали работать в лесу и на сплаве, переселившись в лесопункты.

В районе Ребол во второй половине 1950-х гг. также начались лесозаготовки на большом количестве новых лесных участков. Сюда прибывала рабочая сила из других регионов Советского Союза, что изменило этнический состав населения. В ранние годы существования СССР, например в 1926 г., 93 % населения Ребольской волости составляли карелы [19; 250], в настоящее время их примерно 20 % (сведения о населении п. Реболы за 2008 г.). Карелы, тем не менее, играли важную роль как посредники в трансграничном лесосплаве, поскольку владели финским языком и могли легко преодолевать языковой и культурный барьер. По этой причине большое количество карелов работало в пунктах сдачи древесины, в которых представители продавцов и покупателей совместно сортировали древесину, измеряли бревна и вели учет.

Советская система стремилась максимально жестко регулировать обмен информацией между сдатчиками и приемщиками древесины, держа и в этом отношении границу настолько закрытой, насколько это было возможно. Каждый работник действовал согласно строгим инструкциям. Разговаривать можно было только непосредственно о делах по работе, да и то лишь в случае абсолютной необходимости. Но в определении сортов древесины все же необходимо было взаимопонимание. Такие ситуации использовались сдатчиками для вопросов о судьбе своих родственников, живших по другую сторону границы, и отправки им записок. Мелкая торговля и товарообмен также имели место, поскольку водка всегда была товаром, пользовавшимся спросом в Финляндии, а финские ножи — в СССР [12; 315—316]. Тем не менее о том, как живется по другую сторону границы, было известно совсем немного.

Поселенческая сеть, призванная служить потребностям лесоэкспорта, сформировалась в России еще до революции. В 1950-е гг. она получила быстрое и планомерное развитие. Населенные пункты были сосредоточены вдоль маршрутов лесосплава, в весенне-летний период их население занималось сплавом леса, зимой — лесозаготовками. Население перемещали с места на место по мере освоения новых лесозаготовительных участков. В 1950-х гг. население в прежнем Ребольском районе концентрировалось в основном в западной его части, поскольку быстрее всего росли деревни, расположенные по берегам оз. Тулос, недалеко от государственной границы (см. рис. 2 и 3). В конце 1950-х — начале 1960-х гг. здесь проживала почти тысяча человек, при том что до войны численность населения в этих местах не достигала 200 человек. Впоследствии из-за истощения лесных ресурсов роль этих деревень уменьшилась. Сплав на оз. Тулос был полностью прекращен в 1970 г., после чего проживание постоянного населения в деревнях перестало быть необходимым для леспромхоза. После закрытия школ, магазинов и других учреждений, обслуживавших население, жители были вынуждены переехать туда, где были рабочие места.

Тем не менее сплав древесины по оз. Лексозеро по-прежнему активно продолжался. Численность населения лесопромышленных поселков Реболы и Лендеры, занимавших центральное место в лесозаготовках и сплаве леса, росла еще и в 1970-е гг., в то время, когда расцвет небольших деревень уже уходил в прошлое (см. рис. 3). Значение отдаленных деревень уменьшалось также по причине перехода от конной вывозки леса с делянок к тракторам и грузовым автомобилям. Постепенно объем сплава по оз. Лексозеро также стал уменьшаться, полностью прекратившись в 1986 г. Запасы древесины вдоль маршрута лесосплава заканчивались, и вывозка леса стала производиться по

железной и шоссейным дорогам.

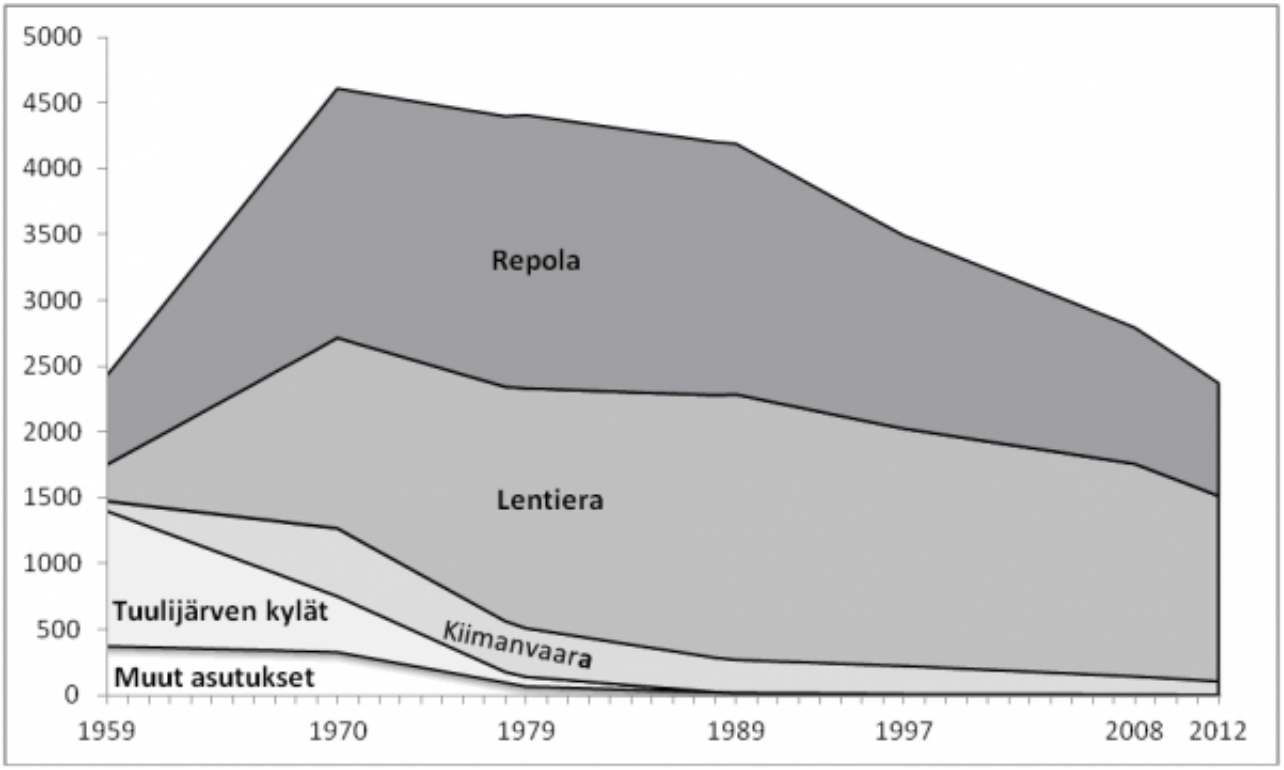

Рис. 3. Динамика численности населения изучаемых деревень в 1959—2012 гг. (Источники: данные переписи населения в 1959, 1970 и 1979 гг., хранящиеся в НА РК, 1989 и 1997 гг. [7] и сведения сельских поселений Лендеры и Реболы за 2008 и 2012 гг.)

Западно-Карельская железная дорога, строительство которой завершилось в 1960-е гг., изменила положение дел на изучаемой территории, дав возможность вывозить древесину в восточном направлении для переработки на предприятиях СССР. Одновременно центр тяжести лесозаготовок переместился из приграничных территорий на восток, ближе к железной дороге (рис. 1). Коренным образом изменилась схема транспортировки заготовленной древесины, и логистическими центрами стали нижние склады, построенные у железной дороги. Реболы и Лендеры перешли к советской системе, в которой лесовозные автомобили доставляли заготовленные лесорубами хлысты из леса на нижние склады, где они разделывались на сортименты и сортировались, после чего грузились в вагоны для отправки на перерабатывающие предприятия [11; 156—159]. Сотни людей постоянно работали на нижних складах, и, как правило, вокруг них возникали населенные пункты.

После завершения лесосплава, означавшего резкое сокращение объемов лесоторговли с Финляндией, значение восточного маршрута транспортировки леса еще более возросло. Прекращение лесосплава означало также почти полное закрытие границы и доставку заготовленной древесины по железной дороге для переработки на предприятия Советской Карелии. В результате находившиеся рядом с границей поселки утратили свой особый статус. Это новое положение стало роковым прежде всего для расположенного далеко от железной дороги п. Реболы. Ребольский леспромхоз был ликвидирован в 1986 г., став лесопунктом нового Муезерского леспромхоза. Численность населения п. Муезерский, который в 1966 г. стал районным центром, находившегося на железной дороге, быстро превысила 4 тыс. человек (рис. 1). В сравнении с Реболами Лендеры находились в более выгодном положении, так как в 1960-х гг. была построена железнодорожная ветка, связавшая этот поселок с Западно-Карельской железной дорогой.

Постепенно власти стали обращать внимание на последствия продолжавшихся десятилетия после Второй мировой войны масштабных вырубок леса. Объемы лесозаготовок до этого определялись не в соответствии с производительностью лесов, а на основе оценок центральных органов потребности в древесине, что приводило к перерубу расчетной лесосеки. Объемы вырубки леса в Советской Карелии в конце 1960-х гг. на десятки процентов превышали естественный годовой прирост леса [9]. Во избежание переруба государство значительно сократило плановые задания леспромхозов. В рекордные

для Лендерского леспромхоза 1970-е гг. он заготавливал 280 тыс. м³ древесины, тогда как в 1990-е гг. — лишь 150 тыс. м³[1].

Рыночная экономика и «скандинавизация» лесного хозяйства

После распада СССР Россия перешла от плановой экономики к рыночной. Непосредственное применение западных учений о рыночной экономике, впрочем, не удалось, и результатом стало появление особой российской рыночной экономики, сохраняющей многие характерные черты, унаследованные от плановой экономики. В лесном секторе, например, составной частью этого «коктейля» являлся переход лесозаготовительных предприятий от государства к новым собственникам при сохранении подходов и технологий советского времени. Кроме прочего, и леса остались в собственности государства.

После распада СССР в политике вначале господствовал подход, основанный на клятве верности свободной рыночной экономике. Как было сказано выше, в начале президентства Б. Ельцина экономические реформы проводились в соответствии с принципами учения, известного под названием «шоковая терапия». Целью была внезапная и радикальная либерализация — экономический шок, в ходе которого, в частности, власти стремились в быстром темпе приватизировать средства производства, отпустить цены, разрешить свободную внешнюю торговлю и сделать рубль конвертируемой валютой [2]. Принимая во внимание структурные изменения в производстве, ельцинские реформы, в ходе которых внимание акцентировалось на свободной рыночной экономике, можно разделить на разрушительный и восстановительный периоды [10].

Шоковая терапия быстро распространилась по всей России, и в карельских лесах в первой половине 1990-х гг. экономика и люди также пережили разрушительный период. Государственные промышленные комплексы в течение нескольких лет были разделены на небольшие местные предприятия, собственниками которых в основном первоначально стали их работники [6]. В последние годы существования СССР предприятия лесного сектора КАССР входили в состав гигантского лесопромышленного объединения «Кареллеспром» [9; 95—96]. В результате приватизации это объединение распалось на множество самостоятельных заводов и лесозаготовительных предприятий. В ходе этого процесса Лендерский и Муезерский леспромхозы превратились в акционерные предприятия, держателями акций которых стали в основном их работники. Эти предприятия изменились настолько, что их названия после реорганизации нецелесообразно переводить как «центры лесного хозяйства» (финский перевод ЛПХ. — *Ю. К.*), а следует называть лесозаготовительными предприятиями (фин. puunkorjuusyrityksiä).

Лесная промышленность Карелии в 1990-е гг. частично интегрировалась в международную рыночную экономику [9; 95—96]. Продукция советской промышленности почти целиком шла на внутренний рынок и в другие социалистические страны, спрос со стороны которых обрушился в начале 1990-х гг. После этого промышленная продукция во все возраставших объемах стала экспортироваться в страны Западной Европы. Эффект от этих новых торговых связей выразился в дифференцированном развитии населенных пунктов и территорий [6, 13]. Успех работавших на экспорт предприятий отражался в лесопромышленных поселках в виде повышения зарплат и общего уровня жизни. Разрушительный период реформ «проредил» российское лесное хозяйство, так как большое количество приватизированных заводов и лесозаготовительных компаний были нерентабельными и обанкротились.

Восстановительный период в лесном секторе, или его реорганизация, начался в середине 1990-х гг. с ориентации на развитие экспорта лесоматериалов. Либеральная экономическая политика, либерализация внешней торговли и экспорт производимой из природных ресурсов продукции обеспечили приток валюты в страну. Успех заводов, ориентированных на экспорт своей продукции, был соблазнительным, и собственность предприятий этой отрасли стала концентрироваться посредством их скупки в руках крупных российских или зарубежных компаний. На развитие лесного сектора Карелии решающим образом повлиял экспорт леса кругляка, одним из самых значимых покупателей которого стала Финляндия. Объемы поставлявшейся из СССР в Финляндию древесины были относительно невелики, составляя в 1970—1980-х гг. от 3 до 4 млн м³ [21; 9]. Во время разрушительного периода, в начале 1990-х гг., российская лесная промышленность находилась в состоянии хаоса в связи с обрушением спроса на ее продукцию и перекрытием государственных «денежных кранов» [6]. Проблемы финансирования перерабатывающих предприятий сильно затрудняли функционирование рынка древесины. Экспортные поставки древесины стали средством спасения для многих лесозаготовительных предприятий, поскольку вследствие либерализации внешней торговли поставлять эту продукцию за рубеж стало проще. Крупные финские лесопромышленные компании также заметили изменившуюся ситуацию, начав увеличивать свое производство, используя импортные поставки

древесины. Вследствие этого объемы древесины, экспортировавшейся в Финляндию из Карелии и других регионов северо-западной части России, в первой половине 1990-х гг. начали быстро расти (см. рис. 4).

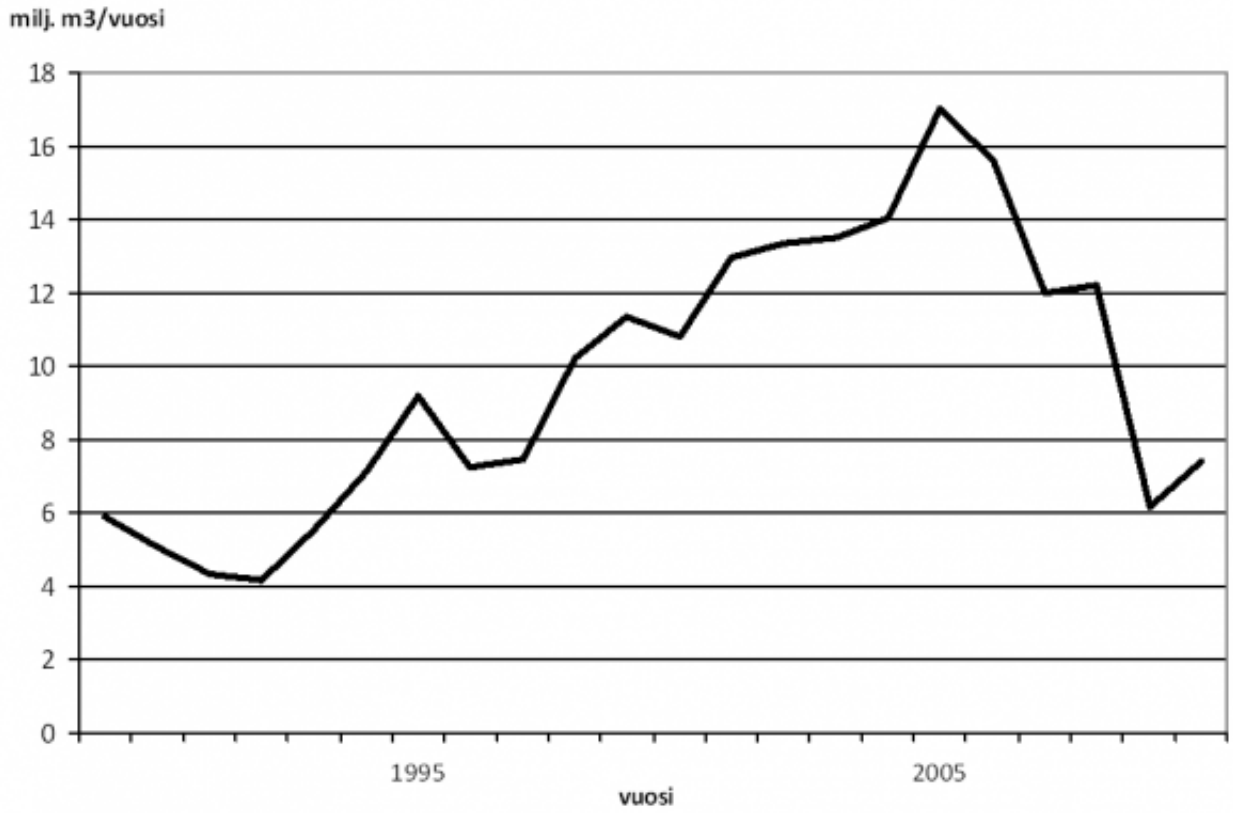

Рис. 4. Объемы древесины, экспортированной из России в Финляндию (млн м³/год) в 1989—2010 гг. [8]

В начале 1990-х гг. в развитии лесоторговли в изучаемом нами районе тоже начался новый этап. Поставки лесоматериалов из Лендер заводам в Кондопоге, Питкяранте и Сегеже продолжались и после завершения приватизации. Вызванные шоковой терапией проблемы появились и у этих потребителей, которые стали испытывать трудности с финансированием. Лендеры были спасены возрождением экспорта необработанных лесоматериалов в Финляндию, возобновившегося после многолетнего перерыва.

После изменения режима пересечения госграницы и реорганизации местного лесного хозяйства в 1995 г. финская компания Vapo Timber Oy начала покупать лес кругляк у Лендерского леспромхоза, доставляя его в Финляндию лесовозными автомобилями через пункт упрощенного пропуска в Инари [Ваповиести. 2008]. Пункт пересечения границы находится примерно в 20 км от п. Лендеры (см. рис. 1). Лесоматериалы поставлялись в основном на находившиеся недалеко от границы лесопилки компании Vapo Timber Oy в Лиексе и Нурмесе, балансовая древесина — на ближайший целлюлозный завод компании Stora Enso в п. Уймахарью.

Вторым следствием изменения режима пересечения госграницы стало постепенное проникновение в Россию скандинавских технологий лесозаготовок. В советский период государственная граница в отношении приемов, применяемых в лесозаготовках, была закрыта, и эти технологии по обе стороны границы развивались в противоположных направлениях. В связи с закупками древесины компания Vapo Timber Oy начала в сотрудничестве с Лендерским леспромхозом внедрять новые приемы лесозаготовки. От хлыстовой трелевки и вывозки заготовленной древесины на нижние склады, унаследованные от советской эпохи, отказались, перейдя к использованию привезенных из Финляндии многооперационных лесосечных машин, которые валят деревья, обрезают сучья, производят раскряжевку и обмер полученных сортиментов. Поначалу рубки проводили финские специалисты на своих машинах, однако со временем леспромхоз приобрел собственные харвестеры, и эту работу стали выполнять местные жители. Помимо лесозаготовительных машин, через границу проникали и знания,

поскольку компания Vapo Timber Oy и финские образовательные организации обучали лендерских лесорубов новым приемам работы, а водителей лесовозных автомобилей — использованию новых технологий.

Лендеры все же не перешли полностью к машинной рубке леса. Еще и в 2008 г. половину всей заготовленной древесины валили с использованием бензопил, а вторую половину — двумя закупленными леспромхозом харвестерами. Несмотря на сокращение потребности в рабочей силе вследствие применения новых технологий, на этом лесозаготовительном предприятии в 2008 г. было занято 260 человек, включая операторов харвестеров, водителей лесовозных автомобилей и другие категории работников [Ваповиести. 2008]. После приватизации предприятие несло определенную ответственность за занятость жителей поселка. В советское время предприятия лесного сектора обеспечивали услугами населенные пункты, поддерживая в дееспособном состоянии инфраструктуру, обслуживавшую рабочих и их семьи как в заводских поселках, так и в лесозаготовительных районах [6]. В процессе приватизации решение этих задач было возложено на муниципальные власти, у которых, как правило, не было средств на содержание сферы услуг и инфраструктуры. По этой причине многие производственные предприятия продолжали оказывать населению некоторые виды услуг.

Восстановление экспорта древесины и последовавший за этим восстановительный период упрочили положение в Лендерах, поскольку расположение поселка на шоссейной дороге, по которой лес вывозился в Финляндию, обеспечивало жителям рабочие места и благосостояние. Тем не менее количество местных жителей, занятых на лесозаготовках, постоянно сокращалось. Численность персонала Лендерского леспромхоза в 1991 г. в четыре раза превышала этот показатель в 2008 г. [9]. И все же гораздо быстрее число лесных работников сокращалось в Реболах, расположенных далеко от узловых железнодорожных и шоссейных дорог. Муезерский леспромхоз по-прежнему экспортировал древесину в Финляндию, однако вывозил ее лесовозами через пункт пропуска в районе Костомукши (см. рис. 1). Лесозаготовительные участки находились далеко от Ребол, и потребность в местной рабочей силе была минимальной. Переход к рыночной экономике лишь завершил тот процесс, начало которому положило окончание лесосплава [15]. За 20 лет население поселка уменьшилось вдвое, а сфера услуг и социальная система почти полностью разрушены. Подсобное хозяйство и пекарня, обеспечивающие продовольствием жителей поселка, закрыты, как, впрочем, и больница, и другие учреждения, важные в повседневной жизни человека. Жизнь в поселке еще больше замерла после ликвидации в 1999 г. Ребольского пограничного отряда, предоставлявшего рабочие места для местных жителей.

Государственный капитализм и ужесточение управления природными ресурсами

После распада СССР государство продолжало играть центральную роль в управлении лесными ресурсами России. Оно по-прежнему является собственником всех лесов федерации, и Министерство природных ресурсов и экологии стремится регулировать лесопользование. Лесозаготовительные предприятия могут взять лесные участки в аренду на 50 лет, приобретая права на вырубку леса. Система управления лесами по своей структуре в значительной степени является советской. В настоящее время в Российской Федерации за лесопользование и охрану лесов отвечает Министерство природных ресурсов и экологии, а за лесное хозяйство и промышленность — Федеральное агентство лесного хозяйства (Рослесхоз) и Министерство промышленности и энергетики (с 12.05.2008 г. — Министерство промышленности и торговли РФ. — *Ю. К.*). Способы управления лесами и их эксплуатации за последние 20 лет много раз менялись.

Переход к правлению В. Путина в 2000 г. означал очередные изменения в управлении лесными и другими природными ресурсами. В правление Б. Ельцина для государственного управления экономикой было характерно использование согласительной политики, предусматривавшей гармонизацию различных интересов в ходе переговорного процесса. После прихода к власти Путина был совершен переход к более централизованной, авторитарной и иерархичной системе, суть которой отражена в концепции государственного капитализма [16]. Более жесткие подходы к управлению природными ресурсами являются одними из основных признаков государственного контроля. Путин стал акцентировать внимание на том, что такие природные ресурсы, как нефть, газ и лес, следует использовать на благо всего российского общества[2]. Применяя предложенную Никула, Гранбергом и Аланен [10] периодизацию сельского хозяйства к развитию лесного сектора в первое десятилетие XXI в., этот этап можно назвать конструктивным. В это время государство стремилось создать условия для роста производственных отраслей экономики и их модернизации. Целью государства было создание необходимых предпосылок для создания лесных концернов и привлечения иностранных инвесторов в Россию.

Поскольку лесоперерабатывающая промышленность Карелии находилась в кризисном состоянии,

поток древесины во все возрастающих объемах направлялся на финские заводы. Начиная с 2005 г. центральное руководство России стало критичнее относиться к экспорту необработанных лесоматериалов, от которого, как считалось, в основном выигрывала зарубежная промышленность. Власти начали настойчивее требовать инвестиций и перевода производственных мощностей в Россию вместо использования страны лишь как источника сырья. Зарубежные компании, тем не менее, не стали строить в России большие новые заводы по переработке древесины, хотя несколько крупных предприятий отрасли были приобретены иностранными собственниками. Финские компании построили в Карелии несколько лесопилок, но от крупных капиталовложений воздержались по причине неблагоприятного инвестиционного климата.

Отношение руководителей государства к экспорту древесины становилось со временем все более негативным. В 2006 г. президент Путин выступил с жесткой речью, в которой охарактеризовал экспорт необработанной древесины как грабеж природных ресурсов России, обогащающий зарубежные страны. В качестве средства достижения цели, уменьшения сырьевого экспорта, российское государство избрало таможенную политику, которая в последние годы решающим образом изменила положение карельских лесов в международном контексте. Экспортные пошлины на необработанную древесину стали быстро повышаться. Целью ужесточившейся таможенной политики была модернизация лесоперерабатывающих производств на основе зарубежных технологий, увеличение промышленной кооперации российских и зарубежных компаний, перенос производства международных компаний в Россию и защита внутреннего рынка [3; 5—10].

Одновременно для лесной промышленности был подготовлен проект стратегического развития до 2020 г., целью которого является модернизация устаревшей производственной системы под контролем государства. Документ предусматривает, кроме прочего, более активную работу по привлечению инвестиций, формирование условий для создания вертикально интегрированных комплексов и увеличение внутреннего рынка потребления лесоматериалов. В качестве дополнительной цели стратегия предусматривает совершенствование законодательства, налогообложения и создание финансовых условий, благоприятных для ведения лесного бизнеса [3].

Новая таможенная политика проводилась методами шоковой терапии и реализовывалась быстрыми темпами. В 2006 г. величина экспортной пошлины за вывоз 1 м³ необработанной древесины составляла примерно 2,5 евро. Российское государство решило постепенно повышать экспортные пошлины таким образом, чтобы в 2009 г. пошлины на основные виды лесоматериалов составляли до 50 евро за 1 м³. На практике повышение пошлин было не столь значительным, и в 2009 г. за хвойную древесину и березовый баланс диаметром свыше 15 см уплачивалась пошлина в размере 25 % стоимости, или как минимум 15 €/ м³. Березовый баланс диаметром меньше 15 см экспортировался беспошлинно, но его сортировка вызывала большие дополнительные расходы[4].

Целью этой таможенной политики было сделать нерентабельным экспорт тех видов лесоматериалов, которые могли перерабатываться в России. Власти также считали, что шоковая терапия заставит международные лесопромышленные компании перенести производство в Россию. Более жесткий подход и ограничения, введенные государством, быстро привели к сокращению объемов экспортной лесоторговли страны [22; 8], [3; 7]. Падение внешнеторговых показателей имело место в конце 2008 г., когда на лесоторговлю дополнительно негативно повлиял общемировой экономический спад. Тогда же значительно сократился лесной экспорт в Финляндию, однако эта политика не привела к достижению цели — увеличению инвестиций.

Сокращение объемов лесоторговли в скором времени воздействовало на ситуацию по обе стороны границы. Зависимость от экспорта и импорта древесины начала быстро проявляться, что привело к негативным последствиям на лесопромышленных территориях как в восточной части Финляндии, так и в России. Промышленные предприятия на востоке Финляндии были вынуждены сократить производство и изменить номенклатуру производимой продукции. Объем рубок леса и лесных работ в Карелии уменьшился [14, 3]. Через пункт пропуска в Инари в 2002—2006 гг. в Финляндию ежегодно ввозили до 250 тыс. м³ лесоматериалов. Эти показатели резко пошли вниз, и в 2009 г. по этому маршруту было вывезено лишь 65 тыс. м³[5].

Представляется, что экспортные пошлины роковым образом сказались на судьбе Лендерского леспромхоза и п. Лендеры, которые полностью зависели от потока пересекающей границу древесины. Поскольку весь заготовленный здесь лес поставлялся в Финляндию на лесовозах, железнодорожная ветка в течение многих лет не поддерживалась в порядке, и ее нельзя было использовать для перевозки лесоматериалов. Шоссейные дороги, находившиеся в плохом состоянии, не позволяли вывозить заготовленную древесину в восточном направлении. Выгодное для ведения лесоторговли

центральное положение Лендер становилось периферическим.

Изменения в судьбе лесопромышленных поселков, вызванные стратегией развития лесной промышленности России, хорошо иллюстрирует смена собственника Лендерского леспромхоза. В 2007—2008 гг. собственником Лендерского и Муезерского леспромхозов стало ЗАО «Инвестлеспром», один из крупнейших лесопромышленных холдингов России, основанный в 2006 г. Смена собственника означала поворот на 180 градусов в направлении транспортировки лесоматериалов, поскольку ориентированное на экспорт и получавшее от этого прибыль предприятие (Лендерский ЛПХ) вдруг стало одним из поставщиков Сегежского ЦБК. Западное направление сменилось на восточный маршрут.

ЗАО «Инвестлеспром» — один из крупнейших российских лесопромышленных холдингов со 100%-м российским капиталом. В его состав входят 60 предприятий, действующих в России и Европе, включая лесозаготовительные, а также деревообрабатывающие и целлюлозно-бумажные заводы[6]. Уже в год основания холдинга в его состав вошел Сегежский ЦБК. Холдинг приобрел большое количество лесозаготовительных предприятий не только на изучаемой нами территории, но и в других местах для снабжения этого комбината древесиной [7]. Появившиеся после распада СССР мелкая собственность и бизнес в лесном секторе просуществовали не очень долго. Посредством холдингов лесозаготовительные и деревообрабатывающие предприятия были объединены в лесопромышленные концерны [6]. В соответствии с описанной выше государственной стратегией главной целью созидательного этапа в первое десятилетие XXI в. стало формирование и усиление вертикально интегрированных производственных комплексов.

ЗАО «Инвестлеспром» действовал в соответствии с этой стратегией, поставив целью осуществить широкую программу модернизации своих производственных предприятий. Своеобразным флагманским проектом холдинга является проект «Белый медведь» по расширению Сегежского ЦБК, который должен довести годовой объем перерабатываемой комбинатом древесины до 2,5 млн м³ [3; 11]. Для реализации этого проекта холдинг стремится увеличить поставки древесины и модернизировать свои лесозаготовительные предприятия. Целью проекта является полный переход на скандинавскую технологию: валка деревьев, обрезка сучьев и раскряжевка харвестерами на делянке, транспортировка до погрузочных площадок форвардерами и доставка древесины прямо из леса автомобилями-лесовозами на Сегежский ЦБК[8]. Механизация заметно сократила потребность в рабочей силе, и большое количество рабочих стали безработными.

В настоящее время «Инвестлеспром» реализует завершающий этап «скандинавизации» лесозаготовок. В Финляндии лесопромышленные компании полностью отказались от собственной лесозаготовки, передав эти функции частным лесозаготовителям. «Инвестлеспром» также полностью передает лесозаготовку частным подрядчикам. В 2011 г. холдинг вывез из района п. Лендеры и п. Муезерский все свои лесные машины и уволил работников, занятых на лесозаготовках. В марте 2012 г. в Лендерском леспромхозе работали лишь 6 человек. Рубку леса здесь проводил прибывший из другого места подрядчик, который смог своим лесозаготовительным звеном (харвестер и форвардер) заготовить лишь треть от предыдущих объемов.

Экономический кризис последних лет осложнил работу Сегежского ЦБК, однако наиболее серьезные проблемы появились в начале 2012 г., когда предприятие прекратило выпуск продукции из-за финансовых затруднений[9], причиной которых стали подозрения в мошенничестве в отношении руководства банка, финансировавшего холдинг. Комбинат впоследствии вновь стал выпускать продукцию, но из-за финансовых проблем крупномасштабные проекты по расширению производства были заморожены. Летом 2012 г., когда писалась эта статья, перспективы проекта «Белый медведь» были неясными.

Ужесточение государственной политики в отношении лесного сектора не достигло желаемого результата. Угроза со стороны экспортных пошлин на древесину привела к тому, что финские компании прекратили деятельность своих закупочных организаций в России и заморозили инвестиционные проекты. Повышение пошлин, проведенное в стиле шоковой терапии, принесло обеим сторонам больше вреда, чем пользы. Россия вынуждена была постепенно отказываться от осуществления наиболее радикальных планов повышения пошлин на лесопродукцию. В конце 2011 г. Всемирная торговая организация (ВТО) решила принять Россию в свои члены после продолжавшихся 18 лет переговоров. Членство в ВТО не обнуляет экспортные пошлины на древесину, но обязывает существенно снижать их. Пошлины на древесину лиственных пород деревьев снизятся на четверть и на хвойную древесину — примерно на половину от нынешнего уровня[10].

В настоящее время в Лендерах лелеют мечту о возрождении трансграничной лесоторговли и возвращении рабочих мест. Местные жители, впрочем, не верят, что лесозаготовки в этом районе могут

успешно проводиться посторонними подрядчиками. В марте 1912 г. в лесу работала лишь одна лесозаготовительная машина, которая никоим образом не может обеспечить необходимые объемы рубок. Подрядчиков и водителей автомобилей-лесовозов нелегко нанять для работы в отдаленной приграничной местности с тяжелыми условиями труда. Лицензия на вырубку леса, выданная Лендерскому ЛПХ, действует до 2028 г. В Лендерах надеются на появление нового собственника леспромхоза, который возобновит лесозаготовки. Эта надежда основывается на уменьшении экспортных пошлин после вступления России в ВТО и проблемах, которые испытывает Сегежский ЦБК. Эти обстоятельства, как считают местные жители, могут привести к возобновлению экспортных поставок в Финляндию.

Выводы

Лесное хозяйство, второй основной источник средств существования сельской местности в России, как и сельское хозяйство, после завершения советского периода прошло через этапы разрушения, восстановления и созидания. На этапе разрушения лесной комплекс сначала неконтролируемо распался на частные компании, что вызвало экономический кризис в лесозаготовительных районах. В середине 1990-х гг. начался восстановительный этап, когда ориентированные на экспорт предприятия добились успеха, реорганизовав лесной сектор и отношения собственности. В правление В. Путина начался созидательный этап, в ходе которого власти стремились, используя государственное регулирование и таможенную политику, целенаправленно модернизировать и развивать лесную промышленность.

Представляется, что в российской Карелии лесное хозяйство отказалось от советских организационных форм быстрее, чем сельское хозяйство, где в основном сохранилось крупное производство. После прекращения лесосплава система лесозаготовок в СССР с характерными для нее нижними складами развивалась в сравнении со странами Западной Европы в противоположном направлении. В постсоциалистический период различия, за исключением собственности на леса, практически исчезли. В лесозаготовках в Карелии стали использоваться такие же технологии и организация рубок с опорой на частных подрядчиков, как и по другую сторону границы, в Финляндии. В настоящее время переходный период в лесопромышленных поселках больше всего заметен по высокой безработице и неуверенности в будущем. Чувство неуверенности стало лишь сильнее в связи с мероприятиями центральной власти, носившими характер шоковой терапии, посредством которых она пыталась жесткими методами модернизировать лесной сектор России.

После крушения социализма использованию одинаковых технологий и форм организации работы способствовала увеличивавшаяся проницаемость госграницы. Во времена процветания СССР граница между государствами была границей недоверия и страха, она жестко охранялась и контролировалась. На изучаемой нами территории через нее не проникало ничего, кроме древесины. В 1990-х гг. технологии и другие организационные формы стали все легче проникать через границу. Хотя трансграничное общение людей в постсоциалистический период стало более интенсивным, они все же не могли пересекать границу так же легко, как древесина и другие материалы. Фактором, ограничивавшим развитие изучаемой нами территории, являлся статус пункта упрощенного пропуска, не позволявший пересекать границу путешественникам.

Терминология, в которой используются понятия «разрушение» и «шоковая терапия», исключительно хорошо подходит для приграничной местности, веками разделенной государственной границей, которая часто становилась театром военных действий. Череда внезапных изменений здесь была продолжительной и драматичной. 70 лет тому назад последняя война уничтожила в приграничье почти все жилые дома и общественные здания. Послевоенные десятилетия, на которые пришелся расцвет лесного хозяйства советского типа, также оказались для поселков и деревень и их жителей своеобразной серией мероприятий «шоковой терапии». За несколько лет в 1950-е гг. здесь было построено с десяток лесопунктов для проведения лесозаготовок и вывозки древесины. Рабочую силу перебрасывали с одного места в другое в ритме, заданном освоением новых лесных участков таким образом, что часть лесопунктов быстро была заброшена. Когда от сплава древесины перешли к автомобильной вывозке, на этой территории постоянное население оставалось лишь в трех поселках. После перехода к рыночной экономике и скандинавской системе лесозаготовок спрос на рабочую силу сохранялся только в Лендерах, а скорость деградации других поселков лишь увеличилась. После либерализации внешней торговли и увеличения экспорта древесины Лендеры, находившиеся совсем рядом с госграницей, стали играть центральную роль в лесоэкспорте. В последние годы положению Лендер как узлового пункта в торговле лесоматериалами угрожают попытки российских властей ограничить экспорт необработанной древесины.

Трансграничная лесоторговля обеспечила приграничным поселкам благосостояние и повышение жизненного уровня, одновременно создав зависимость, увеличивавшую их уязвимость. Внезапные изменения государственной политики, технологий и пограничного режима повлияли на судьбу лесопромышленных поселений. Место лесопромышленного поселка, экономика которого зависела от лесозаготовок, в территориальном разделении труда могло быстро измениться по мере технологических или политических изменений, в результате чего труд местных жителей на лесных работах больше не был востребован. Переход к рыночной экономике и снятие с предприятий обязательств по содержанию сферы услуг добавили драматизма изменениям. Частные предприятия повсюду, включая Карелию, уже не удовлетворяют социальные потребности населенных пунктов и их жителей. В приграничных поселках население в большей степени, чем прежде, оставлено на произвол судьбы.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Интервью А. Ретукова, заместителя директора ОАО «Лендерский леспромхоз», 09.03.2012.

[2] Putin V. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2007 [Electronic resource]. URL: www.kremlin.ru (31.05.2012).

[3] Venäjän teollisuus-ja energiaministeriö. 2008. Venäjän federaation matsealan kehityksen strategiasuunnitelma vuoteen 2020. Luonnos [Electronic resource]. URL: http://www.idanmetsatieto.info/fi/document.cfm?doc=show&doc_id=1159 (30.5.2012).

[4] Metsäteollisuus (2011b). Venäjä jäädyttää puutullit nykytasolle WTO-jäsenyyteensä asti. Metsäteollisuuden tietopalvelu 3.1.2011 [Electronic resource]. URL: http://www.metsateollisuus.fi/juurinyt2/tiedotteet/Sivut/Venajajaadyttaapuutullit.aspx (31.5.2012).

[5] Статистические данные пограничного отряда «Северная Карелия».

[6] Investlesprom [Electronic resource]. URL: http://www.investlesprom.ru/news/content/view/3/4/lang.en/ (05.06.2012).

[7] Metla. 2007. Investlesprom investoi Karjalaan yli 20 miljardia ruplaa [Electronic resource]. URL: http://www.idanmetsatiet.info/fi/infokortit/Tuontipuu/Sivut/default.aspx (31.05.2011).

[8] Интервью начальника производственного отдела ОАО «Муезерский ЛПХ», 27.11.2008.

[9] Сегежский ЦБК вновь заработал // Карьялан Саномат. 2012. 15 февр.

[10] Metsäteollisuus (2011b). Venäjä jäädyttää puutullit nykytasolle WTO-jäsenyyteensä asti. Metsäteollisuuden tietopalvelu 3.1.2011[Electronic resource]. URL: http://www.metsateollisuus.fi/juurinyt2/tiedotteet/Sivut/Venajajaadyttaapuutullit.aspx (31.05.2012).

ИСТОЧНИКИ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Администрации сельских поселений Лендеры и Реболы. Сведения о численности населения за 2008 и 2012 гг. по данным учета сельских поселений.

2. Национальный архив Республики Карелия (г. Петрозаводск). Перечни населенных пунктов КАССР за 1959, 1970 и 1979 гг.

3. Пограничный отряд «Северная Карелия». Пограничный участок Лиекса. Статистические данные пункта упрощенного пропуска Инари (Inarin RM 618) за 1956—2010 гг.

ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ

1. Сегежский ЦБК вновь заработал // Карьялан Саномат. 2012. 15 февр.

2. Древесина в Финляндию — благосостояние в Лендеры // Ваповиести. 2008. № 1.

ИНТЕРВЬЮ
(интервьюер Пертти Ранникко)

1. Хилтунен Айро (р. 1945), бывший управляющий «Vapo Timber Oy», 07.02.2012.
2. Илонен Альберт (р. 1932), бывший главный бухгалтер Ребольского ЛПХ, 13.07.2008 и 16.7.2011.
3. Исаева Галина (р. 1946), начальник отдела маркетинга ОАО «Лендерский леспромхоз», 25.11.2008.
4. Килин Юрий (р. 1961), профессор ПетрГУ, житель п. Реболы до 1978 г., 10—11.08.2010.
5. Лазарев Иван (р. 1928), бывший водитель грузового автомобиля Ребольского ЛПХ, 12.07.2008, 26.11.2008 и 17.07.2011.
6. Нестерова Татьяна (р. 1933), бывшая работница колхоза и подсобного хозяйства Ребольского ЛПХ, 17.07.2010 и 17.07.2011.
7. Петров Михаил (р.1953), бывший милиционер п. Лендеры, 08.03.2012.
8. Петров Василий (р. 1960), бывший водитель грузового автомобиля Лендерского ЛПХ, 08.03.2012.
9. Ретуков Анатолий (р. 1949), заместитель директора ОАО «Лендерский леспромхоз», 25.11.2008 и 7—09.03.2012.
10. Начальник производственного отдела ОАО «Муезерский ЛПХ», 27.11.2008.
11. Стафеев Николай (р. 1957), бывший работник Лендерского ЛПХ, 08.03.2012.
12. Стафеева Валеентина (р. 1953), бывшая работница Лендерского ЛПХ, 08.03.2012.
13. Тарасевич Игорь (р. 1967), бывший лесоруб Лендерского ЛПХ, 08.03.2012.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

1. Investlesprom [Electronic resource]. URL: http://www.investlesprom.ru/news/content/view/3/4/lang.en/ (05.06.2012).
2. Metla. 2007. Investlesprom investoi Karjalaan yli 20 miljardia ruplaa [Electronic resource]. URL: http://www.idanmetsatiet.info/fi/infokortit/Tuontipuu/Sivut/default.aspx (31.05.2011).
3. Metsäteollisuus (2011b). Venäjä jäädyttää puutullit nykytasolle WTO-jäsenyyteensä asti. Metsäteollisuuden tietopalvelu 3.1.2011 [Electronic resource]. URL: http://www.metsateollisuus.fi/juurinyt2/tiedotteet/Sivut/Venajajaadyttaapuutullit.aspx (31.05.2012).
4. Putin V. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2007 [Electronic resource]. URL: www.kremlin.ru (31.05.2012).
5. Venäjän teollisuus-ja energiaministeriö. 2008. Venäjän federaation matsealan kehityksen strategiasuunnitelma vuoteen 2020. Luonnos [Electronic resource]. URL: http://www.idanmetsatieto.info/fi/document.cfm?doc=show&doc_id=1159 (30.05.2012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alanen I. Shokkiterapian sosiologista arvostelua // Maaseutuaiheita — Rural mitifs. Essays in honour of professor Leo Granberg. J. Nikula (toim.). Aleksanteri Series. Helsinki, Aleksanteri Institute. 2009. № 5. S. 218—232.
2. Desai P. Russian Retrospectives on Reforms from Yeltsin to Putin // Journal of Economic Perspectives. 2005. № 19:1. P. 87—106.
3. Jutila L., Karvinen S., Leinonen T. & Välkky E. Venäjän tullipolitiikan vaikutuksista Suomen ja Venäjän väliseen metsäsektorin kauppaan // Metlan työraportteja № 155. Vantaa, 2010.
4. Klementjev J. Autioituneiden kylien ikävä tarina // Punalippu. 1990. № 2. S. 88—93.
5. Klementjev J. I., Kozhanov A. A. Selskaya sreda i naseleniye Karelii 1945—1960 gg. Leningrad: Nauka, 1988.
6. Kortelainen J., Kotilainen J. Ownership Changes and Transformation of the Russian Pulp and Paper Industry // Eurasian Geography and Econimics. 2003. № 44:5. S. 384—402.
7. Laine A. Repola mylleryksessä // Aunuksen Repola. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu, 2001. S. 268—286.
8. Metsätilastollinen vuosikirja. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2011.
9. Myllynen A.-L., Saatamoinen O. Karjalan tasavallan metsätalous.Joensuun yliopisto. Metsätieteellinen

tiedekunta. Silva Carelica 29. 1995.

10. Nikula J., Granberg L., Alanen I. Sovhooseista maatalousyrityksiksi — Venäjän maatalouden tie? // Katse Venäjään — suomalaisen Venäjä-tutkimuksen antologia. J. Nikula (toim.). Aleksanteri-Sarja. Helsinki, Aleksanteri-instituutti. 2006. № 3. S. 189—217.

11. Koivuselkä — metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Oksa J. (toim.). Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja. № 121.

12. Oksanen M. Rajauitot — osa Lieksan savotta- ja uittohistoriaa // Hukan hännän mitalla. Rajaseudun historiaa Lieksasta. Saarelainen A. (toim.). Lieksa, Lieksan kansalaisopisto, 2004. S. 309—324.

13. Piipponen M. Metsäsektorin rakennemuutos 1990-luvun Venäjällä. Helsinki, Kikimora Publications, 2007.

14. Pirhonen I., Ollonqvist P., Viitanen J., Toropainen M. & Bungov V. Income and Employment Effects of Roundwood Use in Eastern Finland and the Republic of Karelia. Working Papers of the Finnish Forest Research Institute № 70. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2008.

15. Rannikko P. Vaihtelevia hyötyjä luonnosta — sosioekologisen järjestelmän muutos rajantakaisessa Repolassa // Ajan valtimolla — mukana muutoksessa. Professori Tapio Hämysen 60-vuotisjuhlakirja. Joensuu, Pohjois-Karjalan historiallinen yhdistys. 2011. S. 98—112.

16. Rutland P. The business sector in post-Soviet Russia // Routledge Handbook of Russian Politics and Society. Graeme Gill & James Young (ed.). 2011. P. 288—304.

17. Saarelainen A. Lieksa idän ja lännen rajamailla // Hukan hännän mitalla. Rajaseudun historiaa Lieksasta. Saarelainen A. (toim.). Lieksa, Lieksan kansalaisopisto, 2004. S. 13—245.

18. Schumpeter J. A. (1942/2009). Luovan tuhon prosessi // Tiede & Edistys. 2009. №34:1. S. 40—45.

19. Takala I. Repola 1922—1939 // Aunuksen Repola. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu, 2001. S.229—251.

20. Tshernjakova I. Repolan hallinto, asutus ja elinkeinot // Aunuksen Repola. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu, 2001. S.28—65.

21. Varis J. Karjalan tasavallan metsäsektorin tulevaisuus — uhka vai mahdollisuus Suomen metsäteollisuudelle? Opinnäytetyö. Pohjois-Karjalan Ammattikorkeakoulu, Joensuu. 2003.

22. Viitanen J. & Karvinen S. Review on Russian Rounwood Exports into Northern Europe 1993—2008. Working Papers of the Finnish Forest Research Institute № 148. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2010.

23. Wegren S. K. Russian Agrarian Policy under Putin // Post-Soviet Geography and Econimics. № 43:1. 2002. P. 26—40.

REFERENCES

INTERVIEW, ARCHIVAL AND PRINTED PRIMARY SOURCES

1. Administration of rural settlements Lendery and Reboly. Information about the population in 2008 and 2012. according to the accounts of the rural settlements.

2. National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk). Lists of settlements of KASSR for 1959, 1970 and 1979.

3. Border detachment "North Karelia". Lieksa border section. Statistical data of the temporary border crossing point Inari (Inari RM 618) for 1956—2010 years.

NEWSPAPER ARTICLES

1. Segezha pulp and paper mill is working again // Karjalan Sanomat. 2012.15 February

2. Wood to Finland — well-being to Lendery // Vapoviesti. 2008. № 1.

INTERVIEW

(interviewer Pertti Rannikko)

1. Hiltunen Airo (born 1945), former manager of the Vapo Timber Oy, 7.2.2012.

2. Ilonen Albert (born 1932), former chief accountant of the Rebolsky forestry enterprise, 13.7.2008 and 16.7.2011.

3. Isayeva Galina (born 1946), head of marketing department of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», 25.11.2008.

4. Kilin Yuri (born 1961), professor, resident of Reboly until 1978, 10—11.8.2010.

5. Lazarev Ivan (born 1928), former truck driver of the Rebolsky forestry enterprise, 12.7.2008,

26.11.2008 and 17.7.2011.

6. Nesterova Tatiana (born 1933), former collective farm worker and the Rebolsky forestry enterprise's farm worker, 17.7.2010 and 17.7.2011.

7. Petrov Mikhail (born 1953), former policeman of the Lendery village, 8 March 2012.

8. Petrov Vasily (born 1960), former truck driver of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», 8 March 2012.

9. Retukov Anatoly (born 1949), deputy director of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», November 25 and 7—9.3.2012.

10. Head of production department of the open joint-stock company «Muyezersky forestry enterprise», 27.11.2008.

11. Stafeev Nikolai (born 1957), former employee of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», 8 March 2012.

12. Stafeeva Valentina (born 1953), former employee of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», 8 March 2012.

13. Tarasevich Igor (born 1967), a former lumberjack of the open joint-stock company «Lendersky forestry enterprise», 8 March 2012.

INTERNET PUBLICATIONS

1. Investlesprom [Electronic resource]. URL: http://www.investlesprom.ru/news/content/view/3/4/lang.en/ (05.06.2012).

2. Metla. 2007. Investlesprom investoi Karjalaan yli 20 miljardia ruplaa [Electronic resource]. URL: http://www.idanmetsatiet.info/fi/infokortit/Tuontipuu/Sivut/default.aspx (31.05.2011).

3. Metsäteollisuus (2011b). Venäjä jäädyttää puutullit nykytasolle WTO-jäsenyyteensä asti. Metsäteollisuuden tietopalvelu 3.1.2011 [Electronic resource]. URL: http://www.metsateollisuus.fi/juurinyt2/tiedotteet/Sivut/Venajajaadyttaapuutullit.aspx (31.05.2012).

4. Putin V. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2007 [Electronic resource]. URL: www.kremlin.ru (31.05.2012).

5. Venäjän teollisuus-ja energiaministeriö. 2008. Venäjän federaation matsealan kehityksen strategiasuunnitelma vuoteen 2020. Luonnos [Electronic resource]. URL: http://www.idanmetsatieto.info/fi/document.cfm?doc=show&doc_id=1159 (30.05.2012).

SECONDARY SOURCES

1. Alanen I. Shokkiterapian sosiologista arvostelua // Maaseutuaiheita — Rural mitifs. Essays in honour of professor Leo Granberg. J. Nikula (toim.). Aleksanteri Series. Helsinki, Aleksanteri Institute. 2009. № 5. S. 218—232.

2. Desai P. Russian Retrospectives on Reforms from Yeltsin to Putin // Journal of Economic Perspectives. 2005. № 19:1. P. 87—106.

3. Jutila L., Karvinen S., Leinonen T. & Välkky E. Venäjän tullipolitiikan vaikutuksista Suomen ja Venäjän väliseen metsäsektorin kauppaan // Metlan työraportteja № 155. Vantaa, 2010.

4. Klementjev J. Autioituneiden kylien ikävä tarina // Punalippu. 1990. № 2. S. 88—93.

5. Klementjev J. I., Kozhanov A. A. Selskaya sreda i naseleniye Karelii 1945—1960 gg. Leningrad: Nauka, 1988.

6. Kortelainen J., Kotilainen J. Ownership Changes and Transformation of the Russian Pulp and Paper Industry // Eurasian Geography and Econimics. 2003. № 44:5. S. 384—402.

7. Laine A. Repola mylleryksessä // Aunuksen Repola. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu, 2001. S. 268—286.

8. Metsätilastollinen vuosikirja. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2011.

9. Myllynen A.-L., Saatamoinen O. Karjalan tasavallan metsätalous.Joensuun yliopisto. Metsätieteellinen tiedekunta. Silva Carelica 29. 1995.

10. Nikula J., Granberg L., Alanen I. Sovhooseista maatalousyrityksiksi — Venäjän maatalouden tie? // Katse Venäjään — suomalaisen Venäjä-tutkimuksen antologia. J. Nikula (toim.). Aleksanteri-Sarja. Helsinki, Aleksanteri-instituutti. 2006. № 3. S. 189—217.

11. Koivuselkä — metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Oksa J. (toim.). Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja. № 121.

12. Oksanen M. Rajauitot — osa Lieksan savotta- ja uittohistoriaa // Hukan hännän mitalla. Rajaseudun historiaa Lieksasta. Saarelainen A. (toim.). Lieksa, Lieksan kansalaisopisto, 2004. S. 309—324.

13. Piipponen M. Metsäsektorin rakennemuutos 1990-luvun Venäjällä. Helsinki, Kikimora Publications, 2007.

14. Pirhonen I., Ollonqvist P., Viitanen J., Toropainen M. & Bungov V. Income and Employment Effects of Roundwood Use in Eastern Finland and the Republic of Karelia. Working Papers of the Finnish Forest Research Institute № 70. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2008.

15. Rannikko P. Vaihtelevia hyötyjä luonnosta — sosioekologisen järjestelmän muutos rajantakaisessa Repolassa // Ajan valtimolla — mukana muutoksessa. Professori Tapio Hämysen 60-vuotisjuhlakirja. Joensuu, Pohjois-Karjalan historiallinen yhdistys. 2011. S. 98—112.

16. Rutland P. The business sector in post-Soviet Russia // Routledge Handbook of Russian Politics and Society. Graeme Gill & James Young (ed.). 2011. P. 288—304.

17. Saarelainen A. Lieksa idän ja lännen rajamailla // Hukan hännän mitalla. Rajaseudun historiaa Lieksasta. Saarelainen A. (toim.). Lieksa, Lieksan kansalaisopisto, 2004. S. 13—245.

18. Schumpeter J. A. (1942/2009). Luovan tuhon prosessi // Tiede & Edistys. 2009. №34:1. S. 40—45.

19. Takala I. Repola 1922—1939 // Aunuksen Repola. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu, 2001. S.229—251.

20. Tshernjakova I. Repolan hallinto, asutus ja elinkeinot // Aunuksen Repola. H. Tarma (toim.). Repola-Seura r.y., Joensuu, 2001. S.28—65.

21. Varis J. Karjalan tasavallan metsäsektorin tulevaisuus — uhka vai mahdollisuus Suomen metsäteollisuudelle? Opinnäytetyö. Pohjois-Karjalan Ammattikorkeakoulu, Joensuu. 2003.

22. Viitanen J. & Karvinen S. Review on Russian Rounwood Exports into Northern Europe 1993—2008. Working Papers of the Finnish Forest Research Institute № 148. Vantaa, Metsäntutkimuslaitos. 2010.

23. Wegren S. K. Russian Agrarian Policy under Putin // Post-Soviet Geography and Econimics. № 43:1. 2002. P. 26—40.

Shock therapy at the border of russian Karelia — the period of post-socialism in two forestry villages

RANNIKKO Pertti

Doctor of Social Sciences,
Professor of Environmental Policy,
University of Eastern Finland
(Campus Joensuu)
Department of Geographical
and Historical Studies,
Joensuu, pertti.rannikko@uef.fi

KORTELAINEN Jarmo

Doctor of Social Sciences,
Professor of Geography,
University of Eastern Finland
(Campus Joensuu)
Department of Geographical
and Historical Studies,
Joensuu, jarmo.kortelainen@uef.fi

Keywords:
Republic of Karelia
customs policy
timber trade
Finland
Russia
lumber villages
shock therapy
post-socialism
Lendery
Reboly.

Summary:
The article analyzes the role of forestry in the restructuring process of rural Russia during the post-socialist period; the aim is to seek for typical features of forest use and governance in border areas. The research focuses on two villages in Muezersky district, Lendery and Reboly, development of which have been strongly dependent on the collapse of Soviet-style forestry and its reorganization according to the principles of market economy. Our analysis shows that the concept of shock therapy describes well the changes of the border forestry villages because the chain of changes has been long and dramatic. In few years during the 1950s, a dozen of forestry villages were built to serve logging and wood transport in the research area. Many of the villages were abandoned soon since workers were transferred from place to place due to the needs of logging. Only three villages remained inhabited after the land transport had replaced floating. Switch to market economy and Scandinavian logging system resulted in situation where forestry labor was needed only in Lendery and the destruction speed of other villages escalated. The location in the close vicinity of the border gave Lendery a central role in timber export which increased due to liberalization of export. During the recent years, the Russian government has restricted timber export which has threatened Lendery's position as a node of wood trade. Governmental policies, technology and abrupt changes of the border regulations have transformed the fates of forestry villages in borderlands and thrown jobs and people from place to place. The cross-border timber trade has provide the border villages with prosperity and well-being but created a dependency which has increased their vulnerability.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 316.334.52

Трудовая занятость подростков как фактор социальной безопасности: опыт социологического исследования

МИЛЮКОВА Ирина Александровна

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социологии, Петрозаводский государственный университет, факультет политических и социальных наук, Петрозаводск, sociology@psu.karelia.ru

ХОХЛОВ Эдуард Владимирович

студент VI курса направления подготовки «Социология», Петрозаводский государственный университет, факультет политических и социальных наук, Петрозаводск, evhokhlov@mail.ru

Ключевые слова:
социальная безопасность
региональный рынок труда
трудовая занятость подростков

Аннотация:
В основу статьи положен анализ результатов социологического исследования, реализованного кафедрой социологии ПетрГУ в 2010—2012 гг., основной целью которого было изучение положения подростков на современном рынке труда Карелии и оценка уровня их социально-правовой защищенности. Уровень занятости и социально-правовой защищенности подростков рассматривается авторами как важнейший индикатор социальной безопасности региона. На первом этапе (2010 г.) методом анкетирования по общереспубликанской выборке было опрошено 1124 подростка Карелии 14—18 лет. На втором этапе (2011—2012 гг.) был проведен экспертный опрос работодателей, регулярно использующих труд несовершеннолетних (10 полуформализованных интервью). Главным исследовательским фокусом при проведении интервью было изучение проблем, возникающих у работодателей при использовании труда несовершеннолетних и механизмов их разрешения. По результатам исследования для органов муниципальной и региональной власти были разработаны конкретные практические рекомендации, реализация которых позволяет снизить социальные риски для подростков и работодателей на региональном рынке труда и тем самым повысить уровень социальной безопасности в регионе.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Понятие социальной безопасности как составного элемента системы национальной безопасности сравнительно недавно вошло в публичный и научный дискурс. В Декларации о социальном развитии, принятой на конференции ООН в марте 1995 г., впервые было записано, что «социальное развитие и

социальная справедливость необходимы для обеспечения и поддержания мира и безопасности внутри стран и в отношениях между ними», а наиболее продуктивной политикой является та, которая «позволяет людям в максимальной степени реализовать свой потенциал, ресурсы и возможности» [3].

В отечественной науке пока нет однозначного понимания социальной безопасности. В большинстве имеющихся определений она связывается с качеством социальной сферы, с комплексной системой мер по социальной защите людей и поддержанию оптимальных условий существования индивида и социальных групп [2], [10]. Но сегодня все чаще социальная безопасность начинает пониматься более широко — как «способность общественной системы обеспечить эффективное функционирование государства и социальных институтов, обеспечивающих стабильное развитие личности и общества во всех сферах общественной жизни, на основе повышения качества жизни своих граждан, соблюдения их прав и свобод» [4].

С этой позиции одним из важнейших индикаторов социальной безопасности региона может выступать ситуация на молодежном рынке труда, уровень занятости и социально-правовой защищенности молодежи. Молодежь в качестве объекта здесь выбрана не случайно, так как именно молодые люди 15—29 лет объективно оказываются наиболее уязвимыми на рынке труда, их положение описывается в социологической литературе в терминах «неопытности», «зависимости» и «бесправия» [11; 454].

Переход российского общества к рыночной экономике резко изменил ситуацию на молодежном рынке труда. На протяжении многих лет условия выхода советской молодежи на рынок труда были четко регламентированы государством: для выпускников школ и ПТУ осуществлялось бронирование рабочих мест на производстве, а выпускники техникумов и вузов распределялись с учетом вакансий и с обязательным условием работы на месте в течение нескольких лет.

В 1990-е гг. в условиях быстрого сокращения государственного сектора экономики соответственно резко сократились и возможности государства в трудоустройстве молодежи. В то же время потребность молодых людей в рабочих местах, напротив, увеличилась, поскольку благосостояние многих российских семей в эти годы существенно ухудшилось. В 1992 г., по официальным данным, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (черта бедности) в России составляла треть населения [14], а в Карелии — 22 % [8; 126].

Сегодня ситуация изменилась в лучшую сторону, но по-прежнему доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума продолжает оставаться достаточно высокой. На 2012 г. в Республике Карелия она составляет 13,6 % от общей численности населения республики, а коэффициент фондов (дифференциации доходов) достигает почти 12-кратной величины [6]. Так что для многих подростков и молодых людей из малообеспеченных семей проблема раннего трудоустройства и получения дополнительного заработка продолжает оставаться актуальной. Более того, расширяющийся в России потребительский рынок во многом ориентирован сегодня именно на подростков и молодежь, а дополнительные «карманные» деньги позволяют молодому человеку почувствовать себя независимым от родителей и самостоятельным субъектом на этом рынке [11; 434].

С другой стороны, социологи фиксируют, что за последние 15—20 лет в стране сложилась принципиально новая модель образовательного поведения и трудовой занятости молодежи [13; 120—121]. Все большее распространение получает феномен выхода молодых людей на рынок труда и обретения первичного трудового опыта еще во время учебы, гораздо раньше по возрасту, чем это было в 1980-е гг. Переход от образования к труду перестал быть дискретным процессом, а преобразился в длительный взаимосвязанный процесс попеременного или параллельного получения и возобновления учебы и работы.

В оценке социальных последствий выхода подростков (14—18 лет) на рынок труда среди ученых нет единого мнения. В ряде исследований фиксируется, что занятость подростков сопровождается ухудшением их успеваемости в школе [17], обострением отношений с родителями [18], ростом девиаций [19].

Другие, напротив, утверждают, что трудовая занятость подростков является важным профилактическим средством борьбы с детской безнадзорностью и преступностью, а в ряде случаев — основным источником удовлетворения материальных и духовных потребностей подростка [9]. Более того, трудовая деятельность позволяет подростку более осознано подойти к выбору направления профессиональной подготовки и будущей сферы занятости. В ситуации, когда доля работающих по специальности выпускников вузов в стране не превышает 50 % [7; 137], этот аспект представляется немаловажным. К тому же личное знакомство подростков с региональным рынком труда в определенной степени компенсирует полное отсутствие системы профориентации в современной

школе.

Но независимо от оценки социальных последствий массовый выход российских подростков на рынок труда является сегодня социальным фактом и объективной потребностью. И от того, как общество и государство относятся к данному факту, насколько подростки защищены на рынке труда, во многом зависят и социальные последствия ранней занятости подростков.

Труд несовершеннолетних регулируется Трудовым кодексом РФ, вступившим в силу в 2002 г. [12]. Но насколько хорошо знают свои права сами подростки и всегда ли соблюдают эти права работодатели? И ученые, и практики утверждают, что сегодня российскому подростку очень непросто реализовать свои права на рынке труда в силу множества объективных и субъективных причин [1], [5].

Именно выяснение этих причин и стало основной целью исследования, реализованного кафедрой социологии ПетрГУ в 2010—2012 гг. Инициатором этого исследования выступил Благотворительный фонд «Утешение» Республики Карелия, активно работающий с детьми из неблагополучных семей и семей социального риска. На первом этапе (2010 г.) объектом исследования выступили подростки (14—18 лет) Республики Карелия, а предметом — проблемы и особенности трудоустройства несовершеннолетних. В качестве основного метода было выбрано раздаточное анкетирование. Выборка строилась как комбинированная: систематическая гнездовая (9—11-й классы общеобразовательных школ) дополнялась целенаправленной выборкой в группе подростков, находящихся в семьях социального риска (по спискам социальных служб). В общей совокупности было опрошено 1124 подростка из Петрозаводска из 12 районов Республики Карелия.

Методологической основой исследования послужил отечественный вариант рискологической концепции молодежи (Ю. А. Зубок, В. И. Чупров), в рамках которой риск рассматривается как сущностное и неотъемлемое свойство современной молодежи [15].

Результаты анкетирования показали, что каждый третий (33,7 %) из опрошенных подростков уже имеет опыт оплачиваемой работы в свободное от учебы время, а каждый второй (51 %) хотел бы такой опыт приобрести (рис. 1.) Большинство из тех, кто имел опыт работы, устраиваются в сфере торговли, услуг и бытового обслуживания, как правило, на неквалифицированные или низкоквалифицированные виды деятельности. Значительная часть подростков, живущих в районах Карелии, работают также на предприятиях сельского, рыбного или лесного хозяйства.

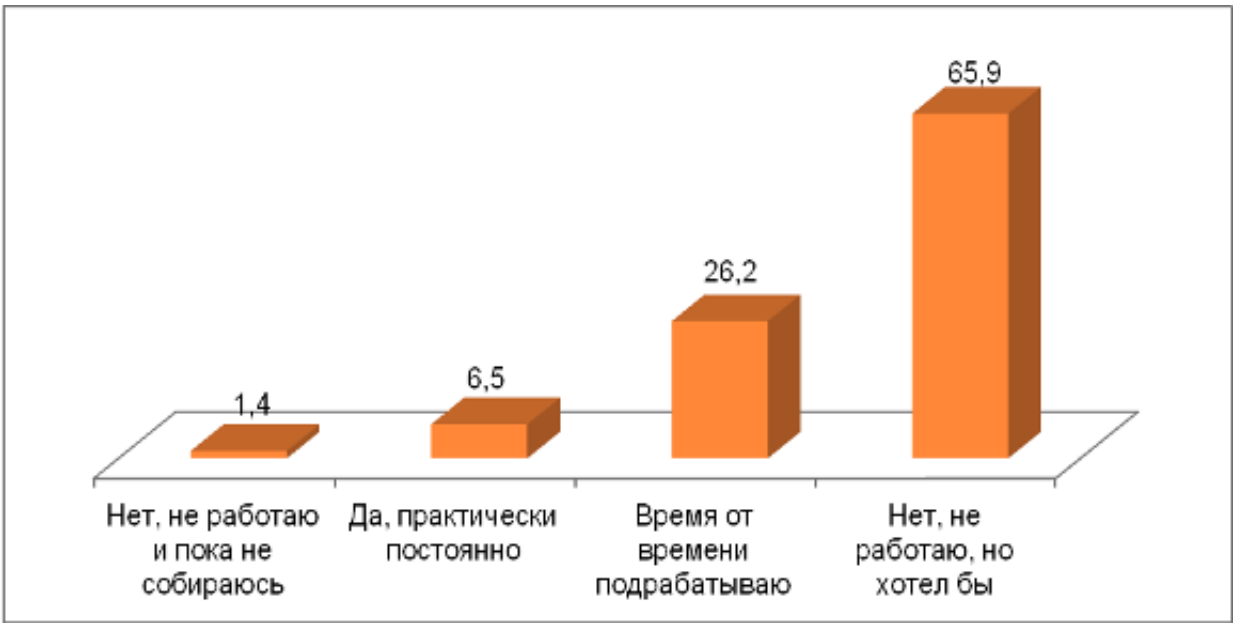

Рис. 1. Распределение опрошенных подростков Карелии по наличию опыта оплачиваемой работы, в % (N = 1114 чел.)

Чаще всего помогают подросткам найти подходящую работу и устроиться на нее родители (47,1 %) или друзья (27,3 %). Значительно реже молодые люди ищут работу по объявлениям в СМИ или в сети Интернет и устраиваются самостоятельно (18,4 %). Буквально единицы действуют через специально созданные для этого социальные службы и центры занятости. Интересно отметить, что в том случае, если устройство на работу происходит при посредничестве друзей или знакомых

ровесников, то гораздо чаще это происходит неофициально, без оформления трудового договора.

Ведущим мотивом в поиске и выборе места работы для современных подростков (рис. 2) является, конечно, материальный фактор (78,8 %). С большим отрывом от него находятся мотив профессионального интереса (48,8 % — *«возможность приобрести опыт работы по интересной мне специальности»*) и возможность накопления социального капитала (34,8 % — «*приобретение знакомств и связей, чтобы потом было легче найти постоянную работу*»). Немаловажным фактором для подростка являются также мотивы групповой солидарности — возможность найти новых друзей (26,2 %) и поддержка «старых» друзей (21,2 % — «*если там будут работать мои друзья*»).

Рис. 2. Распределение опрошенных подростков Карелии по ответам на вопрос: «Если бы Вам предложили поработать во время летних каникул, что бы могло Вас привлечь?», в % (N = 1114 чел.)

При этом почти все опрошенные подростки Карелии (91 %) уверены, что достаточно хорошо знакомы с правами детей и подростков в сфере труда. Главными источниками информации были названы уроки в школе (54 %), рассказы родителей и друзей (29,6 %). Однако, как только в анкете были предложены вопросы на знание конкретных правовых норм, оказалось, что реальный уровень правовой грамотности подростков в данной области явно не соответствует декларируемой компетентности. Например, при выборе из предложенного перечня видов работ, на которых по закону нельзя использовать труд несовершеннолетних, примерно от четверти до трети подростков сделали грубейшие ошибки (рис. 3).

Рис. 3. Распределение опрошенных подростков Карелии по ответам на вопрос: «Отметьте, пожалуйста, работы, на которые, по Вашему мнению, не могут быть приняты подростки», в % (N = 1114 чел.)

Не удивительно, что при таком невысоком уровне информированности подростков и при устройстве на работу трудовые права несовершеннолетних далеко не всегда соблюдаются. Во-первых, более трети подростков (39,5 %), имеющих опыт работы, устраивались неофициально, т. е. без оформления трудового договора со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во-вторых, даже при оформлении трудовых договоров работодатель далеко не всегда требовал все необходимые для этого документы: свидетельство обязательного пенсионного страхования (50,7 %), индивидуальный номер налогоплательщика (53,5 %), медицинскую справку (37,8 %), согласие родителей (56 %) или органов опеки (рис. 4). Только для половины опрошенных подростков (49 %), имеющих опыт работы, оформлялась трудовая книжка, которую они чаще всего приобретали за свой счет, а не получали в отделе кадров.

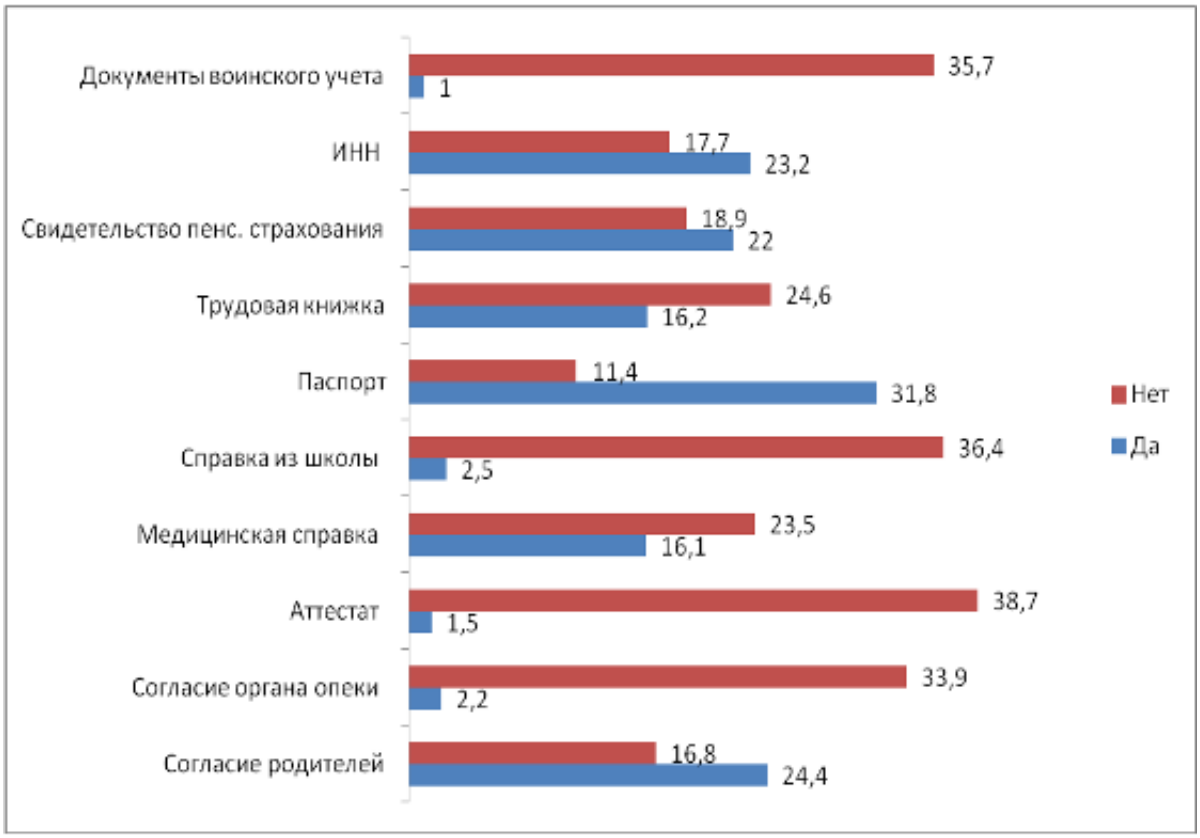

Рис. 4. Распределение опрошенных подростков Карелии по ответам на вопрос: «Предоставляли ли Вы при трудоустройстве работодателю следующие документы?», в % (N = 1114 чел.)

Далеко не со всеми подростками перед работой проводился обязательный инструктаж. Каждый десятый респондент сообщил, что ему был установлен небольшой испытательный срок, хотя законодательно это запрещено. Каждый второй подросток (53,5 %) отметил в анкете, что ему приходилось работать дольше установленного времени, а с каждым десятым продолжительность рабочего дня заранее даже не оговаривалась.

При этом практически никакого социального опыта по защите своих трудовых прав у опрошенных подростков нет. Лишь несколько молодых людей обращались в суд (4 чел.) или другие государственные органы (6 чел.) в связи с нарушением их прав в сфере трудовых отношений, еще несколько (9 чел.) привлекали к решению проблем с работодателями своих родителей. Впрочем, по результатам опроса, большинство работающих подростков даже не осознают, что их трудовые права зачастую серьезно нарушаются.

Подростки — только один из участников трудовых отношений на рынке труда, другим не менее важным субъектом является работодатель. Поэтому на втором этапе нашего исследования (2011—2012 гг.) был проведен экспертный опрос работодателей г. Петрозаводска, регулярно использующих труд несовершеннолетних на официальной основе. Списки таких работодателей были предоставлены городским Центром содействия занятости молодежи. Методом полуструктурированного интервью было опрошено 10 работодателей. Главным фокусом исследовательского интереса при проведении интервьюирования было изучение проблем, возникающих у работодателей при использовании труда несовершеннолетних и механизмов их разрешения.

Сравнительный анализ ответов подростков и работодателей показал существенное расхождение между потребностями ищущих работу и теми вакансиями, которые предлагает сегодня рынок труда для несовершеннолетних. Если молодым людям больше всего хочется работать в офисах и торговле, то работодателям нужны, в первую очередь, уборщики, официанты, распространители листовок и промоутеры, разносчики газет и т. п. Если подростки заинтересованы чаще всего во временной подработке, то для работодателей более существенное значение имеет сезонность приема на работу. Работодатели ориентируются, как правило, в найме подростков старшей возрастной группы (16—17 лет), хотя у 13—14-летних потребность в трудоустройстве оказывается выше.

«Мы стараемся брать в последнее время 16—17-летних детей, так как только в этом возрасте у

них приходит осознание того, что они пришли не поиграть, а все-таки работать и ответственно ко всему относиться» (Информант 7).

«Обращаются как раз ребята в возрасте 12 лет, но, как правило, таких не берем, потому что… они еще не могут работать эффективно. У них в голове ветер» (Информант 3).

Анализ интервью подтвердил эпизодические факты нарушения работодателями трудовых прав несовершеннолетних (отсутствие трудового договора, отказ приобретать трудовую книжку, переработка по времени). Но в любом случае эти факты не носят массового характера и, по мнению работодателей, не затрагивают глубинные основы в целом честных отношений между работодателем и наемным работником на рынке труда. *«Обманывать невыгодно. Даже если работает неофициально. Город маленький, сарафанная почта свое дело быстро сделает» (Информант 9).*

Анализ интервью позволил выделить две группы социальных факторов, объективно снижающих привлекательность подросткового труда для российских работодателей. Первая группа связана с законодательно установленными нормами труда несовершеннолетних, например ограничениями по видам трудовой деятельности, по времени работы и т. п.

«К примеру, смена длится с 4 до 10 вечера. Мне приходится нанимать толпу подростков. Следовательно, делим 6 часов и получаем, что на смену надо взять двух подростков» (Информант 6).

Или другой пример. Согласно законодательству трудовую книжку должен оформлять работодатель. Но в силу высокой текучки рабочей силы при использовании труда несовершеннолетних это требование может превращаться в весьма обременительную обязанность.

«Вообще, по закону я должна покупать. Но вы представляете, сколько их приходит, и я всем буду покупать… Да я разорюсь на одних только книжках!» (Информант 7).

Вторая группа факторов, снижающих привлекательность труда несовершеннолетних для работодателей, связана с социально-психологическими особенностями данной демографической группы молодежи. В силу своего возраста у большинства подростков, выходящих на рынок труда, еще не сформировано мотивированное и ответственное отношение к труду, слабо развиты навыки трудовой деятельности, самоконтроля и самодисциплины.

Особенности положения подростка заключаются в том, что его труд крайне индивидуализирован и относится к категории неквалифицированного физического труда. Простая заменяемость такого работника приводит к тому, что работодателю проще брать работника на неофициальной основе. Ухудшает ситуацию и особенность социально-правового статуса этой категории работников, заключающегося в том, что труд подростка находится в поле особого внимания со стороны государства, а условия и нормы труда крайне невыгодны для работодателя.

Об этом говорили и сами работодатели. С одной стороны, множество ограничений, которые накладывает трудовое законодательство на использование труда подростков, полное отсутствие каких-либо профессиональных навыков и умений у такого работника существенно увеличивают издержки предпринимателя. С другой стороны, нередко работодателям приходится сталкиваться с халатностью и безответственностью молодого работника, не готового пока еще трудиться в полную силу.

Впрочем, работодатель зачастую просто вынужден брать подростков на работу в силу того, что из-за невысокой оплаты труда или сезонности работы взрослые работники на нее не идут. С другой стороны, не стоит отбрасывать и фактор социальной ответственности некоторых работодателей (особенно государственных и муниципальных структур), реально осознающих важность и значимость помощи в трудоустройстве современных подростков.

Поэтому государственные программы, направленные на поддержку молодежи и активное включение ее в современное экономическое пространство, должны учитывать потребности и интересы всех участников рынка. С другой стороны, образовательные институты и структуры гражданского общества должны способствовать повышению уровня информированности подростков об их трудовых правах и механизмах отстаивания и реализации этих прав на практике.

По результатам проведенного исследования в адрес Администрации Петрозаводского городского округа и Министерства труда и занятости Республики Карелия исследователями были предложены некоторые практические рекомендации.

1. Повышение уровня правовой культуры старшеклассников и их информированности о реальных потребностях регионального рынка труда являются важными механизмами становления работающих подростков как равноправных субъектов трудовых отношений. В связи с этим следует подготовить разнообразные информационные материалы для подростков, содержащие подробную информацию об особенностях трудоустройства несовершеннолетних граждан. Данные материалы должны включать в

себя весь круг документов, необходимых при трудоустройстве, в зависимости от возраста соискателя. Следует также включить список вакансий, доступных для использования подросткового труда. Целесообразно разработать макет срочного трудового договора с примечаниями и пояснением наиболее важных пунктов, что поможет подросткам испытывать меньше трудностей при подписании всех документов. Данные материалы следует регулярно рассылать по школам Карелии и социальным службам, работающим с несовершеннолетними. Информационные материалы предлагается публиковать в печатном и электронном виде. Электронный вариант должен содержать в себе систему поиска по документу, а также нести в себе функцию просмотра текста «Для слабовидящих».

2. На региональном уровне необходимо продумать систему мер государственной поддержки тех работодателей, которые регулярно предоставляют официальные рабочие места подросткам, занимаются их профессиональным и личностным развитием (через систему налогообложения и кредитования, мерами нематериального поощрения). Следует расширить существующую программу управления экономики, направленную на компенсацию заработной платы работнику, выплачиваемую работодателем, предоставляющим общественно полезную работу. Следует включить пункт, предусматривающий компенсацию зарплаты работнику, призванному осуществлять контроль и за выполнением объема работы и за соблюдением норм труда. Данное нововведение позволит привлечь большее количество работодателей по причине снижения нагрузки на них. Следует ежегодно проводить вручение грамот и материальных поощрений работодателям, трудоустроившим наибольшее количество подростков в течение года.

3. В республиканскую целевую программу развития молодежи Карелии целесообразно включить раздел о регулировании временной занятости подростков, а на муниципальном уровне необходимо развивать официальные структуры по содействию занятости молодежи, что может выражаться в возобновлении финансирования муниципального учреждения «Центр содействия занятости молодежи» как работодателя для несовершеннолетних соискателей. Следует также сделать данную программу конкурсной для всех муниципальных мероприятий. Для мотивации последних выделяемые программой целевые деньги должны содержать в себе статью расходов на выплату премий работникам учреждения, выигравшего грант. Следует также создать единую базу потенциальных работодателей для несовершеннолетних соискателей, находящуюся в свободном доступе для всех муниципальных учреждений. Для удовлетворения потребности работодателя в опытном работнике на базе муниципальных учреждений необходимо создать подготовительные классы для желающих трудоустроиться подростков. В рамках деятельности данных классов следует привлекать представителей всех потенциальных работодателей с целью информирования о специфике деятельности и обучения необходимым навыкам работы.

Реализация предложенных рекомендаций будет способствовать удовлетворению подросткового спроса на труд и уменьшению риска трудоустройства на неофициальной основе, что, в свою очередь, повышает риск нарушения условий труда и норм рабочего времени. Отлаженная система трудоустройства подростков сможет приносить выгоду не только самим несовершеннолетним, но и наладит систему доверительных отношений между работодателями и администрацией г. Петрозаводска, что повысит вероятность дальнейшего сотрудничества в рамках других направлений.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буянова А. В. Особенности правового регулирования труда несовершеннолетних работников // Трудовое право. 2005. № 6. С. 76—81.

2. Зеркалов Д. В. Социальная безопасность [Электронный ресурс]. (http://www.zerkalov.org/files/sb-m.pdf), свободный. (Дата обращения: 28.11.2013).

3. Копенгагенская декларация о социальном развитии. Принята Всемирной встречей ООН на высшем уровне в интересах социального развития, Копенгаген, 6—12 марта 1995 года. [Электронный ресурс]. (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml), свободный. (Дата обращения: 28.11.2013).

4. Лига М. Б. Социальная безопасность молодежи : организационно-управленческое обеспечение / М. Б. Лига, Н. С. Павлова, И. А. Щеткина [Электронный ресурс]. (http://www.rae.ru/monographs/161), свободный. (Дата обращения: 28.11.2013).

5. Оберемко О. А. Эволюция правового режима подростковой занятости в России : контуры социологической экспертизы // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 227—248.

6. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения : официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия (Карелиястат) [Электронный ресурс]. (http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/ru/statistics/standards_of_life/),свободный.(Датаобращения: 28.11.2013).

7. Попов Д. С. Современные траектории школьников и студентов / Д. С. Попов, Ю. А. Тюменева, Ю. В. Кузьмина // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 135—142.

8. Попова М. Б. Проблемы и подходы к развитию социальной защиты населения Карелии // Социологические исследования. 1994. № 7. С. 126—130 [Электронный ресурс]. (http://ecsocman.hse.ru/data/984/603/1231/030Popova.pdf), свободный. (Дата обращения: 28.11.2013).

9. Разумова Т. В. Подростки на рынке труда // Человек и труд. 1998. № 4. С. 76—79.

10. Слюнина В. А. Социально-экономическая безопасность региона в условиях инновационного развития // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2012. № 5 [Электронный ресурс]. (http://ekonomika.snauka.ru/2012/05/763), свободный. (Дата обращения: 28.11.2013).

11. Социальные трансформации в России : теории, практики, сравнительный анализ : учеб. пособие / А. Н. Богаевская, Е. Н. Данилова, JI. М. Дробижева и др.; под ред. В. А. Ядова. М., 2005. 584 с.

12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (в редакции Федерального закона от 30.12.2006. № 271-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1.

13. Чередниченко Г. А. Новое в образовании и профессиональной деятельности молодежи // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 88—96 [Электронный ресурс]. (http://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-07/Cherednichenko1.pdf), свободный. (Дата обращения: 28.11.2013).

14. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода : официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.htm), свободный. (Дата обращения: 28.11.2013).

15. Чупров В. И. Молодежь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс. 2-е изд. М., 2003. 161 с.

16. Employment during Adolescence is Associated with Depression, Inferior Relationship, Lower Grades, and Smoking [Electronic resource] / by Sh. Largie, T. Field, M. Hernandez-Reif, Ch. E. Sanders, M. Diego. (http://www.jstor.org/action/showPublication?journalCode=jeconlite), по договору. Аналог печат. изд. (Adolescence. 2001. Vol. 36. № 142). (Дата обращения: 10.02.2013).

17. Teens experiencing serious problems in school: Profiles of girls and boys aged 14 to 17 in Canada, Atlantic Canada, Québec, Ontario, and Western Canada; of teens with married parents, separated or divorced parents, working and non-working parents, and worshipping [Electronic resource]. (http://www.ccri.ca/rcm24.pdf), по договору. Яз. англ. (Дата обращения: 10.02.2013).

18. The Impact of Work of Adolescent Development [Electronic resource] / by Seyfer A., Hawkins-Leahy B., Colan N. (http://www.jstor.org/action/showPublication?journalCode=jhealsocibeha), по договору. Аналог печат. изд. (Journal of Contemporary Human Services. 1995. № 1). (Дата обращения: 10.02.2013).

REFERENCES

1. Bujanova A. V. Peculiarities of legal regulation of labor of underage workers [Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda nesovershennoletnikh rabotnikov] // Trudovoe pravo [Labour Relations Law]. 2005. № 6. P. 76—81.

2. Zerkalov D. V. Societal security [Sotsial'naYa bezopasnost'] [Electronic resource]: Monograph / D. V.Zerkalov. Osnova, 2012. (http://www.zerkalov.org/files/sb-m.pdf). Accessed 28.11.2013.

3. Copenhagen declaration on social development. Adopted at the universal summit of heads of states of the UN in the interests of social development, Copenhagen, 6—12 March 1995. [Electronic resource]. (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml). Accessed 28.11.2013.

4. Liga M. B., Pavlova N. S. Shhetkina I. A. Social security of the youth: organizational and managerial provision [Sotsial'naya bezopasnost' molodezhi: organizatsionno-upravlencheskoe obespechenie]. «Akademiya

estestvoznaniya», 2012 [Electronic resource]. (http://www.rae.ru/monographs/161). Accessed 28.11.2013.

5. Oberemko O. A. Evolution of the legal regime of teenage employment in Russia: contours of sociological expertise. [Evolyutsiya pravovogo rezhima podrostkovoy zanyatosti v Rossii: kontury sotsiologicheskoy ekspertizy] // Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki [Journal of research of social politics]. 2004. T. 2. № 2. P. 227—248.

6. Basic social and economic indicators of the standard of living of the population. [Osnovnye sotsial'no-ekonomicheskie indikatory urovnya zhizni naseleniya]. Official website of the Territorial department of the Federal service of state statistics of the Republic of Karelia (Kareliyastat) [Electronic resource]. (http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/ru/statistics/standards_of_life/). Accessed 28.11.2013.

7. Popov D. S., Tyumeneva Y. A., Kuz'mina Y. V. Contemporary trajectories of schoolchildren and students [Sovremennye traektorii shkol'nikov i studentov]// Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2012. № 2. P. 135—142.

8. Popova M. B. Problems and approaches to the development of social protection of the population of Karelia [Problemy i podhody k razvitiyu sotsial'noy zashchhity naseleniya Karelii] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 1994. № 7. P. 126—130. [Electronic resource]. (http://ecsocman.hse.ru/data/984/603/1231/030Popova.pdf). Accessed 28.11.2013.

9. Razumova T. V. Teenagers at the labour market [Podrostki na rynke truda] // Chelovek i trud [Person and Labor]. 1998. № 4. P. 76—79.

10. Slyunina V. A. Social and economic security of the region in the framework of innovative development [Sotsial'no-ekonomicheskaya bezopasnost' regiona v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya]. // Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tehnologiy [Economics and Management of Innovative Technologies]. № 5. May 2012 [Electronic resource]. (http://ekonomika.snauka.ru/2012/05/763). Accessed 28.11.2013.

11. Social transformations in Russia: theories, practice, comparative analysis: study guide [Sotsial'nye transformatsii v Rossii: teorii, praktiki, sravnitel'nyi analiz: uchebnoye posobie] / A. N. Bogaevskaya, E. N. Danilova, L. M. Drobizheva et al.; ed. by V. A. Yadova. M.: Flinta: MPSI, 2005. 584 p.

12. Labor code of the Russian Federation from 30 December 2001 № 197-Federal Law (in the edition of the Federal Law from 30.12.2006 № 271) [Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2001 goda № 197-FZ (v redaktsii Federal'nogo zakona ot 30.12.2006g. № 271-FZ)] // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. [Collected legislation of the Russian Federation]. 2002. № 1.

13. Cherednichenko G. A. Innovations in education and professional activities of the youth [Novoe v obrazovanii i professional'noy deyatel'nosti molodezhi] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2009. № 7. P. 88—96. [Electronic resource]. (http://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-07/Cherednichenko1.pdf). Accessed 28.11.2013.

14. Populatoin size with income lower than the minimum wage and deficit of monetary income. Official web-site of the Federal service of state statistics (Rosstat) [Chislennost' naseleniya s denezhnymi dokhodami nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma i defitsit denezhnogo dokhoda]. Ofitsial'nyj internet-portal Federal'noj sluzhby gosudarstvennoy statistiki (Rosstat)] [Electronic resource]. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.htm). Accessed 28.11.2013.

15. Chuprov V. I., Zubok Ju. A.,Uil'jams K. Youth in the society of risk [Molodezh' v obshchestve riska]. 2nd ed. M.: Nauka, 2003. 161 p.

16. Employment during Adolescence is Associated with Depression, Inferior Relationship, Lower Grades, and Smoking [Electronic resource] / by Largie Sh., Field T., Hernandez-Reif M., Sanders Ch. E., Diego M. (http://www.jstor.org/action/showPublication?journalCode=jeconlite). Accessed 10.2.2013.

17. Teens experiencing serious problems in school: Profiles of girls and boys aged 14 to 17 in Canada, Atlantic Canada, Québec, Ontario, and Western Canada; of teens with married parents, separated or divorced parents, working and non-working parents, and worshipping parents, 2000 to 2001 [Electronic resource] / by Frank J. (http://www.ccri.ca/rcm24.pdf). Accessed 10.2.2013.

18. The Impact of Work of Adolescent Development [Электронный ресурс] / by Seyfer A., Hawkins-Leahy B., Colan N. [Electronic resource]. (http://www.jstor.org/action/showPublication?journalCode=jhealsocibeha). Accessed 10.2.2013.

Teenagers employment as a factor of societal security: an analysis of results of sociological research

MILYUKOVA Irina

PhD in Philosophic Sciences,
Associated Professor,
Petrozavodsk State University, Faculty of Political and Social Sciences
Chair, Sociology,
Petrozavodsk, sociology@psu.karelia.ru

HOHLOV Eduard

2nd year student of the master degree program in sociology,
Petrozavodsk State University, Faculty of Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, evhokhlov@mail.ru

Keywords:
societal security
regional labor market
employment of underage workers

Summary:
The article is based upon the analysis of a sociological research conducted by the Department of Sociology of Petrozavodsk State University in the years 2010—2012. The aim of the research was the investigation of the position of teenagers on the contemporary labor market and the assessment of the state of their social and legal protection. The authors consider the level of social and legal protection to be the most important indicator of societal security of the region. During the first stage of the research (2010) 1124 Karelian teenagers aged from 14 to18 were polled. The second stage of the research included the expert survey of employers, who regularly hire underage employees (10 half-formalized interviews were conducted). The primary research focus when interviewing was the research of problems which employers face when using the work of underage employees and the mechanisms of their resolution. According to the results of the research, specific practical recommendations for regional and municipal authorities have been developed. The implementation of these recommendations helps to decrease the social risks for underage workers and their employers on the regional labor market and thus increase the level of societal security in the region.

Романовская И. В. Вспомогательная школа (särskola) в системе образовательных учреждений Швеции // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 84–86.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 376

Вспомогательная школа (särskola) в системе образовательных учреждений Швеции

РОМАНОВСКАЯ Ирина Валерьевна

преподаватель кафедры скандинавской филологии, Петрозаводский государственный университет, филологический факультет, Петрозаводск, matveeva.irina87@gmail.com

Ключевые слова:
люди с ограниченными возможностями здоровья
непрерывное образование
интегративное обучение
образовательная система
коррекционная педагогика

Аннотация:
В данной статье рассматривается деятельность вспомогательной школы — специализированного образовательного учреждения для людей с ограниченными возможностями здоровья, анализируется структура обучения, его специфика, а также место образовательных учреждений этого типа в образовательном пространстве Швеции. Автором уделено значительное внимание вопросам непрерывности образовательного процесса, а также основным программам, реализуемым в данном типе учебных заведений.
Статья может представлять интерес для специалистов в области образования, коррекционной педагогики, а также исследователей, сосредоточивших свое внимание на странах Северной Европы, поскольку затронутый в статье вопрос о положении людей с ограниченными возможностями здоровья в обществе по-прежнему остается дискуссионным. Описываемый опыт интеграции людей с нарушениями развития в шведскую образовательную систему также может привлечь внимание российского общества как один из способов решения актуального в XXI в. для всех стран вопроса о положении людей с ограниченными возможностями в социуме.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

В современной научной литературе вопрос организации образовательной системы Швеции, особенно образовательных учреждений для людей с ограниченными возможностями, освещен недостаточно полно. Существующие научные издания, преимущественно статьи, освещают проблемы общеобразовательных школ, среди которых особое место занимают специфика непрерывности образования, условия реализации образовательных программ, определение критериев оценивания студентов и пр. Принимая во внимание то, что Швеция в течение продолжительного времени создает благоприятные условия для получения образования инвалидами, вызывает недоумение недостаточно полное освещение в научной литературе данного вопроса, в условиях, когда количество людей с ограниченными возможностями увеличивается из года в год.

В Швеции люди с ограниченными возможностями имеют все основания обучаться наравне со здоровыми людьми во вспомогательной школе särskola, которую образуют две стадии обучения: 1) собственно särskola, т. е. «школа для детей с нарушениями развития» [3; 166] и 2) särvux (особая система среднего образования для взрослых с нарушениями развития) [3; 175], являющаяся адекватным

продолжением образовательного процесса, начатого на первой стадии обучения.

Повсеместно используемый термин «человек с ограниченными возможностями здоровья» имеет множество смыслов, из-за чего часто возникают трудности в его понимании. Сюда включается и ухудшение зрения, и избыток веса, и нарушение слуха, мы имеем настолько широкое смысловое поле, что к категории людей с ограниченными возможностями можно отнести едва ли не половину населения Земли.

Согласно данным за 2013 г., опубликованным в одной из шведских газет [1], ошибочное понимание сути данного термина применительно к деятельности школ для детей с нарушениями развития ведет к тому, что в их состав часто включают практически здоровых детей, имеющих какие-либо, часто незначительные, ограничения по здоровью. Отмечено, что среди 4800 респондентов, обучающихся в школах для детей с нарушениями развития и имеющих ограниченные возможности, половина определена в данное учебное заведение без достаточных на то оснований [1]. Целевая группа, для которой предназначено данное учебное заведение, действительно имеет ограничения по здоровью, но они обусловлены когнитивными нарушениями и, в особенности, связаны с процессом мышления, а также часто осложнены нарушениями моторики, концентрации, восприятия и коммуникации. Исходя из этого, предметом деятельности вспомогательных школ является коррекционная работа, направленная на исправление и / или недопущение нарушений.

Таким образом, вспомогательная школа (särskola) — это специализированное учебное заведение для людей, имеющих умственную отсталость, аутизм или вызванные травмой головного мозга какие-либо отклонения в развитии [6].

Принято считать, что ученики, не справляющиеся с обучением в общеобразовательной девятилетней школе, автоматически переводятся во вспомогательную школу. Согласно существующим сведениям, «около 99 % детей в возрасте от 7 до 16 лет учатся в общеобразовательной средней школе, остальные же посещают школу для детей с нарушениями развития или специальную школу» [3; 166]. Для Швеции кажущийся незначительным 1 % составляет в абсолютных цифрах весьма значительное количество людей, примерно 100 000 человек, что сопоставимо, например, с населением городов Сундсвалль или Хельсингборг.

На первый взгляд кажется, что вспомогательная школа (в частности, школа для детей с нарушениями развития) существует изолированно от других образовательных учреждений Швеции, но при подробном изучении данного вопроса мы видим не изолированность, а напротив, взаимосвязь учреждений между собой. Вспомогательная школа существует параллельно обычной общеобразовательной школе и имеет много общего с ней.

В Швеции введено обязательное образование для детей в возрасте от 7 до 16 лет [6], в связи с чем все они без исключения (несмотря на собственные ограниченные возможности) должны получить образование либо в обычной общеобразовательной школе, либо в школе для детей с нарушениями развития. Обратимся к структуре данных учебных заведений:

Romanovskaya I. Auxiliary school (särskola) in the system of educational institutions of Sweden // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. P. 84–86.

Auxiliary school (särskola) in the system of educational institutions of Sweden

ROMANOVSKAYA Irina

Lecturer,
Petrozavodsk State University
Faculty of Philology
Chair of Scandinavian Philology,
Petrozavodsk, matveeva.irina87@gmail.com

Keywords:
people with disabilities
lifelong education
integrative training
educational system
correctional pedagogy

Summary:
In this article activity of auxiliary school — specialized educational institution for people with disabilities is considered. The training structure, its specifics, and also a place of educational institutions of this type in educational space of Sweden are analyzed. The author emphasizes continuity of educational process, and principal programs realized in this type of educational institutions.
The article may be of interest to experts in the field of education, correctional pedagogy, and the researchers who are focusing their attention on countries of Northern Europe as the problem of position of people with disabilities in society discussed in the article still remains debatable. Described experience of integration of people with developmental disorders in the Swedish educational system can also be useful for Russia as one of the ways of addressing the situation of disabled people in society, the actual problem all countries are facing in the 21st century.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 821.161

Проблемы идентификации северно-русских рукописных памятников вопросно-ответного жанра типа «Беседы трех святителей»

БАБАЛЫК Марина Геннадьевна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Петрозаводский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра русской литературы и журналистики,
Петрозаводск, mg-babalyk@ya.ru

Ключевые слова:
рукописная книжность
апокриф «Беседа трех святителей»
памятники вопросно-ответного жанра

Аннотация:
В русских, в том числе северно-русских, рукописях XV—XX вв. сохранилось много текстов, написанных в форме вопросов и ответов. Объем таких произведений различный: от одной вопросно-ответной выписки до больших текстов-компиляций. Часть из них появилась благодаря переводам южнославянских вопросно-ответных памятников, часть является собственно русскими сочинениями.
Из объемного корпуса вопросно-ответных текстов особенно выделяются произведения, близкие по тематике и содержанию популярному апокрифу «Беседа трех святителей». В южнославянской традиции А. Милтенова выделяет 12 самостоятельных вопросно-ответных памятников типа «Беседы трех святителей». Русские вопросно-ответные памятники исследованы мало.
Зачастую в русских рукописях вопросно-ответные сочинения находятся рядом с «Беседой трех святителей». При многократном переписывании памятники перемешивались между собой, обменивались вопросами и ответами. Порой исследователю достаточно сложно определить, какое именно произведение перед ним. Приходится проделывать большую работу по идентификации текста. На первом этапе исследования большое значение имеет заглавие. Затем по аналогии с озаглавленными текстами отбираются сходные по тематике тексты без заглавий. Иногда связь памятников заключается в простом присоединении их друг к другу, иногда — во включении вопросно-ответных пар одного памятника в другой. Наиболее трудный случай — компиляции, содержащие вопросно-ответные пары неизвестного происхождения. Изучение таких компиляций, их источников и целей составления представляется интересной текстологической и литературоведческой задачей. Главная проблема состоит в том, что в русской рукописной книжности существует большое количество вопросно-ответных памятников апокрифического характера, повествующих о библейской истории, космогонии, эсхатологии и т. д., которые мы принимаем за «Беседу трех святителей». В качестве примера в статье

приводится сравнение «Беседы…» с некоторыми вопросно-ответными компиляциями.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Жанр вопросов и ответов (диалога) является очень древним в литературе. Исследователи относят его возникновение к античности. Произведений, написанных в жанре диалога, достаточно много, они разнообразны по тематике, ведь диалог в зависимости от целей написания позволял включать практически любой материал. Объем таких произведений не одинаков: от одной вопросно-ответной выписки до текстов-компиляций, состоящих из полутора сотен и более вопросно-ответных пар. Из всего массива текстов-диалогов наше внимание привлекли тексты по тематике и составу вопросов и ответов, близкие к популярному на Руси апокрифу «Беседа трех святителей». Многие из таких текстов корнями своими восходят к южнославянским вопросно-ответным образцам.

История текста южнославянских памятников вопросно-ответного жанра типа «Беседы трех святителей» хорошо изучена. Так, согласно текстологическому исследованию Анисавы Милтеновой в южнославянской письменности бытовало 12 различных по содержанию и структуре вопросно-ответных памятников, не имеющих единой истории текста, за которыми в науке закрепилось условное название «Беседа трех святителей». Эти памятники были распространены как самостоятельно, так и в виде разнообразных компиляций. Они были безымянными или имели самостоятельные названия, например «Евангелско сказание и тълкование», «Устроение на [светите] слова» и другие [2; 343—347]. Научное название «Беседа трех святителей» закрепилось за ними благодаря публикациям и исследованиям русских ученых, потому что в русских рукописях действительно существовали вопросно-ответные тексты с таким названием, существенно отличающиеся по составу от подобных южнославянских текстов [2; 347].

В русской рукописной книжности произведения вопросно-ответного жанра были распространены вплоть до XX века и зачастую помещались в сборники вместе с «Беседой трех святителей». На данный момент не существует монографического исследования русских рукописных вопросно-ответных памятников. Работа эта требует длительного времени и вряд ли будет осуществлена в ближайшее время, ведь, кроме заимствованных из южнославянской традиции вопросно-ответных памятников, на русской почве сложилось большое количество собственно русских вопросно-ответных текстов. Сбор рукописного материала в таком объеме затягивается на годы, поскольку современные исследователи вынуждены подчиняться правилам рукописных хранилищ, не разрешающих безвозмездное фотокопирование текстов для ускорения сбора материала, ограничивающих выдачу рукописей от 3 до 5 единиц в день, осуществляющих выдачу заказанных рукописей на другой день и даже через день. Понятно, что в таких условиях в короткие сроки и полноценно исследовать тексты, большинство из которых находятся в столичных хранилищах, невозможно. Тем не менее, благодаря финансовой поддержке РГНФ, нам удалось собрать достаточный для начального этапа исследования корпус вопросно-ответных текстов. Таким образом, наше исследование — это первая попытка идентификации северно-русских текстов вопросно-ответного жанра типа «Беседы трех святителей». Кратко представим нашу методику.

На первом этапе исследования при отборе материала большое значение имеет заглавие текста, ведь оно может дать хоть какой-то ориентир, хотя иногда и ложный, зато отсутствие такового порой ставит исследователя в тупик из-за малой изученности вопросно-ответных текстов в русской традиции. Затем по аналогии с озаглавленными текстами отбираются тексты без заглавий. Для этого изучается тематический состав вопросов и ответов неозаглавленного памятника и сопоставляется с составом вопросов и ответов озаглавленных текстов. Заглавие может отсутствовать по разным причинам: как изначально, так и по причине порчи или частичной утраты списка. Среди наших источников подобрались не только озаглавленные вопросы и ответы, но и группа списков без заглавия. Часть из них нам удалось идентифицировать как «Беседу трех святителей», но не все. При идентификации «Беседы трех святителей» мы ориентировались на наше текстологическое исследование этого апокрифа, где на основе примерно 150 списков памятника нами был осуществлен его текстологический анализ, позволивший выделить 10 его редакций. Нами высказана гипотеза о большой роли Троицкого Сергиева монастыря в распространении списков этого памятника на раннем этапе его русской истории в XV—XVI вв. и об относительной устойчивости текста ранних редакций [1].

Одна из главных проблем текстологического изучения «Беседы…» заключается в определении границ этого памятника, поскольку он «обменивается» вопросно-ответными парами с другими сочинениями и сам вбирает элементы других текстов. Кроме того, мы обратили внимание на большое число всевозможных вопросно-ответных компиляций в рукописях, часто без заглавия, в которых перемешаны вопросно-ответные пары из самых разных сочинений — «Беседы…», «Луцидариуса», «Вопросов Иоанна Богослова на горе Фаворской», «Вопросов на Елеонской горе» и др. Дробная структура вопросно-ответных текстов позволяла им не только увеличивать и сокращать свой объем, но и вступать в причудливые соединения друг с другом. Иногда эта связь памятников заключается в простом присоединении их друг к другу, иногда — во включении вопросно-ответных пар одного памятника в другой.

Наиболее трудный случай — компиляции, содержащие вопросно-ответные пары неизвестного происхождения. Изучение таких компиляций, их источников и целей составления представляется интересной текстологической и литературоведческой задачей. Так, в рукописи ИРЛИ, Пинежское собрание, № 111 первой четверти XVIII в. по сути слиты в одну компиляцию три вопросно-ответных сочинения: «Вопросы Афанасия Великого князю Антиоху», «Луцидариус» и «Беседа трех святителей», причем границы между частями памятников размыты, что отражено и в каталоге Н. В. Савельевой [5; 174]. Рукопись РГБ, Вологодское собрание, № 101 первой половины XIX в. содержит неозаглавленный вопросно-ответный текст неясного происхождения, лишь несколько вопросов и ответов в нем находят соответствия в известных списках «Беседы…». Список вопросно-ответного сочинения в рукописи XIX в. РГБ, собрание Барсова, № 456 состоит из 40 вопросов и ответов без заглавия. Здесь также угадывается текст «Беседы…», но он «растворен» в каком-то другом вопросно-ответном памятнике. По-видимому, данный список потому и не озаглавлен, что воспринимался как собрание различных вопросов и ответов. Скорее всего, переписчик планировал продолжить переписывать вопросы и ответы дальше, так как в конце списка сделал ремарку «Конец севодни».

Кстати, заглавие «Вопросы и ответы» нередко встречается в рукописях и свидетельствует, думается, о беспомощности переписчика в идентификации таких текстов как конкретных известных памятников. Иногда вопросно-ответные компиляции как будто разорваны на части и помещены в разных местах одного сборника как своеобразные скрепы между памятниками (таковы, например, списки известного печорского книжника Ивана Степановича Мяндина, хранящиеся в Усть-Цилемском собрании ИРЛИ). Перечень подобных списков можно продолжить (РГБ, собр. Егорова, № 9; РНБ, собр. Погодина, № 1287; РГБ, собр. Барсова, № 76.2; и многие другие).

По существу к подобным компиляциям можно отнести и вопросно-ответные тексты в гораздо более ранних сборниках кирилло-белозерского книгописца XV в. Евфросина, РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 22/1099 и 9/1086. Эти тексты традиционно издаются как «Беседа трех святителей» (например, в популярном издании «Библиотека литературы Древней Руси»), однако заглавия они не имеют и их состав существенно отличается от тех текстов, которые в более поздних рукописях озаглавлены как «Беседа…».

Итак, проблема очевидна: в русской рукописной книжности существует большое количество вопросно-ответных памятников апокрифического характера, повествующих о библейской истории, космогонии, эсхатологии и т. д., которые мы принимаем за «Беседу трех святителей» или, как отмечают наиболее осторожные археографы в своих каталогах, за «памятники *типа* Беседы трех святителей». Приведем пример идентификации вопросно-ответных текстов.

Список XVIII в. из Карельского государственного краеведческого музея (КГМ-20841) дефектный, он представляет собой текст, состоящий из 14 сохранившихся вопросов и ответов, встречающихся в разных списках «Беседы…». Этот факт не оставляет сомнения, что текст является не просто набором вопросов и ответов, но может принадлежать какой-либо из редакций «Беседы…». Текстологический анализ показал, что большинство сохранившихся вопросов и ответов этого списка находят параллели в списке ИРЛИ (опись 24, № 124), озаглавленном «Беседование трех святителей вселенских учителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго». Список ИРЛИ (опись 24, № 124) был отнесен нами к редакции «Беседы…» с «Тивериадским морем» [1; 2012, 74—76], на основании чего мы сделали вывод, что и список КГМ-20841 мог принадлежать этой редакции. Поскольку начало списка не сохранилось, эти выводы носят характер предположения, а не утверждения.

Встречаются в рукописях и вопросно-ответные тексты, которые могут содержать в себе блоки вопросов и ответов, заимствованные «Беседой…». Причем заимствовать «Беседа…» их могла из других источников на более раннем этапе своей истории. Например, список XVIII в. РГБ, собр. Барсова, № 617 представляет собой сборник с миниатюрами, озаглавленный «Выписано из книг Зерцала

мирозрителнаго и небес о зачатии света и о сотворении Адама». Здесь излагается история создания мира за шесть дней и описан седьмой день, когда Господь почил от дел. На каждый день отводится разворот листа: слева помещена миниатюра, справа — текст. Начиная с л. 11 по л. 52 описывается собственно сама история сотворения Адама, оформленная в виде вопросов и ответов, что сближает ее с «Беседой…». Вопросы и ответы об Адаме имеют давнюю историю: в русские рукописи они попали через южнославянское посредство. Предположительно в IX—X вв. вопросы об Адаме были переведены с греческого языка на болгарский и получили широкое распространение в южнославянской традиции [2; 200—236, 344]. К истории сотворения Адама в рукописи собр. Барсова № 617 примыкают и другие вопросы духовного содержания. Многие вопросы и ответы из этого сочинения встречаются в «Беседе…».

Представим этот список (совпадающие с «Беседой…» вопросы и ответы выделены в тексте):

//(л. 11)

Вопрос: по сотворении Адама, чем почти его Бог?

Ответ: егда сотвори Бог Адама, то почти его осмию частями.

//(л. 12)

Вопрос: чем почти Бог в первой части Адама?

Ответ: в первой части почти Бог Адама сотвори его от земли своима рукама.

//(л. 13)

Вопрос: чем во второй части почти Бог Адама?

Ответ: во второй части почти Бог Адама, иже Дух свой святый в него посла.

//(л. 14)

Вопрос: чем в третьей части почти Бог Адама?

Ответ: в третьей части почти Бог Адама словесна его сотвори.

//(л. 15)

Вопрос: чем Бог в четвертой части почти Адама?

Ответ: в четвертой части почти Бог Адама сотвори ему дыхание от ветра.

//(л. 16)

Вопрос: что сотвори Бог в пятой части Адаму?

Ответ: В пятой части сотвори Бог Адаму ум и мысль от облака и насади его ради рай на земли.

//(л. 17)

Вопрос: что сотвори Бог в шестой части Адаму?

Ответ: в шестой части сотвори Бог Адаму душу живу вложи в него.

//(л. 18)

Вопрос: чем Бог в седмой части почти Адама?

Ответ: в седмой части почти Бог Адама сотвори ему жену от ребра его.

//(л. 19)

Вопрос: чем восмой части почти Бог Адама?

Ответ: восмой части почти Бог Адама самовластна его сотвори.

//(л. 20)

Вопрос: вся ли сотвори Бог Адаму или ино что в дополнение?

Ответ: в дополнение еще сотвори Бог Адаму, иже самовластна царя над всему его постави.

//(л. 21)

Вопрос: что тогда Адам пред Богом сотвори?

Ответ: егда Бог сотвори Адама, тогда паде на ногу Божию и рече Адам к Богу: Аллилуия, еже есть слава, и сотворшему мя.

//(л. 22)

Вопрос: что сотвори Бог тогда Адаму на сие?

Ответ: сотвори Бог тогда Адаму приподня его от земли своима рукама и подня выше себе и рече: аще кто начнет творити волю мою, да посажу на престоле близ себе.

//(л. 23)

Вопрос: много ли костей сотвори Бог в человеке?

Ответ: егда Бог основа человека и положи в него костей двесте сорок пять.

//(л. 24)

Вопрос: много ли жил основа Бог в человеке?

Ответ: основа Бог тогда в человеке во всех составах жил триста шестьдесят пять.

//(л. 25)

Вопрос: много ли сотвори Бог у человека во главе зубов?

Ответ: сотвори Бог у человека в главе зубов тритцать два.

//(л. 26)

Вопрос: прежде изгнания из рая, чем Адам преслушал Бога?

Ответ: егда Бог посади их в раи, тогда повеле от всех древ ясти, а от единаго не ясти, да познают крепость человеческую, и тогда вселися диявол во змия и рече ко Евве: вкуси от сего древа, его же запрети Бог, и вся уразумееши, яко Бог, на что и прелстишася Адам и Евва.

//(л. 27)

Вопрос: много ли Адам жил в раю?

Ответ: Василий Великий сказует: Адам жил в раю, яко дванадесять дней.

//(л. 28)

Вопрос: где тогда был Адам, егда изгнан из рая?

Ответ: егда изгнан бысть из рая Адам, жилище его было на острове близ рая, и тамо трудися.

//(л. 29)

Вопрос: откуду нача множитися народ на земли?

Ответ: и егда Евва роди детей Анну и Сусанну и поят Каин Анну, а Авель Сусанну.

//(л. 30)

Вопрос: кто из них пастух был, и кто арачь?

Ответ: пастух был Авель, а орачь земли был Каин.

//(л. 31)

Вопрос: кто первый мертвец был на земли?

Ответ: первый мертвец был на земли Авель, его же уби брат его Каин зависти ради.

//(л. 32)

Вопрос: егда повеле Бог трястися Каину на земли, кая ему смерть случися?

Ответ: был у Адама сын Ламех слеп отроду, той его уби неведением.

//(л. 33)

Вопрос: кто есть восток и риза его?

Ответ: восток есть Господь наш Исус Христос, а свет блистающей риза его.

//(л. 34)

Вопрос: каким образом в прежнее время было начертание честнаго креста?

Ответ: древа ради Адам падеся, древа ради крестнаго паки воста, и на первую степень возведен бысть.

//(л. 35)

Вопрос: на конец века каким образом будет?

Ответ: на конец века падутся от древа, иже приимут не по преданию святых отец, яко обесиша плоть на древе и тремя гвоздми прибивают.

//(л. 36)

Вопрос: каким образом прежния церкви были?

Ответ: при Владимире князе поставиша церковь во святом граде Киеве во имя пресвятыя Богородицы Иерусалимския сицевым образом.[1]

//(л. 37)

Вопрос: на конец века какия будут?

Ответ: на конец века во всей России будут поставлены по римскому преданию подобны костелам, а не церквам.

//(л. 38)

Вопрос: на многих ли тогда просвирах служили литоргию?

Ответ: на седми: первая за Господа, вторая за Богородицу, третия за святых, четвертая за патриарха, пятая за царя, царицу и чад их, шестая за живых, седмая за усопших.

//(л. 39)

Вопрос: ныне на сколких?

Ответ: на пяти: первая за Господа, вторая за Богородицу, третия за святых, четвертая за царя, царицу и чад их, пятая за живых и мертвых.

//(л. 40)

Вопрос: прежде сего каким образом печатали на просвирах?

Ответ: печатали прежде сего просвиры на прокомисию сицевым образом[2].

//(л. 41)

Вопрос: а ныне каким образом?

Ответ: ныне печатают по римскому преданию, а не по преданию святых отец сицевым образом[3].

//(л. 42)

Вопрос: много ли Адам жил на земли и кем погребен?

Ответ: на земли Адам жил девять сот тритцать лет, а погреб его сын Сиф, и посади над главою его три древа райския, ему же даде ангел.

//(л. 43)

Вопрос: кто протолкова о живоначалной Троице?

Ответ: протолкова непостижимаго Бога в триех лицах Отца нерожденна Сына рожденна Духа нирожденна ни создана а исходяща святый Иоан Дамаскин.

//(л. 44)

Вопрос: отчего ангели Божии сотворены суть?

Ответ: архангели, ангели, херувими, серафими, господьствие, чиноначалие, много очитии, шестокрилатии от Духа Свята сотворишася.

//(л. 45)

Вопрос: отчего Бог сотвори солнце да светит во дни?

Ответ: Григорий Богослов во своей книге пишет: сотвори Бог солнце от одеяния своего да светит во дни.

//(л. 46)

Вопрос: отчего Бог сотвори луну да светит в нощи?

Ответ: Василий Великий сказует: сотвори Бог луну от престола своего да светит в нощи.

//(л. 47)

Вопрос: отчего сотворен гром?

Ответ: Андрей цареградский сказует: есть ангел имея в руках два камня великия сражающия их вместо крепко.

//(л. 48)

Вопрос: отчего сотворена молния?

Ответ: молния исходит от лица ангела от очию его стояшаго на облаце.

//(л. 49)

Вопрос: много ли ветров сотвори Бог?

Ответ: святый Иоанн Дамаскин повествует: сотвори Бог ветров дванадесять.

//(л. 50)

Вопрос: ныне каким образом?

Ответ: на конец века святый Иоанн Богослов свидетельствует глаголя: сей лживый агнец исходяй от бездны на пагубу душам человеческим.

//(л. 51)

Вопрос: како подобает православному христианину креститися и благословити?

Ответ: егда вознесеся Господь наш Исус Христос на небо и тогда благослови ученики своя сицевым образом[4].

//(л. 52)

Вопрос: а ныне каким образом?

Ответ: на конец века будет рука сия уставлена протопопом великия Антиохии Иерманием коим прелсти много душ человеческих на пагубу их.

Сия рука Иосифа многоболезненнаго Киевопечерская манастыря на персех лежащая сицевым образом.

Сказать, что «Беседа…» заимствовала часть вопросов и ответов именно из этого памятника нельзя, так как большинство из этих вопросов и ответов встречаются в ранних редакциях «Беседы…». Перед нами очередной текст-компиляция на библейскую тематику, сотканный из разных текстов, возможно, что-то заимствовавший и из «Беседы…», так как в вопросе «Много ли Адам жил в раю? Ответ: Василий Великий сказует: Адам жил в раю, яко дванадесять дней» мы видим ссылку на Василия Великого, а именно Василий Великий является одним из участников диалога в «Беседе…».

Вопросы об Адаме и сотворении мира не только включались в текст «Беседы…», но часто имели свои заглавия и помещались вслед за «Беседой…» в качестве текстов-дополнений. Например, список из сборника XVII—XVIII вв. «Иные вопросы по ответам. В ки[й] день и час сотвори Господь перваго Адама и протчая по сих» [4; 169—178], а также список первой трети XVIII в. РГБ, Музейное собр. № 1411; список

XVIII в. из собрания РНБ, П. Н. Тиханова, № 217 «Изъложение краткому вопрошению в кий день и час сотворы Господь перваго человека праотца Адама» [3; 122—129]; список XX в. «Вопросы и ответы о сотворении твари сей и о Адаме вопросы» (РГБ, собрание Отдела рукописей (ф. 218), № 688.2). Кроме того, вопросы об Адаме встречаются в северно-русских рукописях как самостоятельные тексты (например, список ИРЛИ, Латгальское собр., № 312, состоящий из 11 вопросов и ответов, озаглавленный «О вопросах и ответах писано о Адаме в Гранографе в главе 6»).

Таким образом, проблема идентификации вопросно-ответных текстов является наиболее сложной первоочередной проблемой, решение которой позволит выполнить текстологическое изучение разнообразных собственно русских вопросно-ответных компиляций.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Каким образом поставлена церковь, наглядно иллюстрирует миниатюра к тексту.

[2] На миниатюре просфора, на которой изображен по центру голгофский крест с копьем и палицей, а также голова Адама, по кругу надпись «сей агнец Божий вземляй грехи всего мира».

[3] На миниатюре просфора, на которой нарисован по центру цветок с четырьмя лепестками в виде креста, между которыми располагаются литеры: Иис Хс Ни Ка.

[4] На рисунке рука, сложенная для благословения, подобно священническому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабалык М. Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности : иссл. и тексты. [Б. м.] : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

2. Милтенова А. Erotapokriseis : съчиненията от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. София, 2004.

3. Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в СПб-ге 13—28 февраля 1911 года. Киев, 1912.

4. ПСЛР — Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3.

5. Савельева Н. В. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции : описание рукописных источников // Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XX в. : опыт иссл., источники. СПб., 2003. Т. 1.

REFERENCES

1. Babalyk M. Apocrypha "Conversation of Three Saints" in Russian handwritten book learning: research and texts. [Apokrif "Beseda trekh svyatiteley" v russkoy rukopisnoy knizhnosti: issledovanie i teksty]. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2012.

2. Miltenova A. Erotapokriseis. Works of short questions and answers in Ancient Literature. [Erotapokriseis. Sochineniyata ot kratki voprosi i otogovori v starobolgarskata literature]. Sofia, 2004.

3. Peretts V. N. Report on excursion seminar in Russian philology in St. Petersburg 13-28 February 1911 [Otchet ob ekskursii seminariya russkoy filologii v SPb-ge 13—28 fevralya 1911 goda]. Kiev, 1912.

4. PSLR — Monuments of ancient Russian literature [Pamyatniki starinnoy russkoy literatury, isd. gr. Grigoriem Kushelevym-Besborodko]. SPb-g., 1862. Vyp. 3.

5. Saveljeva N. V. Essay on the history of formation of Pinega book and manuscript tradition. Description manuscript sources. // Pinezhsky book and manuscript tradition early XVI —XX century.: Research experience, sources [Ocherk istorii formirovaniya pinezhskoy knizhno-rukopisnoy traditsii. Opisanie rukopisnykh istochnikov // Pinezhskaya knizhno-rukopisnaya traditsiya XVI—nachala XX v.: opyt issledovaniya, istochniki]. SPb., 2003. T. 1.

Identification problem “question and answer” type “Conversation three saints” of northern russian manuscripts

BABALYK Marina

Senior lecturer,
Petrozavodsk State University
Faculty of Philology
Chair of Russian literature and journalism,
Petrozavodsk, mg-babalyk@ya.ru

Keywords:
handwritten book-learning apocryphal "Conversation of Three Saints" works of Question-Answer genre.

Summary:
In Russian manuscripts of XV-XX centuries there are many texts in the form of
Questions and Answers. These texts have a different volume: from 1 question and answer to large text compilations. A part of it comes from the South Slavic Questions and Answers, the other part is original Russian works.
Texts related to popular apocrypha "Conversation Three Saints" are especially distinguished from various Question-Answer types. In South Slavic tradition A.Miltenova distinguishes 12 Question-Answer texts, such as "Conversations of Three Saints." Russian Question-Answer texts are not sufficiently investigated.
Often in Russian manuscripts Questions and Answers are next to "Conversation of Three Saints." When the Question-Answer texts were rewritten, they were mixed with each other, exchanging questions and answers. Sometimes the researcher can not determine which text is in the manuscript. For identification the text it is necessary to do great work. Text’s title is important on the first stage of the research. Then, text without titles are selected. Sometimes the Question-Answer texts are connected with each other; sometimes the questions and answers are moving from one text to another. The most difficult case is a compilation that contains questions and answers of unknown origin. The study of such compilations, their sources and purposes, is an interesting textual and literary task.
The main problem is that the Russian manuscript book-learning has a lot of Question-Answer texts of apocryphal character about biblical history, cosmogony, eschatology, etc., which we count as "Conversation of Three Saints". In this article as an example "Conversation of Three Saints" is compared with some Question-Answer compilations.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 398.21(092)

Сказочник Ф. П. Господарев: петрозаводский период жизни

ЛЫЗЛОВА Анастасия Сергеевна

кандидат филологических наук,
Карельский научный центр РАН,
Институт языка, литературы и истории,
Петрозаводск, alyzlova@rambler.ru

Ключевые слова:
сказочник Ф. П. Господарев
Петрозаводск
Архив КарНЦ РАН
Онежский завод

Аннотация:
В статье содержатся новые сведения, касающиеся длительного пребывания известного сказочника Ф. П. Господарева (1865—1938) в Петрозаводске. Он родился и вырос в Белоруссии, был пожизненно сослан в Олонецкую губернию и провел здесь более 30 лет. 10 лет Господарев проработал на Александровском (Онежском) заводе. В 1937—1938 гг. Н. В. Новиков зафиксировал его репертуар (более 100 сказок) в рамках программы по сбору фольклора рабочих. В то время Господарев уже находился на пенсии. Собранные материалы составляют содержание коллекции № 62 русского фонда Научного архива КарНЦ РАН. Несколько сказок Господарева были опубликованы в сборнике «Песни и сказки на Онежском заводе» (Петрозаводск, 1937). В 1941 г. Н. В. Новиков издал сборник «Сказки Филиппа Павловича Господарева», где представлен почти весь репертуар исполнителя. В Научном архиве КарНЦ РАН имеется уникальная коллекция № 154, в которой собраны воспоминания современников Господарева о петрозаводском периоде его жизни. Эти архивные материалы впервые вводятся в научный оборот. Они позволяют составить более полное впечатление об этом сказочнике как о человеке, прожившем незаурядную жизнь и оставившем след в памяти многих людей.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

История Петрозаводска неразрывно связана с Онежским заводом. В 1703 г. на берегу Онежского озера, у самого устья реки Лососинки, именовавшейся в то время Лососинницей, был построен железоплавильный завод, названный Петровским. Поселок, который возник около завода, и положил начало городу Петрозаводску. Железоплавильный завод просуществовал недолго, до 1734 г. В 1773 г. был заложен новый завод, Александровский, ставший позднее Онежским.

Существование большого предприятия способствовало формированию среды горожан-рабочих, которая обусловила появление особого, так называемого рабочего фольклора. В дореволюционное время интереса к нему не проявляли, но позднее отношение изменилось. Вопрос об изучении устного поэтического творчества рабочих в качестве научной задачи был поднят только в 20-е гг. XX в., и уже в 30-е гг. собирательская и исследовательская практика в области рабочего фольклора приобрела необычайный размах, что было связано с веяниями того времени.

В 1931 г. в Петрозаводске был образован Карельский научно-исследовательский институт (КНИИ, ныне Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН). Одной из основных задач учреждения стало

собирание и изучение устного народного творчества. Институт возглавил работу по исследованию фольклора рабочих. По этому поводу в газете «Красная Карелия» от 21 января 1936 г. сообщалось следующее: «фольклорная группа Карельского научно-исследовательского института поставила своей задачей собрать фольклор рабочих Онегзавода. <…> Необходимо отметить, что до сих пор рабочий фольклор в Карелии еще не собирался» [10; 4]. Уже весной 1936 г. несколько студентов Ленинградского университета, будущих сотрудников КНИИ, приступили к записи фольклорных текстов. Работа продолжалась в течение 1936—1937 гг. За этот период совсем еще молодые филологи Н. В. Новиков, А. Д. Соймонов, В. В. Чистов, ставшие впоследствии известными учеными, постарались зафиксировать весь фольклорный материал, бытующий среди рабочих Онежского завода. Собранные тексты составили коллекцию № 61 русского фонда Научного архива КарНЦ РАН (НА КарНЦ РАН) [2], в ней содержится свыше 400 единиц хранения, запись которых производилась от руки. Здесь представлены различные фольклорные жанры (песни, причитания, частушки, пословицы и поговорки, предания, легенды, сказки, заговоры), а также сведения биографического характера и стихотворения. Наибольшее распространение в среде рабочих Онежского завода получила песня, а из прозаических жанров особой популярностью пользовалась сказка.

Итогом работы по сбору фольклора стала подготовка издания «Песни и сказки на Онежском заводе», опубликованного в Петрозаводске в 1937 г. [6]. В его составлении участвовали названные ранее студенты-филологи В. Чистов (глава о песнях), А. Соймонов (лирические песни), Н. Новиков (сказки), Г. Нефедов (заметки о языке онежских рабочих), а студент Всесоюзной академии художеств Г. Стронк занимался оформлением книги. Вступительная статья А. Соймонова «На Онежском заводе» датируется 4 июля 1937 г. В разделе «Сказки» помещены всего 14 текстов.

Самое большое количество сказок, представленное в названном издании (5), было записано от 72-летнего пенсионера Филиппа Павловича Господарева. Знакомство собирателей с ним состоялось в феврале 1937 г., благодаря его сыну Константину, который работал на заводе и в разговоре с фольклористами обмолвился: «Папаша у меня до сказок охотник. Вечером можно зайти к нам. Он по вечерам больше дома сидит, всегда застанете» [9; 19]. В тот же день (2 февраля) Н. В. Новиков отправился в дом Господарева. Зимой 1937 г. ему удалось записать семь сказок, в июле того же года еще 31, а в течение четырех месяцев 1938 г. 64 текста; всего Н. В. Новиков зафиксировал от Господарева 106 сказок, в том числе ряд народных анекдотов. Собранные от исполнителя материалы составили коллекцию № 62 русского фонда НА КарНЦ РАН [3].

Позднее, в 1941 г., 94 текста, записанные от данного носителя фольклора, были опубликованы в подготовленном Н. В. Новиковым сборнике «Сказки Ф. П. Господарева» [9]. Объем книги составляет 660 страниц, в ней имеется обширная вступительная статья составителя, в которой сообщены биографические сведения о Господареве, раскрыты особенности его репертуара. Кроме того, в издании представлены различные приложения, включающие в себя три сказки, список пословиц, поговорок и загадок исполнителя, его письмо к собирателю Новикову, статью Г. Нефедова «О языке Господарева», примечания к текстам, перечень фольклорных произведений, не вошедших в сборник, и словарь малопонятных выражений.

Этот сборник по праву считается одним из важнейших явлений не только в истории фольклористики Карелии, но и всего сказковедения. Наряду с двухтомным собранием «Сказки Карельского Беломорья», где представлены тексты, записанные от помора Матвея Михайловича Коргуева [8], сборник сказок Господарева принадлежит, по словам М. К. Азадовского, к числу изданий КНИИ, заслужившим ему известность и славу [1]. При этом ситуация, касающаяся самого Филиппа Павловича, является достаточно неординарной. Как отмечает тот же Азадовский, «в галерее русских сказочников до сих пор не было сказочника с такой биографией» [9; 4].

Краткие сведения, касающиеся жизни Ф. П. Господарева, содержатся во вступительной статье Н. В. Новикова, открывающей сборник сказок.

Филипп Павлович Господарев родился в 1865 г. в д. Забабья Могилевской губ. Белоруссии, где прожил почти до 40-летнего возраста. В белорусской крестьянской среде происходило формирование его как носителя фольклорной традиции. Основной репертуар был усвоен им от старика-односельчанина и крестного отца Кузьмы Кондратьевича Шевцова, который, по воспоминаниям Ф. П. Господарева, дожил до 110 лет. К труду в деревне Филипп был приучен рано, занимался пахотой, участвовал в сенокосе: «С 12 лет с отцом стал ходить на сенокос. Помню — коса у его была большая, а у нас с братаном маленькая. Учил: “Косите, не торопитесь!” Сам за руки возьмет и стоит за плечами. Косу направлять тоже учил» [9; 12]. В школе Господарев не учился, так как отец его по бедности не мог платить за учебу. С 15 лет стал наниматься в работники к кузнецам-помещикам. В 1903 г. принял

участие в крестьянском восстании, после разгрома которого в числе девяти человек был заключен в тюрьму, а затем пожизненно сослан в Олонецкую губернию.

До конца 1906 г. Ф. П. Господарев проживал в д. Шуя, расположенной недалеко от Петрозаводска, под надзором полиции, а в начале 1907 г. переселился в Петрозаводск, т. е. стал горожанином. В течение последующих 10 лет он работал на Александровском заводе. В 1917 г., в связи с пожаром на заводе, приостановилась работа в ряде цехов. Часть рабочих попала под сокращение, в том числе и Господарев. Он приобрел небольшую кузницу на берегу р. Неглинки, где занимался кустарным производством, выполняя заказы, касающиеся в основном подковывания лошадей для отрядов Красной Армии. С 1922 г. работал кузнецом и возчиком в артели «Красный транспорт», где в 1934 г. получил производственную травму (на грудь ему наступила лошадь) и вышел на пенсию по третьей группе инвалидности. После лечения устроился сторожем на слюдяную фабрику, а затем на временную работу в местный совхоз № 1 им. Первого мая (позднее им. Зайцева), где проработал до самой своей смерти 9 июля 1938 г.

Незадолго до кончины (в марте 1938 г.) Ф. П. Господарев по приглашению Н. В. Новикова побывал в Ленинграде и выступил с несколькими сказками на филологическом факультете университета.

Петрозаводский период жизни сказочника продлился более 30 лет. Спустя 40 лет после смерти Господарева, в 1980 г., сотруднику ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Ф. Онегиной удалось собрать воспоминания некоторых родственников, соседей и бывших работников Онежского завода об этом человеке. Все материалы вошли в состав коллекции № 154 русского фонда НА КарНЦ РАН [4], насчитывающей 19 единиц хранения; 10 из них являются письмами единственного сына сказочника Константина, с которым Н. Ф. Онегина переписывалась в течение нескольких лет. В одном из своих писем он подробно описал точное место захоронения отца на Зарецком кладбище Петрозаводска, приложив рисунок-схему: «*Как войдете на кладбище и пойдете по указанию стрелок; могила от церкви не более 10—13 метров, сделана раковина. А посреди раковины в земле выросла бузина. Она расколола раковину. Я хотел спилить бузину, но не стал; оставил как живой памятник*» [4; 1]. Благодаря этой помощи, заключавшейся в предоставлении подробной инструкции, Н. Ф. Онегиной удалось разыскать и впоследствии привести в порядок могилу сказочника в 1978 г. [4; 23].

В воспоминаниях людей, знавших Господарева, представлено много интересных сведений о жизни его в Петрозаводске. Филипп Павлович проживал в верхней части улицы Малая Слободская, в доме, который построил сам. Об этом сообщила Вера Владимировна Тихонович, 1915 г. р.: «*Он был ссыльный. Я его знаю с тех пор, как он здесь поселился… Этот дом они строили. <…> Филипп Павлович был очень мастеровой, сам строил дом*» [4; 5].

Ф. П. Господарев, имея одного сына, принял в свою семью родственников жены, о чем поведала Анна Ивановна Запольских, 1910 г. р.: «*У нас мать умерла, нас осталось трое маленьких: я, Саша и Боря. Нас взяла на воспитание тетя, сестра отца, Иванова Пелагея Ивановна. Она родная сестра жены Филиппа Павловича Господарева. Отец наш был взят на германскую войну. Филипп Павлович взял нас всех жить к себе. Мы жили у Господаревых во второй половине дома на Малой Слободской, 45. Когда отец вернулся с германской войны, Филипп Павлович просил его, чтоб удочерить меня. У них не было дочери, был только один сын Костя. Но отец не дал согласия. Младшенькому было к тому времени 3 года, он звал Филиппа Павловича папой*» [4; 1—2]. Дополнительные сведения сообщила В. В. Тихонович: «*В доме жили, как на квартире, родня, тетя Поля Иванова с детьми… И еще жена… Марфа Ивановна… взяла к себе жить племянницу Ольгу, как дочку ее держали*» [4; 5]. По ее же воспоминаниям, Господаревы очень любили детей, были добрыми, отзывчивыми и гостеприимными: «*По-соседски хорошо жила наша семья с Господаревыми. И Филипп Павлович, и Марфа Ивановна* (жена. — *А. Л.*) *были очень хорошими людьми. Мы никогда не ругались… и взрослые и дети были дружны. Ольга, бывало, скажет: “Будем чай пить с самовара”. А Марфа Ивановна ей даст большой кусок сахара. Они оба были очень добрые*» [4; 6]. Это подтверждают и слова А. И. Запольских: «*Да, он был добрый человек. Вечерами ребят на колени возьмет, сказки им рассказывает. Он часто занимался с ребятами. Младший всё на руки к нему просился*» [4; 2].

Помимо сведений о взаимоотношениях сказочника с другими людьми, В. В. Тихонович вспомнила и об особенностях его поведения: «*Любил он петь, часто мы слышали. Он всё, бывало, разговаривал не просто, а с прибаутками*» [4; 5], «*Нрав у него был веселый. Бывало, всё поет*» [4; 7].

Сразу несколько человек проинформировали собирателя о том, что Ф. П. Господарев обладал незаурядной силой. Например, Василий Игнатьевич Никитин, 1898 г. р., сообщил следующее: «*Помню-помню Господарева. Мужик был высокий и вообще хорошего телосложения. <…> Случай один расскажу. Раньше на лошадях воду доставляли в больших деревянных бочках, по квартирам развозили.*

Я сам видел, как Господарев однажды взял за задок, приподнял и сдвинул с места увязший возок — вот силища была» [4; 11]. Подтверждают подобное обстоятельство и слова В. В. Тихонович: «*Филипп Павлович был сильный, мешок бросит на воз, как игрушку. (Работали на своей лошади, так их называли г**у**жбанами.) Филипп Павлович в последние годы был г**у**жбаном*» [4; 6], «*Он был очень плечистый, высокий и сильный мужчина*» [4; 7]. А вот Петр Яковлевич Суханов, 1895 г. р., сообщил следующее: «*Я не знаю, как он работал, и где работал. Только понаслышке слышал, что он был такой сильный, боролся (в цирке или в театре, где там) и поборол борца*» [4; 19]. Об этом же случае вспомнил и В. И. Никитин: «*Однажды сидим обедаем в цехе все вместе. Зашел разговор о том, как Филипп поборол силача-борца. Все говорят, а он ухмыляется, помалкивает. Скромный был*» [4; 10].

Кстати, сведения о физических возможностях Господарева содержатся и во вступительной статье Н. В. Новиков к сборнику сказок: «Знают его и как хорошего сказочника и как силача (рассказывают, что в предреволюционные годы Ф. П. выступил публично померяться силой с борцом-профессионалом, приезжавшим в Петрозаводск на гастроли, и поборол его). Физическую силу сказителя один из его товарищей охарактеризовал так: “У него — нечего сказать — силёнка есть: нагретое железо гнёт”» [9; 18].

В собранных Н. Ф. Онегиной воспоминаниях В. И. Никитина имеется и информация о том, как сказочник работал на Онежском заводе, который в то время занимался производством оружия: «*Мы с ним в одном цехе работали, в кузнечно-прессовом. Господарев у печи нагревальщиком был. Сперва стаканы для снаряда штамповали, а потом протяжку делали. Он снаряды нагревал для протяжки, целый день у горячей печи*» [4; 10]. Работа эта была очень тяжелой, о чем рассказывала Н. В. Новикову жена Господарева Марфа Ивановна: «По 11 часов, бывало, работал мой покойничек в штамповочном цехе. Болванки по два пуда бросал в печь, а из печи раскаленными клещами вытаскивал. Где тяжелая работа, он там и мячкал. Бывало, придет с работы домой, я накрою на стол: думаю, что он обедать хочет, а он с жару подходит к бочке холодной воды и ну водушку пить. Я у него и спрашиваю:

— Верно, вас там на заводе обедом-то сытно кормят, что водушка пьется?

А он заругается, да и скажет:

— Сходи-ка, умница, туда да пообедай.

— А чего ж ты пьешь?

— А то пью, что у печки жара невыносимая. Покидала б в такой жаре железные болванки, тогда б не говорила так.

Работал муженек до пота, поверите иль нет, а у него от работы холстяная рубашка солью покрывалась, соль скрозь одежку проходила» [9; 18].

Помимо необычайной физической силы, у Господарева были и другие способности. Так, например, В. В. Тихонович рассказала, как «*ходили к Филиппу Павловичу зубы лечить. “Дядя Филя, зубы болят, спасу нет!” Однажды пять суток мучилась. Он возьмет воды в чашку, нашепчет в нее, потом даст палочку небольшую. Подведет к русской печке, к душнику и скажет: “Покопай палочкой больной зуб, пополощи и плюнь в угол; плюнешь в угол, так несколько раз надо”. Три раза сходить на эту процедуру — и зубы перестают болеть; могут крошиться, портиться, но не болят. Лечили все: малые и старые. Моя мать и я в жизни не бывали у зубного, все заговаривал Филипп Павлович*» [4; 11].

Как отмечалось выше, после увольнения, связанного с сокращением рабочих мест на заводе, Господарев приобрел кузницу. Воспоминания об этом сохранились в памяти П. Я. Суханова: «*Ну а потом (после ли работы на заводе?) у него была кузница на Неглинской речке, где-то там, в Слободке построена была. И были тогда сильные дожди, воды-то очень много было, у него эту кузницу смыло водой. Вот это я помню о Господареве*» [4; 19].

Судя по всему, Филипп Павлович не сидел без дела. Вот и В. В. Тихонович сообщила о том, что «*он перед смертью работал на лошади, перевозил грузы. Лошадь была своя. Он однажды утром поехал на работу, а вечером нашли мертвого в кювете. А лошадь пришла домой одна. Так не стало дяди Фили*» [4; 5].

Ф. П. Господарев был знатоком большого количества сказок. Честь его «открытия» принадлежит Н. В. Новикову, которому удалось зафиксировать практически весь репертуар этого носителя фольклорной традиции. О процессе сбора фольклорного материала от Господарева рассказала А. И. Запольских: «*Я помню, как к Филиппу Павловичу приходили записывать сказки. Из Ленинграда был… — Новиков? Николай Владимирович? — Да, да. Они подолгу сидели. Тот все пишет, пишет. А Филипп Павлович был неграмотный. — Неграмотный, а целую книгу сказок насказал!*» [4; 2]. Сам Н. В. Новиков очень подробно описал ситуацию, как он «явился в дом Господарева. Семья пила чай. В комнате находилось несколько человек соседей. Хозяева встретили меня гостеприимно, предложив

“отведать чайку”. Разговор быстро принял дружеский тон. На мой вопрос: “Много ли сказок вы знаете?” Ф. П. ответил: “Знаю столько, что в мешке не унесешь. А если по три сказки в вечер записывать, так месяц сидеть, а то и больше…”

После чая Ф. П. не спеша вынул из кармана свой кожаный кисет, набил трубку табаком, закурил (в дальнейшем он так делал всегда перед сказыванием) и ровным, спокойным голосом начал излагать сказку “Солдатские сыны”. Я приступил к записи. Далеко за полночь длилось повествование о чудесных приключениях Ивана и Романа. Жена и сын не спали — слушали; слушали и соседи. Это было 2 февраля 1937 г. Следующий вечер, а за ним еще вечер мы просидели за “Солдатскими сынами”.

<…>

Зимним временем запись сказок обычно проходила в доме Господаревых в отдельной комнате (“чтоб никто не мешал”), летом — в небольшом садике у дома, в 1938 г. — главным образом в стенах Карельского научно-исследовательского института. Благоприятные внешние условия, в которых проходила запись, позволяли все сказки, представленные в данном сборнике, записать дословно» [9; 19—20].

Итак, сказочник Господарев остался в памяти многих людей. Его судьба действительно уникальна. В свое время ею заинтересовался писатель из Карелии В. И. Пулькин, повесть которого «Перун-трава», опубликованная в Петрозаводске в 1985 г., посвящена Ф. П. Господареву [7]. Репертуар сказочника привлекал внимание ученых-фольклористов Н. В. Новикова [9; 7—55] и Е. А. Костюхина [5], что нашло отражение в их статьях. Не менее интересен и жизненный путь этого человека, который можно разделить почти пополам. Первая его часть прошла в Белоруссии, по большей части в сельской местности, за исключением непродолжительных выездов, связанных с работой. Вторую же половину жизни Господарев провел исключительно в городских условиях, успев потрудиться на крупных предприятиях Петрозаводска и позаниматься кустарным производством.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы, собранные в 1930-е и в 1980-е гг., безусловно, очень важны и позволяют предпринимать дальнейшее изучение творческого и жизненного пути крупного носителя фольклорной традиции, родившегося в белорусской деревне и ставшего российским городским жителем.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. Азадовский М. К. Отзыв о книге «Сказки Свиньина» // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Ед. хр. 8. 1941 г.

2. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 61: 1936—1937 гг.

3. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 62: 1937—1938 гг.

4. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 154: 1980 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костюхин Е. А. Сказочник Господарев // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера : доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 99»). Петрозаводск, 2000. С. 133—139.

2. Песни и сказки на Онежском заводе / сост. А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1937. 319 с.

3. Пулькин В. И. Перун-трава : повесть о сказочнике Филиппе Господареве. Петрозаводск, 1985. 208 с.

4. Сказки Карельского Беломорья. Т. 1 : Сказки М. М. Коргуева / записи, вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Кн. 1. 660 с. Кн. 2. 676 с.

5. Сказки Филиппа Павловича Господарева / под общ. ред. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941. 660 с.

6. Собирание рабочего фольклора // Красная Карелия. 1936. 21 янв. С. 4

PRIMARY SOURCES

1. Azadovsky M. K. Review on the book «Tales of Svinyin» // SA KarRC RAS. F. 1. Op. 39. Ed. hr. 8. 1941.
2. SA KarRC RAS. F. 1. Op. 1. Coll. 61. 1936–1937.
3. SA KarRC RAS. F. 1. Op. 1. Coll. 62. 1937–1938.
4. SA KarRC RAS. F. 1. Op. 1. Coll. 154. 1980.

REFERENCES

1. Kostyukhin E. A. Tale-teller Gospodarev [Skazochnik Gospodarev] // The master and the folk art tradition of the Russian North (Proceedings of the 3rd International Conference "Ryabinin’s Readings–99"). Petrozavodsk: Karelian Research Centre, 2000. P. 133–139.

2. Songs and Tales on the Onega Plant [Pesni i skazki na Onezhskom zavode] / Compiled by A. D. Soymonov. Petrozavodsk, 1937. 319 p.

3. Pul'kin V. I. Perun’s Herb: The Story of the Tale-teller Philip Gospodarev. [Perun-trava. Povest’ o skazochnike Filippe Gospodareve]. Petrozavodsk: Karelia, 1985. 208 p.

4. Tales of the Karelian White Sea. Volume 1: Tales by Korguev M. M. [Skazki Karel'skogo Belomor’ya. T. 1: Skazki M. M. Korguev] / Records, introductory article and comments by A. N. Nechaev. Petrozavodsk: Karelian State Publishing House, 1939. Book 1. 660 p. Book 2. 676 p.

5. M. K. Azadovsky, Ed. Tales of Philip Pavlovich Gospodarev. [Skazki Filippa Pavlovicha Gospodareva]. Petrozavodsk: Gosizdat KFSSR 1941. 660 p.

6. Collecting workers’ folklore [Sobiranie rabochego folklora] // Krasnaya Karelia. 1936. January 21. P. 4.

Lyzlova A. The tale-teller F. P. Gospodarev: the petrozavodsk period of life // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. P. 95–101.

The tale-teller F. P. Gospodarev: the petrozavodsk period of life

LYZLOVA Anastasia

PhD in Philology,
Russian Academy of Science
Karelian Research Centre
Institute of Language, Literature and History,
Petrozavodsk, alyzlova@rambler.ru

Keywords:
tale-teller F. P. Gospodarev
Petrozavodsk
Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Onega Plant

Summary:
The paper offers new information about the long stay in Petrozavodsk of a famous tale-teller F. P. Gospodarev (1865—1938). He was born and grew up in Belarus, but was then exiled for life-time to the former Olonets Province, and spent more than 30 years there. Gospodarev worked at the Alexander's (Onega) Plant for 10 years. In 1937—1938 N. V. Novikov recorded his repertoire (over 100 tales) as part when collecting the folklore of workers. Gospodarev was already retired at that time. The materials now constitute collection № 62 in the Scientific Archive of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Several tales by Gospodarev were published in the collection "Songs and Tales of the Onega Plant" (Petrozavodsk, 1937). In 1941 N. V. Novikov published the collection "Tales of Philip Pavlovich Gospodarev", which presents nearly all of his repertoire. Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences include a unique collection № 154, with recollections of Gospodarev's contemporaries about his life in Petrozavodsk. These archival materials are first introduced in scientific circulation. This information generates a more comprehensive impression of the tale-teller as a man who had had an unusual life and left a trace in the memory of many people.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 821.161.1

Остров Готланд в русской литературе xx века: топика, мифология, поэтика

МИНЕЕВА
Инна
Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет,
филологический факультет,
ruslitemig@mail.ru

Ключевые слова:
современная русская литература
«шведский» текст русской литературы
остров Готланд
культура перемещения
Т. Бек
В. Гандельсман

Аннотация:
Статья посвящена проблеме восприятия острова Готланда русскими писателями на рубеже XX—XXI вв. В «шведском» тексте русской литературы Готланд занимает центральное место. К готландским темам и образам обращаются поэты и прозаики, проживавшие / проживающие на транснациональных приграничных территориях или посещавшие / посещающие Швецию в качестве переводчика, журналиста-международника, путешественника (Т. Бек, В. Гандельсман, Н. Иванова, Т. Кибиров, Н. Толстая, Б. Улановская, И. Фоняков). Выполненный анализ показал, что образ Готланда реконструируется с помощью системы как мировых, так и территориальных (островных) символов. Основными формирующими готландский культурный ландшафт символами являются небо, остров, море, корабль, церковь (кирха), птицы, камни, дерево, воздушные стихии. Однако несмотря на обращение писателей к общекультурным и региональным знакам, восприятие шведского острова для каждого из них будет индивидуальным. Для одних современный Готланд — олицетворение детства, божественной любви и благодати, творческой свободы, вдохновения, разностилья и коммуникации. Для других — край исторических, политических, социальных и ментальных контрастов и катаклизмов, порожденных надвигающимся из «вне» глобализованным хаосом. Шведский остров не смог противостоять материковой дисгармонии, что привело к разрушению его дивной природы, рукотворной красоты, появлению абсурдных пейзажей. Наиболее распространенные художественные приемы в создании островного ландшафта — антитеза, сравнение, гипербола, метафора.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Рубеж XX—XXI вв. — начало формирования «шведского» текста русской литературы. Однако здесь мы имеем дело с одновременно парадоксальным и в то же время вполне объяснимым фактом. «Шведский» текст русской литературы формируется не только «внутри» самой Швеции, благодаря творчеству эмигрантов, но и «вне» ее географических границ. Есть отдельные случаи, когда писатели

долгое время находились на территории скандинавского королевства, но не в качестве эмигранта, получившего второе гражданство, а путешественника. После возвращения домой — в Россию, Великобританию, Америку — многие из них оставили художественные отклики о своем пребывании в Швеции, на островах Балтийского моря, фьордах и водопадах [1].

Центральное место в формировании «шведского» текста занимает образ Готланда. О балтийском острове писали и пишут прозаики и поэты главным образом из России и США, проживавшие / проживающие на транснациональных пограничных российских территориях или часто посещавшие / посещающие Швецию в качестве переводчиков со скандинавских языков, журналистов-международников или просто путешественников. Назовем их имена и произведения, в которых нашли свое отражение готландские реалии: Т. А. Бек («Шведская тетрадь»), В. А. Гандельсман («Готланд»), Н. Иванова («Остров»), Т. Ю. Кибиров («Нотации. Книга новых стихов»), Н. Толстая («Праздник Средневековья»), Б. Улановская («Шведские гуси»), И. Фоняков («Воскресенье на Готланде») и др.

Анализ повестей, рассказов, очерков, эссе названных авторов показал, что образ Готланда реконструируется ими с помощью системы символов. Характерными символами Готланда являются как образы общемировые (море, небо, земля, корабль, ветер, птица), так и региональные (кирха, камни). Эйдологическая система — ключ и к интерпретации островного облика. Между тем, несмотря на обращение писателей к общекультурным и национальным (шведским) знакам, взгляд на Готланд для каждого из них будет индивидуальным.

В рамках данной статьи представим трактовки образа Готланда в поэтическом творчестве Т. Бек и В. Гандельсмана.

Остров Готланд как (пра)родина свободы vs несвободы?
Поэтический опыт Т. Бек

Татьяна Александровна Бек (1949—2005) — поэтесса, историк литературы, критик, переводчица со шведского и датского языков. Со скандинавской историей и культурой Т. А. Бек связана генеалогически, профессионально и творчески. Невольно идентифицируя себя с человеком североевропейского происхождения, она писала: «Для меня родовые корни отнюдь не пустые слова. Верю в мистику происхождения. Мой отец Александр Альфредович Бек — из обрусевших датчан. Согласно семейной легенде (отец — с его пристрастием к фактам и документам — уже в 60-е удостоверился в ее точности, покопавшись в ленинградских архивах), прадеда, Христиана Бека, “выписал” из Дании сам Петр I в качестве опытного почтмейстера — организовать российскую почту. От скандинавов досталась по наследству странная во мне обязательность, даже занудливый педантизм» [3].

Семейно-родовая история интуитивно подтолкнула Т. Бек к выбору будущей профессии. В 1972 г. она окончила факультет журналистики МГУ со специализацией «Шведский язык». За сделанным поэтессой профессиональным выбором скрывалось ее внутреннее, пока неосознанное стремление к познанию и узнаванию своей скандинавской прародины. В ситуации советского «железного занавеса» в ее сознании сработали законы культурной и исторической памяти как некоего способа противостояния культивирующемуся в стране информационному «голоду» и создававшемуся религиозному и культурному «вакууму». Однако несмотря на предпринятую попытку постичь дух скандинавской ойкумены, ее облик все же оставался для Т. Бек в пору студенчества туманным и бледным. Мешала идеология. Для советского человека, как вспоминала поэтесса уже в зрелом возрасте, Скандинавия была полузакрытым пространством [4]. Искусственно создающийся на страницах советских учебников образ североевропейских государств не давал созидательного импульса. «В университете, — писала Т. Бек, — я учила шведский язык, пассивно его знала, хотя никогда не говорила... И хотя получала за него свои “пятерки”, знала его, как мне казалось, на уровне словаря. Во всяком случае, имела довольно смутное представление о том, как звучит живая шведская речь на самом деле» [4]. Активизировавшееся в студенческие годы внутреннее скандинавское горение столкнулось с внешней тупиковой советской событийностью.

Возможно, сформированные в семье и приобретенные во время учебы знания о скандинавской ойкумене так бы и остались в жизни и творчестве Т. Бек инертными и невостребованными, если бы не один случай. В «глухом» 1976 г. ей предложили сделать несколько переводов со шведского языка для готовящейся тогда к публикации антологии «Современная шведская поэзия» (М., 1979). В то время, по словам поэтессы, «подобные книжки... считались... редкостью... Выпустить такую книгу — все равно что прорубить окно в Европу» [4]. Т. Бек согласилась на предложение коллег и с энтузиазмом взялась за переводы, открывшие ей новые грани североевропейской (пра)родины. В ее переводах на русский язык

вышли стихотворения шведского поэта и епископа Э. Тёгнера (*Esaias Tegnér*, 1782—1846), лирика, театрального критика, искусствоведа, переводчика классической китайской и современной европейской и американской поэзии, доктора философии Упсальского университета Э. Блюмберга (*Erik Blomberg*, 1894—1965), книги лауреата Нобелевской премии по литературе П. Лагерквиста (*Pär Lagerkvist*, 1891—1974), поэзия крупнейшего поэта XX в., «трагического элегика», лауреата Нобелевской премии по литературе Т. Транстремера (*Tomas Gösta Tranströmer*, 1931) и др.

Как вспоминала Т. Бек, в процессе работы над антологией включались ее «шведские гены» [3]. Часто по мотивам шведских переводов она создавала собственные стихотворения. Ближе всех для нее стала поэзия Т. Транстремера, которую она переводила нерифмованным стихом [3]. Это был сложный стиховедческий, творческий и лингвистический эксперимент [6], [9]. Согласно воспоминаниям Т. Бек, она была потрясена поэтическими «признаниями» и «неочевидной исповедью» шведского поэта: у него «все происходит при свете смерти», «он так смотрит на мир... он смотрит на мир открытыми глазами, потому что знает, что видит все в последний раз» [10]. Поэтессу заворожили его интенсивно организованные верлибры, сильно выраженные аллитерации, внутренние рифмы [10]. Несмотря на то что Т. Транстремер олицетворяет собой образ национального шведского мировосприятия во всеобщем мировом целом, выходящем за рамки узко национального, все же исключительно шведским в его лирике Т. Бек называла «Цвет. Колер. Не только световой, но и звуковой. Все как будто сквозь серую дымку. Серую — не в смысле скучную, а того цвета, какой бывает у некоторых импрессионистов. Цвет балтийского тумана» [10].

Современники Т. Бек неоднократно отмечали ее страсть к путешествиям. Каждая поездка оборачивалась для поэтессы познанием нового, странничеством души, поэтическим откликом на происходящее с ней в иной культурной среде. Из разных далеких стран она привозила с собой стихи. Поездки давали ей мощный творческий заряд, которого хватало, по ее словам, надолго [3]. В беседах с коллегами Т. Бек неоднократно говорила о своей мечте: «Всю жизнь мечтала побывать в Скандинавии. Гены» [4]. Мечта осуществилась. Поэтесса попала в Швецию почти через двадцать лет после своих первых переводческих опытов в 1998 г. Однако при этом знаменательно выбранное ею место уединения — остров Готланд. «Нежданно-негаданно, — вспоминала она, — в середине минувшей осени выпала удача целый месяц погостить в Швеции, в маленьком городке Висбю на острове Готланд» [4]. Между тем скандинавское путешествие подарило Т. Бек не только удивительные мгновения созерцания островных пейзажей. Во время пребывания в северной стране в жизни поэтессы произошло еще одно символическое событие. На Готланде она познакомилась с Т. Транстремером в день его рождения. Об этой незабываемой встрече поэтесса будет вспоминать в дальнейшем не раз.

Путевые впечатления о скандинавском острове нашли свое отражение в одной из самых ярких и глубоких книг Т. Бек — «Шведской тетради» (1998).

Каким же увидела поэтесса Готланд? Говоря об особенностях авторского восприятия балтийского ландшафта, мы сталкиваемся с парадоксальным антропологическим и творческим фактом. Повседневная и творческая рефлексия Т. Бек противоречат друг другу. В устных рассказах Готланд ассоциировался у поэтессы с пространством свободы, музы, гостеприимства, гармонии и благодати. «Остров необыкновенной красоты, — делилась она в беседах с друзьями. — Готландцы даже считают его “отдельной страной” в Швеции. Эта поездка стала для меня важнейшим событием. Во-первых, почувствовала там необычайный прилив энергии — словно в меня снова вдохнули жизнь. Стали записываться стихи. Во-вторых, на третьей неделе пребывания у меня актуализировался шведский язык, дремавший в голове почти тридцать лет. И вдруг — о, чудо! — я начала с дикими, наверное, ошибками, акцентом, но активно говорить на шведском, понимать разговоры окружающих» [4]. Более того, находясь «там», поэтесса разглядела в Готланде и свою возможную родину, где бы при определенных обстоятельствах она сумела обрести свое творческое «я»: «…если бы… случилась вторая жизнь, в Швеции я, наверное, могла бы жить. Для меня это близкая страна» [3].

Иная тональность в осмыслении островной ойкумены наблюдается в поэтической рецепции Т. Бек. В написанных в Швеции стихотворениях Готланд предстает амбивалентным местом. Это земля исторических, политических, социальных и ментальных контрастов. Именно в северном краю поэтесса остро почувствовала и осознала хаос и трагизм бытия, которые, по ее мнению, превалируют на исходе столетия во всем мироздании. На балтийском острове живописность обречена на вымирание, свобода оборачивается новой несвободой, иллюзией различных благ, гармония соседствует с дисгармонией, (пра)родина оказывается чужой и чуждой стороной, которую мысленно в глубине души трудно принять. Подобные самоощущения приходят к поэтессе далеко не сразу. Они рождаются постепенно по мере освоения ею скандинавского пространства — от радости знакомства с другой географией, бурной

экспрессии через разочарования, состояния обреченности, отчаяния до нового самоопределения.

В шведских стихотворениях Т. Бек главным нервным узлом, точкой напряжения, отражающей ее двойственную рефлексию, является ситуация взаимоотношения внутреннего и внешнего миров, контакта между психологическим миром человека и окружающей его действительностью. Чаще всего подобные соприкосновения оказываются у нее ментально, визуально и интуитивно несовместимыми.

В стихотворении «Готланд» (1998) лирическая героиня представляет собой автопортрет поэтессы, «сгусток» ее основных описанных выше личностных «характеристик», находящихся в обыденной жизни в «разбавленном» состоянии [3]. «Это все я», — говорила Т. Бек [4]. Состояние приобретенного на острове викингов душевного равновесия героини мгновенно разрушается или искажается картиной увиденного. На Готланде во всем сквозит полярность — в описаниях цветов (розы в «слезах», алые хрупкие розы посреди острова, в порту, торгующем рыбой), архитектуры (кирха в строительных «лесах»), лютеранской земли (вотчина в «мундире»), — вскрывающая безысходность некогда процветающего острова от несвободы сегодняшних реалий, ворвавшихся туда из «вне»:

Дикие розы прильнули к стене в слезах, —
Кажется, что молящие: «Смилуйся и приди», —
Алые, мелкие, гордые, острова посреди,
В порту, торгующем рыбой (кто их тут посадил?),
А кирха на реставрации: в стальных «лесах»!
Вотчина лютеранская, втиснутая в мундир,
Военная атрибутика — крейсер… аэроплан… [2]

***

И колокол в полном здравии: вот, разбудил —
Рано, в казенной келье, до петухов (петух —
Надо же, *tupp* по-здешнему): на море, и скорей! [2]

Внимание Т. Бек к предметному миру, прозаическим деталям, мелочам приватного бытия, склонность к изображению самых обыденных предметов в антагонистическом контексте, порождающем эффект абсурда и впечатление одиночества и сиротства, здесь не случайны. Повседневный антураж — от самого приземленного до высокого — наглядно подчеркивает усталость и надломленность островного мира. Его привычный ладный и мелодичный уклад жизни постепенно разрушается. Прием контраста является профессиональным языком Т. Бек [3]. В ее текстах он выполняет не столько эстетическую, сколько объяснительно-параллельную роль. С помощью контраста поэтесса заостряет внимание читателя, укрупняет таким образом «странные» готландские черты, обнаруживает и обнажает их суть.

Единственная по-настоящему радующая героиню на Готланде реалия — шведский язык. В его звучании она слышит продолжение слаженной некогда жизни, видит в нем загадочность и таинственность. Поэтесса отмечает необычную этимологию слов (гуси-лебеди — *svan*; ежик — *igelkott* от *igel* — пиявка + *kotte* — шишка), открывает для себя русско-шведские звуковые перевертыши (петух — *tupp* — можно прочитать слева направо), удивляется новизне найденных значений. Привычные для ее русского уха слова обретают в шведском звучании свежесть, альтернативные символические свойства и атрибуты:

Впрочем, и гуси-лебеди (лебедь по-шведски *svan*:
Прелесть иноречения — как ветер чужих полян) [2]

***

… (петух —
Надо же, *tupp* по-здешнему)… [2]

***

Сколько загадок в чужом языке живёт!
Знай поспевай за спиралью его излишка.
Ёжик по-шведски, представь себе, *igelkott*,
То есть *пиявка*, которая разом *шишка*.

Жизнь любопытна вся, несмотря на чин:
Храм — пивоварня — госпиталь — флаг овечий...
А музейный работник с ключом от руин
Песню споёт про Олафа (ихний вещий
Вроде Олега)... [2]

Однако в неоднозначную островную зарисовку вплетается еще один сюжет — история души героини. Готланд становится местом ее национального и культурного самоопределения. Кто «я»? Скандинавка? Русская? Странница? Она стремится зафиксировать себя, разобраться в себе. Образ героини, ее ощущения меняются параллельно развитию сюжета о балтийской жизни. В ней постепенно проступают разные черты. Проверяя себя верой во время скитальчества, она утверждается в самоидентификации и приходит к осознанию своей принадлежности к русской культуре. После многочисленных поездок по миру Т. Бек неоднократно подчеркивала: «хотя я обожаю путешествовать, мое место — и психологически, и архитектурно, и фонетически — Москва….мыслить умею только “здесь”... только в Москве я чувствую себя как рыба в воде» [4]. Будучи в Швеции, она впервые почувствовала это:

Я всегда, путешествуя, прочь рвалась, с якорей
(Господи, просквози меня, заморозь и согрей).
С насеста, который — родина, и крест, и одно из двух. [2]

***

Благодарю тебя за позднюю лепоту:
Быть пилигримшей в родственном окоёме. [2]

***

Мельница, хвоя, вереск, ветер в лицо до слёз...
Крест из лесных дощечек: «Спи под звездами, пёс».
Окаменелости моря: *раукур* — вопль немой...
И в небесах над зыбью (Господи!) путь домой. [2]

Изменчивые экзистенциальные переживания героини, преодоление ею испытаний запечатлены с помощью символов, связанных прежде всего с семантикой дерева: крест — мельница — хвоя — вереск — лесные дощечки. В поэтическом словаре Т. Бек дерево является центральным символом. С его образом она связывала надежду на выживание и преодоление препятствий. В связи с этим примечательны ее суждения, высказанные уже после поездки в Швецию: «Раньше в старой Москве, может быть, вы этого не застали, на крыше или на церковном куполе, часто без креста, росло дерево. Для меня это дерево было символом выживания. Казалось бы, уже некуда деть корни! Всё! Но оно ухитряется прорасти даже сквозь камни или кровельное железо» [4].

В воспоминаниях и поэзии Т. Бек уживаются и история Готланда, и автопортрет на фоне времени. Готланд, вдохнувший жизнь и даровавший поэтессе свободу, навсегда остался в ее памяти. Он не стал для нее (пра)родиной, «родственным окоемом», но подарил ей возможность преодолеть разорванность своего частного бытия и на фоне дисгармонии обрести внутреннюю гармонию. Узнавание с юных лет своей (пра)родины трансформировалось у Т. Бек со временем в ее неприятие. Поэтесса почувствовала «там» знакомую ей по СССР несвободу. Современная скандинавская ойкумена находится во власти хаоса, постепенно разрушающего ее дивную природу и рукотворную красоту. Островная Швеция не смогла избежать надвигающегося из «вне» разрушения. Это предупреждение. Отсюда и та противоречивость в восприятии Готланда, которая обнаружилась при непосредственном контакте Т. Бек с землей викингов.

Готланд как остров божественной любви и благодати. Поэтический опыт В. Гандельсмана

Владимир Аркадьевич Гандельсман (род. 1948) — петербургский поэт, переводчик англоязычной литературы, эссеист. Эмигрировал в США в 1990 г. В настоящее время проживает в Нью-Йорке и С.-Петербурге. Поэзия В. Гандельсмана — постакмеистическая линия русского стиха. Для его творчества

характерны приемы потока сознания и разговорной речи, передача голоса в лирическом стихотворении от одного персонажа к другому, разноударная рифма. Его стихи отличаются интенсивностью душевной энергии, «ошеломляют буквальностью чувств, голой своей метафизичностью, отсутствием слезы» [5].

На Готланде поэт побывал в 2000-х гг. Шведский остров стал для него символом божественной благодати, чуда, где Небо соединяется с Землею. Наиболее показательно в этом плане стихотворение «Запах спящего дерева в церквах. Готланд» (2013). Попав на остров, лирический герой погружается в мир божественной чистоты. Ее колыбелью являются христианские образы — церковь, Христос, роза (святость), дерево, кровь Христа на дереве. Это «затепленное» и хранимое пространство жизни, где божественным светом освящено все: дом, островитяне, морская волна, небеса, камни, поляны. Оно естественно и первозданно. Не случайно с самого начала стихотворения автор делает акцент на рождающиеся у человека во время пребывания на Готланде ощущения детства, олицетворяющего собой «суть вещей в их чистоте». В эссе «Био» В. Гандельсман писал: «…к этой сути мы возвращаемся, встречаясь с вещами в их “грязном” виде в своей взрослости» [8]. Островитяне сохранили на своей земле утраченные на материках христианские добродетели (вера, свобода, любовь к ближнему, гармония с миром). «Спящее» дерево воскрешает в герое божественную любовь. Метафорами любви являются «остров роз», «сердце в руках монаха», «шелк бабочек», «отсвет земляничных полян», «чудеса»:

Розы, выросшие на камнях, остров роз, запах спящего дерева в церквах, детский Христос, созданный не Отцом, а плотником, Его отцом. Так доверчивей, и так монах кормит коз, словно держит сердце своё в руках, сланец стрекоз, шёлк бабочек, шёлк, шёлк, знающий в лепетанье толк.	Остров, где каждый дом осиян, где сосной пахнет кровь Его рисованных ран, где жив земной на щеках прихожан отсвет земляничных полян. Там, где к ночи густеет замес волн морских и — под стать им — мускулистых небес, голос не стих твой и взгляд не исчез, — нет исчезновенья чудес. [7]

И. Бродский отмечал, что в стихотворениях В. Гандельсмана есть «любовь любви, любовь к любви — самая большая новация в русском стихе, в этом веке запечатленная» [5]. В мировидении поэта именно остров Готланд возвращает человека в это уже забытое первозданное божественное состояние.

Резюмируем сказанное. В «шведском» тексте русской литературы на рубеже XX—XXI вв. остров Готланд является ключевым символом. В восприятии русских писателей он наделен амбивалентной семантикой — жизнь / смерть, свобода / несвобода, гармония / дисгармония. У каждого из побывавших на острове поэтов и прозаиков уникальный опыт островного видения. Однако всех их объединяют общие впечатления, топика, образы, мотивы. Готланд стал олицетворением божественной любви, творческой свободы, музы, разностилья и коммуникации между человеком — Богом — природой, островом утрат и преображения. Вместе с тем Готланд не избежал влияния последствий глобализации. Хаотичность и абсурдность — основная черта современного острова. Разрушается его дивная природа, рукотворные памятники, появляются несообразные пейзажи. Свобода сменилась несвободой. Культурный ландшафт Готланда воссоздается с помощью системы как мировых (небо, остров, море, корабль, птицы, камни, дерево, воздушные стихии), так и национальных символов (кирха, камни). Наиболее характерными художественными приемами в создании балтийского пространства являются антитеза, сравнение, гипербола, метафора.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова О. Г. Современный литературный процесс на рубеже XX—XXI вв. в странах Северной Европы : Швеция : учеб. пособие / О. Г. Абрамова, И. Н. Минеева, Е. А. Сафрон ; отв. ред. И. Н. Минеева. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 53 с. (В печати.)

2. Бек Т. Узор из трещин : стихи // Знамя. 2000. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2000/4/bek.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

3. Бек Т. ...Надо работать / беседовала Е. Константинова // Вопросы литературы. 2005. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2005/4/bek12.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

4. Бек Т. ...Я живу в живых / беседовала Е. Константинова // Вопросы литературы. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2010/1/be19.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

5. Бродский И. Предисловие к сборнику стихов Владимира Гандельсмана // Континент. 1991. № 66 [Электронный ресурс]. URL: http://brodsky.ouc.ru/predislovie-k-sborniku-stikhov-vladimira-gandelsmana.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

6. Витковский Е. Строфы Века – 2. М., 1998.С. 1199.

7. Гандельсман В. Запах спящего дерева в церквах : стихи // Знамя. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://brodsky.ouc.ru/predislovie-k-sborniku-stikhov-vladimira-gandelsmana.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

8. Гандельсман В. Био // Стороны света. № 10 [Электронный ресурс]. URL: http://www.stosvet.net/10/gandelsman/, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

9. Кутик И. Шведские поэты : переводы и варианты. М., 1992.

10. Что такое «поэзия Тумаса Транстремера»? // Независимая газета. ExLibres. 2010. 10 апр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2001-10-04/7_poetry.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 17.08.2013).

REFERENCES

1. Abramova O. G., Mineeva I. N., Safron E. A. Contemporary literary process at the turn of the XX—XXI centuries in the Northern Europe. Sweden. [Sovremennyy litaraturny protsess na rubezhe XX—XXI vv. v stranakh Severnoy Evropy. Shvetsiya]. Petrozavodsk, PSU Publ., 2013. 53 p. Manuscript.

2. Beck T. The pattern of cracks. Poetry of Znamya, 2000. Vol. 4. (http://magazines.russ.ru/znamia/2000/4/bek.html). (Accessed 17.08.2013).

3. Beck T. “... I need to work”. Interview by E. Konstantinova of Voprosy literatury, 2005. Vol. 4. (http://magazines.russ.ru/voplit/2005/4/bek12.html). (Accessed 17.08.2013).

4. Beck T. “... I live in a living”. Interview by E. Konstantinova of Voprosy literatury, 2010. Vol. 1. (http://magazines.russ.ru/voplit/2010/1/be19.html). (Accessed 17.08.2013).

5. Brodsky J. Introduction to the collector of poems by Vladimir Gandelsman of Kontinent, 1991. Vol. 66. (http://brodsky.ouc.ru/predislovie-k-sborniku-stikhov-vladimira-gandelsmana.html). (Accessed 17.08.2013).

6. Vitkovsky E. Strofy Veka –2 [Verses of century]. Moscow, Polifakt, 1998. 1199 p.

7. Gandelsman V. The smell of sleeping wood in the churches. Poetry of Znamya, 2013. Vol. 2. (http://magazines.russ.ru/znamia/2013/2/g3.html). (Accessed 17.08.2013).

8. Gandelsman V. Bio of Storony sveta, Vol. 10. (http://www.stosvet.net/10/gandelsman/). (Accessed 17.08.2013).

9. Kutik I. The Swedish poets: Translations and versions. [Shvedskie poety: Perevody i varianty]. Moscow, MP Fortuna-Limited, 1992. 158 p.

10. What is the poetry by Tumas Tranströmer? of Nezavisimaya gazeta. ExLibres, 2010.10.04. (http://www.ng.ru/ng_exlibris/2001-10-04/7_poetry.html). (Accessed 17.08.2013).

Mineeva I. The island of Gotland in russian literature of the xx century: topography, mythology, poetics // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. P. 102–109.

The island of Gotland in russian literature of the xx century: topography, mythology, poetics

MINEEVA Inna

Associate Professor,
Petrozavodsk State University
Faculty of Philology
Chair of Russian literature and journalism,
Petrozavodsk, ruslitemig@mail.ru

Keywords:
Contemporary Russian Literature
Swedish text of Russian Literature
the island of Gotland
culture of transition
T. Beck
V. Gandelsman

Summary:
The article is devoted to the formation of the "Swedish" text in Russian literature at the turn of the XX-XXI centuries. The island of Gotland takes the central position in it. As a rule, the writers who live / lived in the transnational, cross-border areas or visit/ visited Sweden as a translator / international journalist / traveler (T. Beck, V. Gandelsman, N. Ivanova, T. Kibirov, N. Tolstaya, B. Ulanovskaya, I. Fonyakov) seek Gotland themes and images. The conducted analysis has revealed that Gotland's image is reconstructed by poets and prose writers through a system of symbols. The main Gotland's characters are the sea, the sky, boat, church, island, birds, tree, rocks, air elements. However, despite the appeal of the writers to general cultural signs, the perception of the Swedish island for each one will be different. For some writers modern Gotland is the personification of creative freedom, inspiration, mystery, comfort, variance and communication. For other authors Gotland is the edge of historical, political, social and mental contrasts generated by imminent "outside" chaos. The Swedish island could not withstand to mainland disharmony, which led to the destruction of its wondrous nature, man-made beauty, the appearance of the absurd sceneries. The most common artistic techniques in the creation of Gotland cultural landscape are the antithesis, comparison, hyperbole, metaphor.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 821.161.1

Диалог культур на театральной сцене (русская классика в театрах Стокгольма и Гётеборга)

ДАНИЛОВА Ирина Леонидовна

доктор филологических наук,
лектор Института языков и литератур и Центра преподавания языков,
Гётеборгский университет,
Гётеборг (Швеция), irina.danilova@gu.se, irinakd@hotmail.com

Ключевые слова:
диалог культур
эстетическая ценность
социальная роль
гуманитарные ценности
духовное обновление

Аннотация:
В данной статье представлен диалог между шведской и русской театральной культурой. Схожесть эстетических принципов и социальной функции этих двух куль-тур является основанием для плодотворного диалога. Автор доказывает, что обе теат-ральные системы формировались параллельно и в XX в. стали едиными в отношении эстетической ценности и роли театра в обществе.
Диалог с русской культурой представлен в постановке театрами Стокгольма и Гётеборга таких произведений, как «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» Чехова, «Пре-ступление и наказание» Достоевского, «Анна Каренина» Толстого. Эти постановки демонстрируют нетрадиционную интерпретацию этих пьес, их современное прочтение. Главную роль здесь играет пафос сохранения таких гуманитарных ценностей, как Любовь, сострадание, красота. Это отражено в выборе произведений русской литературы, содержащих глубочайший анализ действительности, обнаруживающий противоречивость человеческой природы и вечную возможность социального и духовного обновления.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Вводные замечания

Вопрос о тенденциях развития современного театрального искусства и о взаимодействии театральных систем стран мира является одним из индикаторов огромной системы симультанного становления современной художественной культуры. Театр сейчас не имеет доминирующего значения по отношению к другим компонентам художественной культуры, его эстетика не влияет на другие искусства, но формируется под влиянием живописи, музыки, танца, цирка, кинематографа, телевидения, фотографии и компьютерной графики. Спектр художественных средств для создания театрального представления сегодня необыкновенно широк, и это очень влияет на вариативность театрального языка в разных странах.

Проводимые международные театральные фестивали, например «Золотая маска» и «Международный театральный фестиваль имени Чехова» в Москве, ежегодные фестивали в Стокгольме, Гётеборге и Мальмо в Швеции (подобные фестивали проводятся во всех странах Европы) показывают, что театры стремятся избежать унификации и сознательно уходят от норм театральной традиции, они ищут оригинальные сценические решения, создают новый сценический язык. В распоряжении

создателей спектаклей весь «архив» мировой драматургии от Эсхила до Умберто Эко, но почему-то самыми популярными оказываются именно классики разных национальных литератур: русской, английской, немецкой, французской, шведской и многих других. Естественно, что постановка пьес, принадлежащих определенной национальной литературе, свидетельствует о встрече и взаимодействии культур — участников постановки. При этом взаимодействие может означать как принятие, сближение театральных концепций, так и их полное взаимное отрицание. Следовательно, необходимо установить, от каких факторов зависит осуществление взаимопонимания и плодотворного диалога между театрами разных стран (в нашей статье — театрами России и Швеции).

Одним из важнейших условий становления плодотворного диалога театральных систем является подобие эстетических основ и общественных функций этих систем. Мы исходим из того, что историческое становление национальных театральных сообществ и эстетических принципов их творчества в Швеции и в России шло параллельно, во многом сходным образом. В приведенном ниже сравнительном очерке истории развития театра двух стран мы не ставим вопроса об экономических основах этого процесса, поскольку в обеих странах для плодотворного развития необходимы были и участие частного капитала, и поддержка театров со стороны правительства (государственные субсидии), т. е. экономические условия развития театра были сходными.

Исторически обусловленное сходство театральных систем России и Швеции

В России моментом становления и завершения эстетической формы национального театра был период с 1824 до 1905 г. Какие события были ключевыми в этом процессе? В 1824 г. в Москве открылся Малый театр, где работали лучшие русские актеры того времени. Среди них блистали романтик П. С. Мочалов и актер, обладавший талантом реалистического воспроизведения сценического образа, М. С. Щепкин [1; 7]. Родители обоих актеров были крепостными, но яркое дарование оказалось сильнее социальной принадлежности семьи, оба актера были приглашены в Малый театр.

Исторически сложилось так, что именно эти два выдающихся актера в 1840-е гг. изменили отношение к актерской профессии: их творчество было настоящим искусством, и личность «лицедея» стала восприниматься как художественное явление, как органическая часть театрального искусства. Анализируя игру Мочалова и Щепкина, критики сформулировали критерии художественности театрального представления и принципы, различающие романтический и реалистический типы творчества в сценической игре [1; 2].

Малый театр славился обширностью и разнообразием репертуара и стал первым в России театром, ценившим высокую литературу и воспитывающим вкусы публики. В этом заключалась его главная общественная функция.

Здесь шли уже считавшиеся классикой драматические произведения У. Шекспира, Ж.-Б. Мольера, Ж. Расина, Ф. Вольтера, Ф. Шиллера, трагедии В. А. Озерова и комедии Д. И. Фонвизина, были созданы сценические версии поэм А. С. Пушкина, первые постановки «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Женитьбы» и «Игроков» Н. В. Гоголя. Во второй половине XIX столетия Малый театр назвали «Домом Островского», здесь были поставлены все пьесы великого русского драматурга, а также пьесы И. С. Тургенева и А. В. Сухово-Кобылина.

А. Н. Островский создал при театре театральную школу и начал дело профессионального обучения актеров искусству театра. Следовательно, утвердилось представление о том, как должно играть на сцене и какой интеллектуальный багаж должен иметь профессиональный актер [1].

В 1898 году В. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский, опираясь на сложившиеся представления о театральной школе и требования к игре актеров, сформулировав высокие требования к репертуару, создали Московский художественный театр (МХТ), который стал режиссерским театром. Важно отметить, что К. С. Станиславским была создана завершенная (для того времени) концепция требований к искусству актера и театрального режиссера. Следовательно, формирование романтико-реалистической театральной системы, начавшееся в 20-е гг. XIX в., было завершено на рубеже XIX—XX вв. [5].

Особенности эстетики МХТ формировались в процессе постановок пьес Чехова на сцене этого театра. А. П. Чехов писал свои пьесы фактически по заказу Московского художественного театра в совершенно иную, кардинально отличную от современной, театральную эпоху. Тогда огромное значение придавалось детальному, подробнейшему описанию действительности — видимой и осязаемой человеком реальности, но сам Чехов оказался непревзойдённым мастером проникновения в иную, скрытую от глаз, таинственную область психологии человеческих отношений. Мастерство и талант Чехова открыли перед актерами новый способ сценического существования. Вот что писал об этом К. С.

Станиславский: «Линия интуиции и чувства подсказана мне Чеховым. Для вскрытия внутренней сущности его произведений необходимо произвести своего рода раскопки его душевных глубин… Чехов — неисчерпаем, потому что, несмотря на обыденщину, он говорит всегда не о случайном, не о частном, а о Человеческом с большой буквы… Драмы Чехова открывали его современникам путь к пониманию высокой культуры духа, говорили о Мировой душе, о том Человеке, которому нужен весь земной шар, о новой прекрасной жизни, для создания которой нужно еще 200, 300, 1000 лет трудиться в поте лица, страдать» [5; 273—274].

В трактовке Станиславского подчеркнуто важнейшее качество драматургии Чехова: писатель стремился видеть человека как развивающуюся личность, либо как личность, страдающую от невозможности воплотить свой душевный потенциал. Именно пьесы Чехова раздвинули границы «чистого реализма» и открыли Станиславскому путь к модернизму.

В 1905 г. К. С. Станиславский вместе с В. Э. Мейерхольдом создал Третью (экспериментальную) студию МХТ на Поварской, поскольку его интуиция подсказывала, что неспокойное революционное время начала XX в. требовало новых театральных форм [5]. Таким образом, в русском театре началось развитие модернизма, отрицавшего опыт предыдущего столетия. Однако в Советском Союзе система Станиславского легла в основу всей концепции театра и театральной школы, став визитной карточкой советского театра. Модернизм был соединен с социалистическим реализмом и постепенно угас [4].

Система ценностей и эстетический облик шведского профессионального театра тоже складывался во второй трети XIX в. в центре культурной жизни — столице страны Стокгольме.

В истории шведского театра знаменательным моментом стало появление Королевского драматического театра, который сейчас носит имя Драматен и считается самым знаменитым драматическим театром Швеции, слава его сравнима со славой Малого театра и МХАТа в Москве. В становлении этого театра было несколько этапов.

Сначала в 1842 г. Андерс Линдеберг, капитан армии, ставший писателем, журналистом и театральным деятелем, открыл самостоятельный драматический театр с маленькой сценой (длина которой была около 11 метров), но с трехъярусным зрительным залом на 800 мест. Театр был назван «Новым театром» и выглядел празднично, зал был оформлен со вкусом: «Впечатление было неожиданно приятным. Внешняя сторона лож отделана белым цветом с позолотой, что в сочетании с большой элегантной лампой под потолком создавало возвышенное настроение», — так описано в «Новой ежедневной газете» восприятие вновь открытого театра [10; 133—134]*. Роскошь оформления была необычна даже для богатых и высокопоставленных людей в Швеции. С самого начала в этом театре стали работать 100 человек, включая актеров, музыкантов и обслуживающий персонал. Впоследствии из-за экономических трудностей труппа была сокращена.*

В репертуаре театра были комедии и трагедии шведских драматургов, сопровождаемые музыкой оркестра. Руководитель театра А. Линдеберг стремился поддерживать национальную драматургию и поставил 12 шведских пьес в течение двух первых сезонов. Но уже в 1844 г. театр нужно было спасать от экономического краха. Управление театром стало осуществлять театральное товарищество, труппа была сокращена, и театр получил новое название, которое дословно можно перевести как «Меньший театр», но более благозвучно по-русски звучит «Малый театр». Одной из самых кассовых пьес была драматизация романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери», в 1847 г. был поставлен «Король Лир» Шекспира, а также с успехом шли французские и шведские комедии. В середине 1850-х гг. на драматической сцене обозначилась тенденция к реализму и выделилась профессия режиссера (в то же время в Королевской опере такой тенденции не было). Малым драматическим театром тогда руководил знаменитый актер Шернстрём, который много сделал для создания сценического ансамбля на сцене, ценил французскую и немецкую классику, историческую драматургию. Романтизм и реализм развивались на сцене этого театра, как и на сцене Малого театра в Москве, параллельно. В 1863 г. театр был куплен королем Швеции Карлом XV, стал называться Королевским драматическим театром и получил государственную поддержку [10; 129—136].

Из приведенных фактов следует, что формирование национального шведского театра шло приблизительно тем же путем, что и в формирование русского театра, но существенное отличие было в том, что в Швеции национальные идеалы выражала историческая драматургия, прославившая имена драматургов Августа Бланше, Юхана Бёрьессона, Эдварда Бекстрёма, Ханса Хедберга. [11; 195—199, 203].

Исторической драме отдал дань и Август Стриндберг. Специалист по истории шведского театра Улла-Бритта Лагеррот утверждает, что именно в этом жанре шло развитие от пафосного идеализма середины века к сценическому реализму 1880-х гг. и романтизму 1890-х, проявлявшееся как в пьесах,

так и в игре актеров [11; 204]. Шведский театр сохранял строгие рамки нравоучительного, просветительского театра, не приняв резкой конфликтности исторических и семейных драм Стриндберга, не приняв изображение глубоких психологических конфликтов.

В конце XIX — начале XX в., когда появились знаменитые драмы Августа Стриндберга «Отец» (1887), «Фрёкен Жюли» (1888), «Пеликан» и «Соната призраков» (1907), шведский театр, как и русский, оказывал большое влияние на публику и служил общественной трибуной, выполняя социальные функции укрепления государственного сознания, воспитания и просвещения граждан, при этом развивалось и его эстетическое воздействие, и развлекательность [11].

Стриндберг создал в шведском театре психологическое направление, хотя его понимание человека и психологии отношений людей значительно отличалось от чеховского. Например, в предисловии к пьесе «Фрёкен Жюли» драматург противопоставлял внимание к коллизиям, возникающим в интимных и семейных отношениях из-за скрытой враждебности людей друг к другу, развлекательным и нравоучительным театральным постановкам [6]. В его изображении жизнь представала концентратом порождающих друг друга конфликтов, обид, взаимных претензий близких людей в тесном семейном кругу. Вместе с тем он не стремился к изображению типичных семейных ситуаций, напротив, искал случаев уникальных, поражающих воображение.

Осенью 1907 г. Стриндберг в союзе с Августом Фальком открыл в Стокгольме свой «Интимный театр», тщательно продумав его интерьер и программу воспитания актеров. Драматург всегда мечтал о такой сцене и о таком зале, где мог бы возникнуть особый волшебный контакт между актерами и зрителями, он мечтал о театре высокой интеллектуальной культуры и полного взаимопонимания.

Для того чтобы уровень актерского мастерства соответствовал задачам театра, необходимо было иметь образованных актеров, понимающих как специфику камерного театра, так и сложность драматургического материала. В меморандуме, обращенном к актерам, Стриндберг требовал от них углубления в содержание пьесы, актер должен был уметь передавать концепцию спектакля, а не работать на публику [7].

В связи с историей создания и работы «Интимного театра» тесно связан вопрос о внутренней эволюции архитектоники пьес Стриндберга, пьес «меньшего формата», написанных специально для камерного театра после 1900 г. В 1900 г. написана «Пляска смерти», в 1901 — «Игра снов» («Игра грёз»), «Невеста под венцом», «Белая, как лебедь» и «Монастырь» (третья часть «Пути в Дамаск»). Именно в этих произведениях происходят качественные изменения архитектоники пьес, которые позже проявляются и в пьесах 1907 г., написанных специально для репертуара «Интимного театра», среди них «Соната призраков», «Ненастье», «Выжженная земля» и «Пеликан» [11].

Символика и фантастические образы, похожие на образы современных фильмов ужасов, и мистические мотивы, разрушающие гармонию реальности, становятся доминирующими чертами образного строя пьес А. Стриндберга. Главным принципом развития действия становится «дьявольская игра» в душе человека и в связях между людьми, игра, искажающая видимую, осязаемую реальность. Камерные пьесы и идеи «Интимного театра» позже оказали влияние на творчество Ингмара Бергмана — писателя, режиссера театра и кино, а через него — на шведский театр нашего времени и на эстетику кинематографа.

Именно благодаря таланту Августа Стриндберга и его концепции театра, в котором способна раскрыться страдающая душа человека, шведский театр приобрел столь же сильный психологизм и символическую образность, какие были свойственны русскому театру.

В конечном итоге сложились условия, когда театральные системы России и Швеции стали во многом близки друг другу и благодаря этой объективной близости между ними сложился плодотворный диалог.

В течение второй половины XX в. репертуарная театральная система Советского Союза была жестко планомерно организована, идеологически управлялась, в ней сохранялись и развивались, прежде всего, принципы театрального искусства, сформулированные Станиславским [4]. В послевоенное время шведские театры были свободными труппами и в большей мере ориентировались на образцы английского и французского театров, актеры охотно играли в синтетических жанрах кабаре и ревю. Но в стране шла активная борьба профсоюзов за социальные гарантии и права личности, и это оказало значительное влияние на социальную направленность театральной работы [11].

В 60-е гг. XX в. крупные театры, как в Советском Союзе, так и в Швеции, начали ставить адресные спектакли для детей и подростков, для людей среднего возраста, для пенсионеров. Этот принцип построения репертуара в Швеции сохраняется до сих пор. Театр продолжал служить просвещению, так как не было необходимости поднимать социальные проблемы и говорить со сцены о социальной

несправедливости и общественных конфликтах. В этих условиях стали популярными постановки прозы и развлекательные формы театральных представлений. Многие шведские актеры знали и изучали систему Станиславского, в определенной мере ей следовали для обогащения профессионального опыта.

Сложившийся в 60-е гг. творческий контакт, опиравшийся на типологическое сходство театральных систем, и в наши дни оказывает влияние на развитие театра в Швеции. Например, шведские театры нередко обращаются к русской классической литературе и пьесам А. П. Чехова, хотя дают им свою неожиданную трактовку.

Особенности диалога культур в постановках пьес А. П. Чехова в Швеции

Пьесы Чехова удивительно популярны в Швеции. Они вызывают неизменный интерес: «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» постоянно в репертуаре ведущих театров, а спектакли по этим пьесам волнуют публику и собирают полные залы. В чем секрет такой популярности и притягательности драматических произведений Чехова?

Возможно, интерес к драматургии Чехова в Швеции обусловлен как желанием создателей спектаклей поспорить с классиком и почувствовать дистанцию во времени, так и, напротив, устранив дистанцию, «наложить» на текст его пьес свое понимание современности. Следует отметить нетрадиционность сценического прочтения всех поставленных в Швеции пьес Чехова и постоянный поиск оригинальных режиссерских решений, нередко ошарашивающих публику.

Необходимо учесть, что в наши дни происходит девальвация драматургии. Как правило, пьеса рассматривается постановщиками не как художественное произведение, несущее цельность замысла и цельность концепции действительности, а как манус — некий текст, который можно трактовать совершенно свободно. Режиссеры не заботятся о сохранении единства художественного мира, созданного драматургом, а используют текст как черновой материал для создания своего художественного мира. Пьесы Чехова не исключение. При постановках они значительно перерабатываются: сокращаются, интерпретируются, нередко оживают в совершенно новом, неожиданном облике. Но при этом всегда остается событийное единство созданного драматургом сюжета, которое сохраняет связь со стилем Чехова.

Как же складывается диалог шведской и русской театральных культур в постановках на сценах Швеции? Правомерно ли здесь говорить о диалоге культур, может быть, в спектаклях проявляется лишь любопытство и стремление поэкспериментировать со знаменитыми пьесами русского писателя?

Ниже рассмотрены несколько постановок пьес «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» в театрах Стокгольма и Гётеборга, которые позволяют дать ответ на этот вопрос.

«Чайка»

Остановлюсь на двух постановках этой пьесы на двух разных сценах Гётеборга.

В феврале 2005 г. на Большой сцене драматического театра (Stadsteatr) «Чайку» поставила молодой режиссер Каролина Френде. Она обратила внимание на то, что Чехов определил жанр этой пьесы как комедийный: по определению самого Чехова, «Чайка» — комедия в 4 действиях. Драматург имел в виду, что пьеса воспроизводит «комедию жизни», в которой царят несоответствия, несовпадения и внешняя легкость отношений, такая «комедия» оборачивается трагедией для Нины Заречной и для Треплева. Но чтобы спектакль получился смешным, нужно было полностью изменить изображение и оценку чувств героев. Каролина Френде сделала ставку на гипертрофированно комическое изображение поведения всех персонажей. Треплев был комичен в своей неуверенности в собственных силах, Аркадина «ломала комедию» в отношениях с Тригориным, потом эстафету флирта с Тригориным переняла Нина. В первом действии много смеха, шуток, комических ситуаций. Однако второе действие — заключительный акт пьесы — не могло идти в комическом ключе, потому что герои пережили трагическую развязку. К сожалению, глубокого понимания трагизма событий в спектакле нет. Пострадавшие от собственного легкомыслия Треплев и Заречная выглядят лишь жалкими неудачниками, так и не сумевшими добиться успеха. Их характеры лишены силы, а действия лишены смысла. Поколение молодых в этом спектакле проиграло.

Заслуживает внимания то, как режиссер Каролина Френде пояснила ход мысли в спектакле [9]. Согласно комментарию журналиста Лизы Ганнертц, она увидела возможность на материале пьесы Чехова поразмыслить о феминизме: «Женские персонажи в пьесе активны, они не жертвы своих чувств, они делают сознательный выбор и они борются, чтобы достичь профессионального успеха. И это накладывает отпечаток на их жизнь». Эта идея искусственно привнесена в спектакль, она соответствует духу современных политических дебатов, но чужда пьесе Чехова.

Однако мысль режиссера своеобразно выражена в мастерски, истинно художественно

выполненной сценографии. Сценограф Ларс Эстерберг создает символ заброшенного, покинутого женщинами дома. Этот образ не оставляет никакой надежды на то, что лирика способна выжить в предлагаемых обстоятельствах «вывернутого наизнанку мира». Старое дерево проросло сквозь стены, большое окно не закрывается и хлопает ставнями. Видимо, дом выглядит страшно, потому что женщины заняты другими проблемами. «Это дом, потерявший ангелов-хранителей и богинь домашнего очага, выглядит опустевшим и запущенным», — сделал вывод критик и историк театра Томас Форшер [8]. Сценография усилила трагическую ноту в звучании спектакля и, вероятно, должна была подчеркнуть драматизм судеб Аркадиной, Заречной и Маши. Но вместо этого она подчеркивала лишь умозрительность замысла режиссера.

Спектакль, поставленный Каролиной Френде, прозвучавший как предостережение женщинам, забывающим о семейном долге, имел успех у публики, выдержал весь сезон, но на сцену больше не вернулся.

Вторая постановка «Чайки» в Гётеборге была осуществлена в Бака-театре — театре для молодежи и студентов — в октябре 2008 г. Осенью 2007 г. Бака-театр получил новое помещение и открылся с новой художественной программой, несущей печать театра политической сатиры Бертольда Брехта. В 2007—2008 гг. спектакли в этом театре игрались в огромном помещении без сцены, места для зрителей располагались над сценой, как в древнегреческом театре, но не вокруг игровой площадки, а вдоль одной из стен. На огромной игровой площадке действие пьесы перемещалось из одного условного места в другое, актеры использовали для передвижения велосипеды, самокаты, инвалидные коляски. Это придавало спектаклю необычную динамику и экспрессию. В 2007 г. с большим успехом было поставлено «Преступление и наказание» по роману Достоевского, а в 2008 г. наступила очередь «Чайки» Чехова.

При постановке «Чайки» образовался новый культурный треугольник: Швеция — Россия — Турция. Театральная общественность приветствовала возможность увидеть пьесу русского драматурга глазами режиссера из Турции Фарназ Арбаби. Этот интернациональный театральный проект был посвящен проблемам молодежи. Действие было перенесено в наше время, но происходило в некоем условно-театральном пространстве, соединяющем образы загородной дачи и городской квартиры, леса и берега озера.

Главным приемом этого спектакля была карнавализация. В трактовке каждого характера и в исполнении каждого эпизода доминировал гротескный карнавальный смех. Нина прикатила к Треплеву на велосипеде, чтобы сыграть главную роль в его авангардной пьесе. Представление, организованное Треплевым, было настолько смешным, что несерьезное отношение Аркадиной и Тригорина к этому эксперименту молодежи оказалось полностью оправданным. А в кульминационной сцене спектакля Треплев на глазах зрителей расстрелял дюжину надоедливых чаек, которые тут же упали на пол игровой площадки. Ни на минуту публика не сомневалась, что участвует в некой игре, которая закончилась самоубийством Треплева. В этой «Чайке» трагическая нота чеховского замысла прозвучала неожиданно пронзительно. Каждый персонаж оказался жертвой общей игры и своих фантазий.

«Дядя Ваня»

В октябре 2008 г. в стокгольмском театре Драматен состоялась премьера пьесы «Дядя Ваня». Режиссер Хильда Хельвиг трактовала пьесу как историю заката рода Войницких, как столкновение героев с роковым необъяснимым тупиком, который никто не может преодолеть. В пьесе Чехова режиссер обнаруживает настроения и идеи драм Ибсена и Стриндберга. Иван Войницкий и Астров, Соня, Елена Андреевна и профессор Серебряков оказываются в экзистенциальном тупике. Мотив неизбежности смерти, связанный с мотивом отсутствия любви (или мотивом неразделенной любви), пронизывает весь спектакль: Войницкий проживает встречу с ангелом смерти во сне, Елена Андреевна говорит о пустоте и бессмысленности жизни, Соня произносит слова «неси свой крест и веруй» и поджигает дом, приближая конец опостылевшей жизни. Завершающая сцена абсолютно противоречит тексту пьесы Чехова, «взрывает» концепцию оптимизма, которую писатель-врач предписывает своим несчастливым героям. Если Чехов провозглашает в финале пьесы, что добрая воля Астрова, Сони, Войницкого может противостоять несчастливым обстоятельствам, то спектакль эту возможность полностью отрицает.

Пьеса «Дядя Ваня» хорошо известна в Драматене. Поэтому режиссер, создавая новое понимание, стремится разрушить иллюзию «известного хода действия» и «известного конца» пьесы. Она акцентирует трагедию одиночества, проживаемую каждым из героев, и утверждает ее как единственно возможный путь. Такое понимание позволило актерам трактовать характеры как трагические, в которых

светлое и темное начала резко противопоставлены и непримиримы. Концепция Хильды Хельвиг позволила создать яркий, по-новому звучащий спектакль.

Содержание пьесы Чехова переосмысливается в рамках экзистенциальной традиции, поэтому чеховский психологизм остается в спектакле невыраженным.

«Три сестры»

Спектакль «Три сестры» был поставлен осенью 2008 г. в стокгольмском драматическом театре (Stadsteater). Одной из предпосылок этой постановки стало желание режиссера показать спектакль на Международном театральном фестивале имени Чехова в Москве.

Но все же образ спектакля во многом был определен задачами театрального эксперимента, задуманного молодым режиссером Александром Мёрк-Эидемом. Он перенес действие пьесы в провинциальный шведский городок 1960-х гг., чтобы устранить дистанцию между временем создания пьесы и современными шведскими зрителями, чтобы воссоздать атмосферу взаимопонимания между актерами и зрителями, приблизить психологическое содержание пьесы к зрителю, сделать переживание событий максимально осязаемым. Героинь пьесы он назвал шведскими именами Улла (Ольга), Майя (Маша) и Ирене (Ирина). Как и героини пьесы Чехова, сестры мечтают уехать, в данном случае из провинции Норрланд в Стокгольм. Их чувства, мечты и неустроенность жизни составляют основное содержание спектакля. Александр Мёрк-Эидем стремился понять, насколько могут быть похожи люди, жившие тогда в России, и живущие сейчас в Швеции. Насколько глубоким может быть наше взаимопонимание? Оказалось, что понять Чехова не трудно, что моментов психологического совпадения больше, чем различий.

И пожалуй, именно спектакль «Три сестры» свидетельствует о том, что появилась новая форма театрального диалога, предполагающая не умозрительное, а реальное понимание собеседника, возможность увидеть действительность его глазами.

Итак, приведенный нами обзор спектаклей свидетельствует о том, что обращение шведских театров к пьесам А. П. Чехова не случайно. Во всех постановках *первоначальные экспериментальные замыслы режиссеров* воплощаются через игру актеров, через сценическое действие и звучащий текст. Во всех пьесах Чехова актеры находят богатый материал для переживания каждого события, для размышлений о судьбах своих героев, об их мечтах и противоречивых поступках. Эти мотивы и заставляют задуматься о русском характере, о восприятии России, а также о глубоком психологическом сходстве жителей России и Швеции. Текст пьес Чехова оказывается очень ясным, понятным и близким для шведских исполнителей.

Диалог культур, проявляющийся в постановках пьес А. П. Чехова, опирается на общечеловеческое психологическое содержание драматических конфликтов, при этом характеры героев и их поведение оказываются близки актерам, работающим в Швеции, но принадлежащим разным культурным традициям (поколение молодых актеров в возрасте до 40 лет имеет интернациональный состав и включает не только шведов, но и артистов, приехавших из Ирана, Турции, Югославии, Сомали и других стран мира). Произвольность режиссерских трактовок не мешает актерам глубоко трактовать образы. Кроме того, тексты чеховских пьес стимулируют воображение и оказываются источником актерских открытий. Поэтому актеры любят играть пьесы Чехова и неизменно находят в его произведениях источник профессионального роста.

Обращение к драматургии Чехова послужило обогащению шведского театра и стало школой актерского мастерства, углубило понимание единых для всего мира человеческих ценностей. Театры Швеции акцентируют два смысловых полюса в пьесах Чехова: комизм безумного мира и экзистенциальную трагедию, переживаемую героями.

Диалог культур в постановках произведений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого в шведских театрах

Русская классическая литература в памяти шведских театральных деятелей и зрителей неразрывно связана с романами «Преступление и наказание», «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Война и мир», «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. Уникальность литературных сюжетов, воплощенных русскими писателями, яркость образов героев, сложность их судеб и переплетение неразрешимых конфликтов определяют трудности для понимания этих произведений и вместе с тем их притягательность для театров и публики. При сценической переработке крупных прозаических произведений неизбежно

происходит их сокращение и упрощение, сужение сюжетных рамок, но при этом литературные образы обретают конкретность сценического воплощения и единственно возможную в данном сценическом контексте трактовку. Одновременно тем же образам сообщается символическое значение, если режиссер создает спектакль-притчу или символическую драму.

Театральные постановки романов Достоевского и Толстого происходят крайне редко и оставляют о себе долгую память, так как воспринимаются как необычное театральное событие. Такими примечательными событиями стали постановки романов «Преступление и наказание» в Гётеборгском театре для молодежи (2007) и «Анна Каренина» в городском театре старинного университетского города Упсала недалеко от Стокгольма (2010).

Роман Достоевского «Преступление и наказание» был выбран руководителем гётеборгского молодежного театра (Бака-театра) Маттиасом Андерссоном для создания масштабного спектакля в новом помещении, где коллектив театра утвердил новую концепцию отношений со зрителем. Этот спектакль действительно стал сенсацией, и целый год на него невозможно было купить билеты. Действие разворачивалось в огромном помещении бывшей фабрики, превращенной в театр с игровой площадкой около 300 метров длиной и 150 метров шириной. На этом пространстве была выстроена часть города и дом, в котором жил Родион Раскольников, там помещались настоящие автомобили и автобусы, кафе и место для дискотеки. По замыслу сценографа-архитектора Уллы Кассиус и постановщика Маттиаса Андерссона в театре должна быть смоделирована и убедительно воспроизведена среда жизни современных молодых людей.

Роман был сокращен и поставлен как трагедия подростка, потерявшего ориентацию в хаосе большого города. Все основные сюжетные линии были сохранены и воспроизведены как легко узнаваемые фрагменты отношений в современном мире. Были акцентированы многие социальные проблемы: студенчество без будущего в обществе, где царит безработица, наркомания и проституция, педофилия и равнодушие окружающих к судьбам молодых людей. Каждый эпизод, каждая реплика, взятые из романа, соотносились с современностью в глобальном масштабе. Было совершенно ясно, что речь идет о проблемах всего мира, погрязшего в разврате, и в то же время о конкретных индивидуальных судьбах персонажей романа.

Перед зрителями были развернуты эпизоды безвыходной страшной жизни, частью которой они реально являлись. Отношения исполнителей со зрителями при этом оказываются совершенно иными, чем в развлекательных представлениях, когда актеры выходят в зал и действие спектакля переносится на публику. В Бака-театре зрители, наблюдая за действием спектакля, осознавали, что нужно действовать, чтобы предотвратить гибель юношества и тотальную нравственную катастрофу. Спектакль действовал на сознание, на совесть и выполнил свою этическую миссию. Интересно то, что этическое содержание романа было полностью актуализировано в постановке.

Большую роль в подготовительной работе театра перед премьерой играли встречи со школьниками и студентами, на которых обсуждали вопросы, поднятые в романе, выясняли, что действительно волнует современную молодежь и как она относится к проблеме преступления и наказания. Потом проходили репетиции, на которые приглашали тех же школьников и выстраивали ритм спектакля. И в конечном итоге огромную роль в успехе спектакля сыграло необычное помещение, поражающее своими размерами и способностью усиливать эффект подлинности воспроизводимого театром действа [17].

Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» воспринимается шведскими читателями как роман о любви, предательстве и трагедии покинутой женщины. Социальный контекст и нравственный пафос, подразумеваемые писателем, сейчас не привлекают внимания. А вот лирическая фабула очень привлекательна, но при этом при постановке романа на сцене легко впасть в тривиальность и потерять тот нравственный масштаб, который придал своему произведению Л. Н. Толстой.

В театре города Упсала спектакль по роману Толстого поставил Линус Тунстрём в союзе с художником Маей Равн, в постановке участвовали всего семь актеров. То, что режиссер сам переработал для театра текст «Анны Карениной», говорит и о знании литературного материала, и о любви к нему. Возможно, Тунстрёма вдохновила сама идея театрализации знаменитого эпического произведения и введение в него реалий XXI в., а также возможность понять, отличаются ли современные, привычные нам способы выражения сильных чувств от того, как их принято было выражать в конце XIX века.

В сценографическом решении спектакля зрительно противопоставлены природа и цивилизация: луг и березовая роща — железнодорожная станция и бассейн с трамплином. Природа человека связана с чувственной стихией любви и ненависти, цивилизация — сдерживающий чувства разум и принятое как

норма жизни равнодушие. В этих зрительно обозначенных рамках и разворачивается действие спектакля.

Режиссер сопоставляет отношения трех пар: Долли и ее неверного мужа Стивы, Анны и Вронского, Китти и Левина. При этом отношения двух пар, как показано и в романе, дисгармоничны, только третья пара находит истинную, светлую и чистую любовь. Несомненным достоинством спектакля является искренность игры актеров, позволяющих зрителям эмоционально следовать за развитием интриги и чувств героев.

Как бы споря с утвердившимся в современной Швеции мнением, что мужчина и женщина абсолютно равны с точки зрения социума и природы, создатели спектакля противопоставляют женское и мужское начала в одежде, в манерах, в способах ведения беседы и выражении чувств, оставляют за скобками всю историю феминизма и борьбу за равенство женщин и мужчин. В любви мужчина и женщина абсолютно не похожи и равенства между ними быть не может, иначе исчезнет сама любовь.

Страсть Анны и Вронского (в исполнении Бахар Парс и Петера Витанена) загадочна, дисгармонична и трагична. Поэтому она заранее обречена, и возможность гибели героини задана уже в начале спектакля. Режиссеру не удается найти момента катарсиса и вывести смысл действия на уровень высокого художественного обобщения. Однако спектакль напоминает зрителям, что люди (мужчина и женщина) способны испытывать высокие и загадочные чувства, что в любви скрыта мистическая тайна, забытая нашей технократической цивилизацией.

Спектакль был задуман как романтическое оправдание Любви, и эта мысль была главной при прочтении романа Л. Н. Толстого.

Так же как и пьесы А. П. Чехова, произведения Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, воплощенные на сцене, способствуют развитию шведского театра, дают яркий литературный материал для привлечения внимания публики к важнейшим проблемам современности.

Обобщая, необходимо подчеркнуть, что в диалоге российской и шведской театральных культур главную роль играет пафос сохранения общечеловеческих ценностей Любви, Сострадания, Красоты. Об этом говорит выбор произведений русской литературы, содержащих глубокий анализ реальности, раскрывающих противоречивость человеческой природы, но утверждающих возможность социального и духовного обновления.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алперс Б. В. Театр Мочалова и Щепкина. М., 1979. 329 с.

2. Белинский В. Г. Гамлет, драма Шекспира: Мочалов в роли Гамлета // Белин-ский В. Г. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1948. Т. 1 : Статьи и рецензии. С. 277—301.

3. Данилова И. Л. За пределами «новой волны»: стилевое развитие русской драматур-гии 1970—1990-х годов. Гётеборг, 2001. С. 59—140.

4. История советского драматического театра : в 6 т. Т. 1—3. М., 1966. 231 с.

5. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1956. 405 с.

6. August Strindberg. Fröken Julie. Ett naturligt sorgspel. Med ett förord av författaren. Stockholm, Natur och Kultur, 1986. 151 s.

7. Bertil Nolin. Intima Teatern. Stockholm, 2000. S. 9—14.

8. Forser Tomas. Men bor Tjechov här? // GT. Expressen. 2005. S. 6.

9. Lisa Gahnertz. Stadsteatern ger plats åt kvinnorna i Tjechovs Måsen // Göteborgs Posten. 2005-02-25. S. 7—20.

10. Ny svensk teaterhistoria / Red. T. Forser. B. 2: 1800-talets teater. Stockholm-Göteborg: Gidlunds förlag, 2007. 406 s.

11. Ny svensk teaterhistoria / Red. T. Forser. B. 3: 1900-talets teater. Stockholm-Göteborg: Gidlunds förlag, 2007. 597 s.

12. Rehnström Asa. Engagerade unga i samtal om brott och straff // Goteborgs Tidningen, 13/11. 2007. Kultur. S. 17—24.

REFERENCES

1. Alpers B. V. Theatre of Mochalov and Schepkin. [Teatr Mochalova i Shhepkina]. M., 1979. 329 s.

2. Belinskij V. G. Hamlet, Shakespeare's drama: Mochalov as Hamlet. [Gamlet, drama Shekspira. Mochalov v roli Gamleta] // Belinskij V. G. Sobranie sochinenij v trjoh tomah. M.: GIHL, 1948. T. 1: Stat'i i recenzii. S. 277—301.

3. Danilova I. L. Outside of the "new wave". Stylistic development of Russian drama in 1970-1990s. [Za predelami “novoj volny”. Stilevoe razvitie russkoj drama-turgii 1970—1990-h godov]. Gjoteborg: Gjoteborgskij universitet, 2001. P. 59—140.

4. History of the Soviet drama theater: in 6 volumes. V. 1—3. [Istoriya sovetskogo dra-maticheskogo teatra v 6-ti t. T. 1—3]. M.: Nauka, 1966. 231 p.

5. Stanislavskiy K. S. My Life in Art. [Moya zhizn' v iskusstve]. M.: Iskusstvo, 1956. 405 p.

6. August Strindberg. Miss Julie. A natural tragedy. With a preface by the author. Stock-holm, Nature and Culture, 1986. 151 s

7. Bertil Nolin. Intimate Theatre. Stockholm, 2000. S. 9—14.

8. Forser Tomas. But Chekhov live here? // GT. Expressen. , 2005. S. 6.

9. Gahnertz. City Theatre to make room for the women in Chekhov's The Seagull / / Göte-borgs Posten. -2005-02-25. P. 7—20.

10. New Swedish theater history / Red. T. Forser. B. 2: 1800s theater. Stockholm-Gothenburg: Gidlunds publishers, 2007. 406 p.

11. New Swedish theater history / Red. T. Forser. B. 3: 1900s theater. Stockholm-Gothenburg: Gidlunds publishers, 2007. 597 p.

12. Rehnström A. Committed youth in conversations about crime and punishment / / Gote-borg magazine 13/11. In 2007. Culture. S. 17—24.

Danilova I. The dialogue of cultures on theatre stage (russian classics in Stockholm and Gothenburg theaters) // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. P. 110–120.

The dialogue of cultures on theatre stage (russian classics in Stockholm and Gothenburg theaters)

DANILOVA Irina

Doctor of Philology,
Researcher,
the Institute of Languages and Literatures
University of Göteborg (Sweden),
Göteborg (Sweden), irina.danilova@gu.se,
irinakd@hotmail.com

Keywords:
cultural dialog
aesthetical value
social role
human values
spiritual renewal

Summary:
In the following paper we consider the dialogue between Swedish and Russian theatri-cal cultures. Similarities in aesthetic principles and societal functions of these cultures are a basis for a fruitful dialogue. Author proves that both theatrical systems formed in parallel and during the 20th century became similar in both aesthetical values and the role of theater in society.
The dialogue with Russian culture is presented through staging of Chekhov's «The Seagull», «Uncle Vanya» and «Three Sisters», Dostojevski's «Crime and Punishment» and Tolstoy's «Anna Karenina» in the theatres of Stockholm and Gothenburg. These performances demonstrate non-traditional interpretations of these plays, expressing issues of the present.
The pathos of preservation of human values, Love, Compassion and Beauty plays a major role. That can be seen from the selection of Russian literature containing in-depth anal-ysis of reality, revealing the contradictions of human nature, yet confirming the possibility of both social and spiritual renewal.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 82

Социально-политический фокус рецепции творчества В. Маяковского в Швеции (1970-Е ГГ.)

АБРАМОВА Оксана Геннадьевна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры скандинавской филологии,
Петрозаводский государственный университет,
филологический факультет,
Петрозаводск, oksana.abramova@yahoo.com

Ключевые слова:
рецепция
Маяковский
Швеция
социально-политический фокус
«Во весь голос»

Аннотация:
Статья посвящена социально-политическому аспекту рецепции творчества В. Маяковского в Швеции в 1970-е гг. Академические исследования в области русского авангарда, и творчества Маяковского в частности, а также появление новых переводов подготовили благоприятную почву для знакомства более широкого круга шведских читателей с произведениями советского поэта. Неоавангардистские настроения в культурной жизни шведского общества и популярные в политической сфере идеи революционного социализма сфокусировали процесс рецепции творчества Маяковского на социально-политическом аспекте. Ярким примером этому послужил альбом «левых» рок-музыкантов «Nynningen», созданный на основе первого вступления в поэму Маяковского «Во весь голос» (1930).

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

1970-е гг. стали благоприятным периодом в истории литературно-критического осмысления феномена Маяковского в Швеции. Были опубликованы важные исследовательские работы и материалы, посвященные поэту; список переведенных на шведский язык произведений Маяковского значительно пополнился. Интерес к русскому поэту-футуристу был подкреплен неоавангардистскими настроениями, царившими в то время в шведской культурной жизни, а также популярными в политической сфере идеями революционного социализма, символом которого был и Маяковский. Социально-политический фокус стал одним из определяющих в сложном процессе инокультурной рецепции.

Предпосылкой к более детальному освоению русского авангарда в Швеции в 1970-е гг. послужила волна академических исследований в области русской литературы, набравшая высоту десятилетием ранее. В 1960-е гг. шведская славистика переживает небывалый расцвет. Вовлекая в сферу своих интересов темы, не попадающие в рамки научных проектов в Советском Союзе (Блок и символисты, Маяковский и футуристы, творчество Пастернака, Мандельштама и др.), шведские слависты заняли особую исследовательскую нишу[1].

Большой вклад в изучение русского авангарда внес ярчайший шведский славист Нильс Оке Нильссон. Его статьи «*Futurism, Primitivism and the Russian Avant-Garde*» [10] и «*The Sound Poem: Russian Zaum' and German Dada*» [11] хорошо известны в кругах специалистов. Вместе с Бентом Янгфельдтом Нильс Оке Нильссон был редактором книги «*Vladimir Majakovskij: memoirs and essays*» (1975).

В свою очередь, Бенгт Янгфельдт, впервые опубликовавший воспоминания Лили Брик в 1974 г. в

Стокгольме, переписку Маяковского и Лили в 1980-х гг., защитивший диссертацию о Маяковском и футуризме, стал одним из крупнейших западных исследователей биографии и творчества русского поэта революции. Последняя работа Янгфельдта — написанная в «популярном» ключе 600-страничная биография поэта «Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг», изданная в Швеции в 2007 г. и в России в 2009 г., стала заметным событием в мировом маяков(сков)едении.

Возвращаясь к успехам шведской славистики 1970-х гг., следует отметить публикацию серьезных теоретических трудов о поэтическом тексте, форме и структуре, знаках и значениях: антологии «Форма и структура» («*Form och struktur*»,1971); «Поэтика и лингвистика» («*Poetik och lingvistik*», 1974); «Поэтический текст» («*Den poetiska texten*», 1975); «Знак и значение. К семиотике искусств» («*Tecken och tydning. Till konsternas semiotik*», 1976). Как писал Бенгт Янгфельдт, «это был значительный толчок вперед для теоретически бедной и жаждущей шведской славистики»[2] [6; 122]. Изучение русского авангарда продолжалось. В 1976 г. были опубликованы работы Гуннара Хардинга и Бенгта Янгфельдта о русском футуризме [4], [5]. В 1977 г. вышло в свет исследование Ларса Клеберга, посвященное эстетике советского авангарда 1917—1927 гг. [8]. Нильс Оке Нильссон продолжает изучение русской зауми и в частности творчества Крученых, Барбара Лённквист публикует свои научные разработки о творчестве Хлебникова [9].

К 1970-м гг. в шведской славистике накапливается серьезный опыт изучения русской литературы. Важную роль играют новые переводы. В третьем номере журнала «Обзор русской культуры» («*Rysk kulturrevy*»)[3] за 1978 г. об этом написано так: «Никогда за все послевоенное время не издавалось русской и советской литературы столько, сколько издается сейчас. И классические произведения, и современные писатели тесными рядами появляются на шведском языке. Причин этому несколько. Естественно, определенную роль играет новая государственная поддержка литературы. Но шведские издательства также начинают осознавать, что русская литература долгое время была у нас скромно представлена — особенно в сравнении с западноевропейской и американской литературой. Им хочется создать баланс в издательском деле, они также увидели возможности продвинуть на рынок малоизвестную область» [12; 12].

В период с 1969 по 1978 г. в переводе на шведский язык выходят произведения 76 русских авторов[4]. Среди них и новые переводы из Пушкина, Гоголя, Достоевского, и современная русская проза. В 1975 г., например, выходят переводы повестей братьев Стругацких «Сказка о тройке» и «Трудно быть богом». В 1978 г. в числе первых переводов на иностранные языки выходит их повесть «Пикник на обочине» на шведском языке. Список переведенных на шведский язык произведений Маяковского пополнился в 1970-е гг. 22 наименованиями, что равняется всему объему переводов, выполненных ранее (начиная с 1924 г.)[5]. Таким образом, исследователи и переводчики способствовали знакомству широкого круга шведских читателей с творчеством Маяковского. Особенности рецепции определил культурный контекст.

Первая половина 1970-х гг. ознаменовалась в Швеции популярностью неоавангардистских настроений и идей революционного социализма. 22 сентября 1972 г. правительство Швеции даже принимает постановление «о регистрации тайной полицией “иностранных экстремистов” и шведских граждан, готовящихся совершить революцию» [2; 291]. Общественная обстановка была накаленной, и ей вполне соответствовало обращение к революционной символике, в том числе и поэтического толка. Поэзия Маяковского, никогда не признававшая ни пространственных, ни временных границ, становится символом вечных общечеловеческих ценностей любви, свободы, творчества, справедливости. Маяковский как революционный поэт в этом более широком смысле, а не только как поэт «большевизма» и пролетарской русской революции октября 1917 г., важен шведскому читателю. Революция как таковая, в особенности российский ее вариант, не могла не пугать шведа. К тому же «кровавая гражданская война в Финляндии зимой — весной 1918 г. научила и бедные массы, и состоятельные слои в Швеции ценить мир в собственной стране» [7; 42—43]. Революционность Маяковского как сопряжение идей искусства, преобразования мира и гуманизма, как общественно значимый результат воздействия истинной поэзии на жизнь осознается в шведском обществе как нечто близкое и родственное и одновременно универсально значимое. Для шведа в принципе идеалы социальной солидарности и равенства всегда имели огромное значение [3]. В этих условиях поэзия Маяковского с ее «индивидуально-революционным» звучанием становится очень популярной.

В 1973 г., словно эхо крупнейшей стачки портовиков в Гётеборге, прошумевшей на всю страну, прозвучал альбом «левых» рок-музыкантов «*Nynningen*» под названием «*För full hals*» («Во весь голос»). Бертиль Голдберг, участник группы, создал авторскую версию произведения Маяковского, используя переводы У. Бергстрема и Г. Хардинга (1970), придав им в шведском звучании и оригинальном

музыкальном сопровождении еще большую этико-социальную остроту.

Центральная композиция имеет то же название, что и весь альбом, рефреном в ней также служит строчка «Во весь голос», что выводит ее в ряд концептуальных единиц. Из первого вступления в поэму «Во весь голос» Голдберг выбирает и свободно компонует отдельные части и строки, изменяя порядок их появления в тексте оригинала, таким образом выстраивая новую логику сокращенной версии произведения. На первый план выходит тема беспощадной борьбы с врагами рабочего класса. Голдберг продолжает ее и там, где лирический герой Маяковского, поэт-пролетарий, декларирует свое бескорыстное служение и верность идеалам революции:

Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо [1; 284—285].

Голдберг изменяет начало, чтобы логически связать эту строфу с предыдущей (в оригинале строки 149—157 «Рабочего громады класса враг…» [1; 283]): по его версии враги пролетариата используют деньги и свою популярность, чтобы обманывать людей, распространяя в обществе ложную информацию. Злободневное современное звучание, актуализирующее шведские «здесь» и «сейчас», этим строкам придает молодежный сленг, который активно использует Голдберг (в цитате и подстрочном переводе выделено курсивом):

Dom belönas med *stålar* och popularitet,
för att föra ut sin förljugenhet,
men jag är ärligt talat inte ute efter *klöver*,
en nytvättad skjorta är allt vad jag behöver.

Они награждаются *баблом* и популярностью,
чтобы распространять свою ложь,
но я, честно говоря, не ищу *лаве*,
свежевыстиранная рубашка — всё, что мне нужно.

В 1970-е гг. альбом «Во весь голос» был очень популярен в Швеции, особенно в молодежной среде активных социалистов и любителей альтернативной музыки; считается также, что это самый удачный альбом группы «*Nynningen*». Томас Форсселль, участник музыкального коллектива, о значимости поэзии Маяковского в то время писал следующее: «Тексты русского поэта Владимира Маяковского становились все более важными в будничной жизни. Форма выражения, мощные метафоры и революционный пыл поэта оставляли свой отпечаток и, более того, вписывались в тот Гётеборг, который появился в первые годы семидесятых» [13].

Гётеборг, так называемый *arbetarstaden* (город рабочих), стал тем географическим местом, где социально-политический аспект культурного осмысления поэзии Маяковского проявился наиболее ярко, где такие понятия как «уместность», «своевременность», «актуальность», «точность», «близость» сопутствовали образу русского поэта.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см.: Nilsson N. Å. Litteraturvetenskaplig forskning vid institutionen för slavska och baltiska språk, Stockholm // Tidskrift för litteraturvetenskap. 1983. № 4. S 301—303.

[2] Здесь и далее перевод со шведского языка наш. — О. А.

[3] Журнал выходил в Швеции с 1969 г. по 1987 г., регулярность — 4 номера в год. Его редакторами в разное время были известные шведские слависты Ларс Эрик Блумквист, Магнус Юнггрен и Бенгт Янгфельдт.

[4] По данным библиографического списка Мерты Бергстранд. См.: Bergstrand M. Rysk och sovjetisk skönlitteratur i svensk översättning 1969—1978 // Rysk kulturrevy. 1978. № 4. S. 31—35.

[5] Список переведенных на шведский язык произведений Маяковского пополнялся неравномерно. В период с 1924 г. по 1958 г., когда вышел первый авторский сборник Маяковского в Швеции, было переведено 12 произведений. С 1958 г. по 1969 г. список пополнился 10 наименованиями. Далее пополнение списка происходит с арифметической прогрессией: в 1970-е гг. появляется 22 новых наименования, в 1980-е — 33.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 10. М., 1958. 460 с.

2. Мелин Я. История Швеции / Ян Мелин, Альф В. Юханссон, Сюзанна Хеденборг ; пер. со швед. и примеч. Н. С. Плевако. М., 2002. 400 с.

3. Berggren H., Trägårdh L. Är svensken människa? :gemenskap och oberoende i det moderna Sverige. Stockholm : Norstedt, 2006. 455, [1] s.

4. Harding G., Jangfeldt B. Den vrålande parnassen : den ryska futurismen i poesi, bild och dokument. Stockholm : Bonnier, 1976. 230, [1] s.

5. Jangfeldt B. Majakovskij and futurism 1917—1921. Stockholm : Almqvist & Wiksell international, 1976. 133, [4] s.

6. Jangfeldt B. Majakovskijs "A vy mogli by?" : försök till analys // Slavisk filologi / under redaktion av Carl Fredrik Gildea. Göteborg : Institutionen för slaviska språk, Univ., 1999. S. 122—133.

7. Kan A. Hemmabolsjevikerna : den svenska socialdemokratin, ryska bolsjeviker och mensjeviker under världskriget och revolutionsåren 1914—1920. Stockholm : Carlsson, 2005. 552 s.

8. Kleberg L. Teatern som handling : sovjetisk avantgardeestetik 1917—1927. Stockholm : Akademilitt., 1977. 191 s.

9. Lönnqvist B. Xlebnikov and Carnival: An Analysis of the Poem Poet. Stockholm : Almquist & Wiksell international, 1979. 166 s.

10. Nilsson N. Å. Futurism, Primitivism and the Russian Avant-Garde // Russian Literature. 1980. 8—5. P. 469—482.

11. Nilsson N. Å. The Sound Poem: Russian Zaum’ and German Dada // Russian Literature. 1981. X—IV. P. 307—318.

12. Rysk litteratur på svenska // Rysk kulturrevy. 1978. № 3.

13. 1972 Majakovskijprogrammet. (http://www.tomasforssell.se/html/nynningen.html). (Дата обращения : 20.11.2013).

REFERENCES

1. Mayakovsky V. V. Collected works in 13 volumes. [Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 tomakh]. V. 10. Moscow, 1958. 460 p.

2. Melin J. A history of Sweden. [Istoriya Shvetsii]. Moscow, Ves’ mir, 2002. 400 p.

3. Berggren H., Tragardh L. Ar svensken manniska? :gemenskap och oberoende i det moderna Sverige. Stockholm : Norstedt, 2006. 455, [1] s.

4. Harding G., Jangfeldt B. Den vralande parnassen : den ryska futurismen i poesi, bild och dokument. Stockholm : Bonnier, 1976. 230, [1] s.

5. Jangfeldt B. Majakovskij and futurism 1917—1921. Stockholm : Almqvist & Wiksell international, 1976. 133, [4] s.

6. Jangfeldt B. Majakovskijs "A vy mogli by?" : forsok till analys // Slavisk filologi / under redaktion av Carl Fredrik Gildea. Goteborg : Institutionen för slaviska sprak, Univ., 1999. S. 122—133.

7. Kan A. Hemmabolsjevikerna : den svenska socialdemokratin, ryska bolsjeviker och mensjeviker under varldskriget och revolutionsaren 1914-1920. Stockholm : Carlsson, 2005. 552 s.

8. Kleberg L. Teatern som handling : sovjetisk avantgardeestetik 1917—1927. Stockholm : Akademilitt., 1977. 191 s.

9. Lonnqvist B. Xlebnikov and Carnival: An Analysis of the Poem Poet. Stockholm : Almquist & Wiksell international, 1979. 166 s.

10. Nilsson N. A. Futurism, Primitivism and the Russian Avant-Garde // Russian Literature. 1980. 8—5. P. 469—482.

11. Nilsson N. A. The Sound Poem: Russian Zaum' and German Dada // Russian Literature. 1981. X—IV. P. 307—318.

12. Rysk litteratur pa svenska // Rysk kulturrevy. 1978. № 3.

13. 1972 Majakovskijprogrammet. (http://www.tomasforssell.se/html/nynningen.html). Accessed 20.11.2013.

Abramova O. Sociopolitical focus on perception of V. Mayakovsky’s oeuvre in Sweden (1970S) // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. P. 121–126.

Sociopolitical focus on perception of V. Mayakovsky’s oeuvre in Sweden (1970S)

ABRAMOVA Oksana

PhD in Philology,
Senior lecturer,
Petrozavodsk State University
Faculty of Philology
Chair of Scandinavian Philology,
Petrozavodsk, oksana.abramova@yahoo.com

Keywords:
perception
Mayakovsky
Sweden
sociopolitical focus
”At the Top of My voice”

Summary:
The article is devoted to sociopolitical aspect of perception of V. Mayakovsky’s oeuvre in Sweden in 1970s. Academic research in the field of Russian avant-garde generally, and Mayakovsky’s oeuvre particularly, as well as publication of new translations prepared fertile ground for acquaintance of a wide range of readers with the soviet poet’s works. Neo-avantgardist sentiments in cultural life of the Swedish society and ideas of revolutionary socialism focused perception of V. Mayakovsky’s oeuvre on the sociopolitical aspect. An album of the ”leftward” rock musicians Nynningen, based on Mayakovsky’s First Prelude to the Poem ”At the Top of My voice” is a shining example of this.

Сафрон Е. А. Образ тролля в скандинавской литературной сказке // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 127–130.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 398.2

Образ тролля в скандинавской литературной сказке

САФРОН Елена Александровна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры скандинавской филологии,
Петрозаводский государственный университет,
филологический факультет,
Петрозаводск, 00inane@gmail.com

Ключевые слова:
тролль
антропоморфный
сказка
природа
человек
подмена

Аннотация:
Данная статья посвящена анализу эволюции фольклорного образа тролля, попадающего на страницы литературной сказки. В качестве предмета изучения выбраны тексты Э. Бесков, А. Валенберг, С. Лагерлёф. Сопоставление фольклорных и литературных сказок позволило говорить о том, что тролль, становясь авторским персонажем, приобретает ярко выраженные антропоморфные черты. Однако очеловечивание часто носит негативный характер, когда данная фигура превращается в аллегорию «темного начала» человеческой души. Несмотря на многочисленные попытки тролля проникнуть в мир человека, все его усилия обречены на неудачу. В свою очередь, человек успешно захватывает территории троллей, взрывая горы и вырубая леса.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Литературная сказка Северной Европы, как и авторская сказка других стран, черпает вдохновение из фольклорной традиции. Основной тенденцией подобного рода текстов становится воплощение фольклорной поэтики в новой, модифицированной форме. Цель данной статьи — проследить процесс трансформации традиционного фольклорного образа тролля, попадающего на страницы литературной сказки. Обозначенная цель требует решения следующих задач:

1. Рассмотреть происхождение и эволюцию тролля в фольклорной волшебной сказке, выявить его основные функции;
2. Сравнить фольклорные и литературные тексты о троллях с одинаковыми сюжетами, выявить, каким образом авторы перестраивают фольклорные сюжеты.

В качестве предмета изучения выбраны сказки скандинавских писателей: «Подменыш» С. Лагерлёф, «Как троллиха стирала королю белье» Э. Бесков, «Подарок тролля» А. Валенберг. Несмотря на то что данные сказки были написаны на рубеже XIX—XX вв., они и сейчас продолжают быть интересными для юных российских читателей, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания текстов [11], [12], [13]. Актуальность темы определена попыткой установить более тесный контакт со странами Скандинавии благодаря детальному изучению северной фольклорной традиции на примере конкретного объекта — образа тролля. Основу теоретической базы исследования составила «Морфология волшебной сказки» В. Я. Проппа, где он впервые выдвигает идею представить сказочного

героя в виде набора функций [10]. Универсальность данного подхода позволяет применять его не только к русской волшебной сказке, но и к традиционной сказке Северной Европы.

Тролль — один из самых популярных персонажей скандинавского фольклора. В шведском языке слово ‘тролль’ (troll) означает также и ‘колдовство’.

По мнению исследователей [5], [8], прародителями троллей являются йотуны (ётуны) — мифические великаны восточной горной страны Йотунхейм (Утгард). С точки зрения функции, выполняемой троллем в фольклорной волшебной сказке, мы можем говорить о:

1. Тролле-антагонисте, выступающем в качестве духа-охранителя какого-либо географического объекта:

а) изначально угрожающем главному герою. К этой категории относятся сказки про Аспена Аскелада или Аскеладдена (Эсбена — в датских сказках): к примеру, датская сказка «Кто первый разозлится» и норвежская «Аскеладден, что с троллями состязался», где тролль выступает в качестве хозяина леса, функционально приближаясь к славянскому лешему [4]. Герой отправляется рубить лес и сразу же встречает тролля: *«Станешь в моём лесу хозяйничать, убью тебя!»* [14; 42].

Победа над таким врагом обеспечивается благодаря преодолению собственного страха и хитрым уловкам. Аскеладден предлагает троллю сделать дырку в животе, чтобы туда влезло больше еды: *«Взял тут тролль, да сделал так, как парень ему посоветовал… испустил дух и в груду камней превратился»* [14; 43].

Также тролль выступает в качестве духа-хозяина моста в сказке «Три козла Граф», угрожая животным, желающим перейти реку по мосту, под которым он живет. Благодаря собственной хитрости, младший и средний из Граф удачно минуют преграду, а старший брат скидывает тролля в реку, и тот тонет [15];

б) представляющем скрытую угрозу. В данной ситуации речь идет именно о троллихах. Примером может послужить шведская сказка «Звенит ли моя липа, поет ли мой соловушка», в которой король, потерявший супругу, женится на «вдове — злющей, уродливой, словно троллиха. Ходила молва, будто она троллиха и есть» [14; 47]. Неприязнь мачехи к принцессе постепенно увеличивается: изначально она просто пытается загрузить падчерицу работой, всячески унижает ее, а потом подговаривает корабельщика утопить девушку. Когда она понимает, что все действия заканчиваются неудачей, превращает падчерицу в птицу.

1. Тролль может выступать и в качестве волшебного помощника, как в шведской сказке «Охотник Брюте», в которой за спасение от орла тролленок награждает мальчика чудесными предметами, или в «Кто нынче мал, завтра велик», где герой получает награду за то, что переправляет старую троллиху на другую сторону пролива, причем в троекратном размере, так как, преподнеся поваренку подарок, старуха отправляет его к своей сестре, а та, в свою очередь, еще к одной. Таким образом, благодаря одному хорошему поступку мальчик получает самобраную скатерть, колдовской меч и песенник, излечивающий все болезни, которые в будущем помогут ему разбогатеть и жениться на возлюбленной.

Мифологические источники отзываются об интеллекте троллей по-разному: с одной стороны, эти существа наследуют от великанов изначальную мудрость; с другой стороны, часто недалеки и примитивны. Именно несусветная глупость и становится впоследствии отличительной чертой этих сказочных персонажей: люди побеждают их с помощью хитрости [5; 449]. Острый ум одних троллей и несусветная глупость других также освещаются и в литературных сказках. Так, старая троллиха и ее сын из сказки Эльсы Бесков «Как троллиха стирала королю белье» олицетворяют собой эти две полярные черты традиционных троллей: *«Но сперва им придется раздобыть блестящие кругляшки, которые люди называют деньгами, и как это сделать, троллиха знала. <…> Сын троллихи не привык думать обо всем сразу… он обхватил голову обеими лапами, не зная, что делать»* [9; 235—236].

Будучи «нечистыми», тролли, как фольклорные, так и литературные, питаются соответствующей «пищей», вызывающей у человека отвращение, а также могут быть и людоедами: *«не едят ничего, кроме лягушек да мышей», «когда крестьянин заметил, что жена его начала добывать подменышу лягушек, мышей да пауков, его охватило такое отвращение, что он не мог дольше его скрывать»* [9; 170]. Сравним с текстом фольклорной норвежской сказки: *«занялись приготовлением новогоднего ужина — жарили лягушек, ящериц, пауков и прочую дрянь»* [1; 50].

Можно предположить, что такие гастрономические пристрастия троллей призваны подчеркнуть их принадлежность к потустороннему миру, противоположному миру людей.

Как уже было сказано выше, тролли также пытаются съесть и главного героя сказки. В качестве примера данной сюжетной линии возьмем сказку Анны Валенберг «Подарок тролля» и норвежскую фольклорную сказку «Пряничек» [2; 177] (в другом переводе — «Колобок»), рассказывающую о мальчике по имени Пряничек, который не только не становится обедом для троллей, но и обманом убивает их дочь, скармливает им сваренный из нее суп, а потом убивает и самих троллей. Затем герой забирает все сокровища и благополучно возвращается домой. Описанный сюжет состоит из типичных для народной сказки мотивов: похищение героем-антагонистом, победа над врагом с помощью обмана с последующим обретением богатства.

В свою очередь, недостача в сказке А. Валенберг не формируется на основе прямой угрозы жизни человеку — изначально тролль похищает у крестьян скот. После того как недостача обозначена, по законам сказки герой может отправляться в путь, чтобы недостачу компенсировать. Писательница, хоть и соблюдает формально сказочные законы и формулы, считает необходимым логически их объяснить и мотивировать героя. Одновременно она вводит в текст и педагогическую составляющую: *«Торпарь с женой каждый день предупреждали Улле, чтобы он не глядел в окошко… вдруг старый тролль пройдет мимо и Улле ему приглянется? А коли уж… тролль и вправду явится и постучит в дверь, то Улле, учили они, должен крикнуть: «Папа, папа!» — чтобы тролль подумал, будто торпарь дома. Тогда старый тролль испугается»* [9; 193].

Ключевым моментом в идентификации тролля должна стать его безобразная внешность: *«И уродлив-то он до ужаса. Вместо бровей у тролля-де кусты растут, рот — до ушей, нос — толстый, словно репа, а вместо левой руки у него волчья лапа»* [9; 193].

Уродство призвано подчеркнуть инакость чудесного персонажа, его противопоставленность миру людей. Сравним с текстом фольклорной сказки: *Да и страшен был тот человек. Рот до ушей, а такого уродливого длиннющего носа Пер в жизни не видывал»* [14; 124]. (*«Кто первый разозлится».)*

Связь с миром волков призвана еще более усилить впечатление максимальной удаленности тролля от человека: волк, согласно тексту древнегерманской «Старшей Эдды», станет причиной апокалипсиса; в мифах индейцев-алгонкинов он становится царем в царстве мертвых и т. п. [3; 242], кроме того, в фольклоре акцент на левую сторону указывает на связь персонажа с колдовством или принадлежность его к нечистой силе.

Обратим особое внимание на то, что внешность героя в сказке А. Валенберг описывается через метафоры растительности, что подчеркивает прямую связь тролля с природой. Этой же традиции придерживается и С. Лагерлёф в «Подменыше»: *«Ротик превратился в свиной пятачок, бровки походили на две жесткие щетинки» »* [9; 171].

Герой сказки А. Валенберг мальчик Улле нарушает запрет родителей и отправляется с троллем в лес, действуя полностью в духе фольклорного персонажа, который, по словам В. Я. Проппа, всегда нарушает запрет и «принимает и выполняет обманные предложения» [10; 26].

Далее писательница использует традиционный фольклорный мотив помощи / принятия подарка [10; 35], заставляющего волшебного персонажа помогать герою: *«Откуда же Улле было знать, что у троллей есть одна такая маленькая особенность: они никогда не делают зла тому, от кого получили какой-нибудь подарок»* [9; 194].

Затем А. Валенберг прямо обыгрывает фольклорный эпизод:

The image of troll in the scandinavian literary fairy tale

SAFRON Elena

PhD in Philology,
Senior lecturer,
Petrozavodsk State University, Faculty of Philology, Chair of Scandinavian Philology,
Petrozavodsk, 00inane@gmail.com

Keywords:
troll
anthropomorphous
fairy tale
nature
man
substitution

Summary:
This article is devoted to the analysis of evolutionary process of a folklore troll, which moves to the pages of the literary fairy tale. As a subject of study were chosen texts by E.Beskov, A.Valenberg, S. Lagerlyof . Comparison of folklore and literary fairy tales allows to say that the troll, becoming the author's character, gains bright anthropomorphous features. However, the humanifying often has negative character when this figure turns into the allegory of the dark side of human soul. Despite numerous attempts of the troll to get into the human world, all his efforts are doomed to failure. In turn, the person successfully seizes the territories of trolls by blowing up mountains and cutting down the woods.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 811.113.6 + 81.272

Шведский язык в мире: обзор деятельности организаций

МАТАШИНА Ирина Сергеевна

преподаватель кафедры скандинавской филологии, Петрозаводский государственный университет, филологический факультет, irinadesh@mail.ru

Ключевые слова:
шведский язык
языковая политика
организации

Аннотация:
В статье произведены обобщение и систематизация деятельности организаций, занимающихся распространением шведского языка в мире (Шведская академия, Шведский совет по языковой политике, Исследовательский институт языков Финляндии, Комитет по сотрудничеству в сфере распространения знаний о Северной Европе за рубежом, Шведский институт, Национальное общество «Контакт со Швецией»). Определены стоящие перед учреждениями цели и задачи, рассмотрены способы их выполнения. Описаны исторические и политические предпосылки, законодательная база деятельности перечисленных организаций. Особое внимание уделяется достигнутым к настоящему времени результатам, которые способствовали увеличению интереса к шведскому языку в других государствах. Помимо вышеуказанного, в статье приведены примеры выпускаемых печатных и электронных изданий по данной тематике, а также перечислены организуемые съезды и конференции. Подробно рассматриваются вопрос о присуждении различного рода стипендий в рамках распространения шведского языка в мире, возможности обучения для людей с разным уровнем знаний. Приведенные сведения представляют интерес для преподавателей шведского языка, студентов и широкого круга читателей, следящих за общественной жизнью Скандинавского региона, а накопленный зарубежный опыт может быть перенесен на российскую почву.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

В современном мире активно проходит процесс глобализации, но в то же время каждый народ старается сохранить свою индивидуальность, свою культуру и свой язык. В этом контексте Скандинавские страны предоставляют обширное поле для исследования, поскольку активно позиционируют себя на мировой арене, поддерживая традиционные культурные ценности и национальную идентичность. Государства Северной Европы сотрудничают друг с другом, разрабатывая общие стратегии развития во всех сферах жизни общества, при этом не оставляя без внимания собственные интересы. Так, в каждой из стран Скандинавского региона разрабатывается собственная языковая политика, соотносящаяся с совместно определенными направлениями. Безусловно, в каждом отдельном случае на нее накладывает отпечаток национальная специфика. Мы ограничимся данными о международном положении шведского языка, являющегося государственным языком Швеции, а также

вторым государственным языком Финляндии и одним из официальных языков Европейского союза. По данным исследований, на нем в настоящее время говорят около девяти миллионов человек, он преподается приблизительно в двухстах университетах более чем сорока стран [8; 7].

Согласно закону «О языке», вступившему в силу в 2009 г., шведский — основной язык Швеции и составляет основу единства общества. Правом на его использование обладают все проживающие на территории страны, причем он может употребляться в любых сферах жизни [3; 1]. Основываясь на данном нормативном документе, правительство Швеции проводит активную языковую политику, направленную на укрепление позиций шведского языка за границей, поскольку через общение происходит передача «ценностей, традиций и культурных особенностей, характеризующих шведское общество» [8; 7]. Тем самым в мировом сообществе формируется необходимый для плодотворного сотрудничества положительный облик страны. В связи с этим в Швеции был создан ряд учреждений, в функции которых входит сохранение и развитие языка, а также укрепление его международного статуса. Среди преподавателей и исследователей шведского языка эти организации хорошо известны, но сведения о них разрозненны, поэтому в данном обзоре мы постараемся обобщить и систематизировать информацию об учреждениях, заинтересованных судьбой шведского языка в современном мире, а также познакомить с их деятельностью более широкий круг читателей.

Большинство языковых организаций, занимающихся охраной языка, входят в состав Шведской группы по языковому планированию (Språkvårdsgruppen), которая дает рекомендации в области словоупотребления и терминологии, а также организует конференции и семинары по данной теме. В ее состав входят представители таких организаций, как:

- Европейская комиссия (Europeiska komissionen);
- Группа по языку СМИ (Mediespråksgruppen);
- Объединенная администрация министерств Швеции (Regeringskansliet);
- Парламент (Riksdag);
- Шведский институт стандартов (Swedish standarts institute);
- Шведская академия (Svenska Akademien);
- Исследовательский институт языков Финляндии (Institutet för de inhemska språken);
- Шведский совет по языковой политике (Språkrådet);
- Шведское радио (Sveriges radio);
- Шведский центр терминологии (Terminilogiecentrum);
- Отдел по ономастике г. Упсала (Namnarkivet);
- Общество «Беседа» (Samspråk) [25].

Члены данной группы встречаются несколько раз в год и обсуждают общие вопросы, такие как принципиальные изменения в новых изданиях «Шведских правил письма» или в «Шведском академическом словнике» [27]. Также совместно разрабатывается веб-ресурс «Språkvårdsportalen», содержащий сведения о системе охраны языка.

Мы рассмотрим подробнее деятельность организаций, имеющих непосредственное отношение к укреплению позиции шведского языка в мире. Их можно условно разделить на две группы: отвечающие за нормирование и сохранение языка и занимающиеся активным его распространением в мире. Начнем с первой группы.

Шведская академия (Svenska Akademien)

Шведская академия была основана в 1786 г. королем Швеции Густавом III. С тех пор и по сей день ее главной задачей является поддержка «чистоты, силы и тонкости» шведского языка, т. е. его нормирование [13].

В настоящее время Шведская академия представляет собой независимую организацию с обширной сферой ответственности: от изучения истории языка до прослеживания современных лингвистических тенденций, от наращивания библиотечных фондов до присуждения Нобелевской премии по литературе.

В масштабах страны Шведская академия является наиболее авторитетным учреждением, отвечающим за фиксацию языковых норм. Организация разрабатывает ряд проектов, направленных на сохранение и изучение лингвистического наследия. В частности, выпускается «Шведский академический словарь» («Svenska Akademiens ordbok»), описывающий письменный шведский язык с 1520 г. до наших дней, «Шведский академический словник» («Svenska Akademiens ordlista över svenska språket»), содержащий образцы правописания и склонения и отражающий изменения, происходящие в языке (словник неоднократно переиздавался, впервые он был напечатан в 1874 г., а в 2006 г. вышло его

13-е издание [9; 7]), «Шведский словарь» («Svensk ordbok»), дающий толкование современных слов, а также примеры их употребления, «Шведскую академическую грамматику» («Svenska Akademiens grammatik») и другие издания, посвященные шведскому языку. Все эти книги содержат образцы литературного словоупотребления и словоизменения и, вследствие широты освещаемого материала и высокой авторитетности издающей организации, активно используются как в пределах Швеции, так и за рубежом.

Ежегодно Академией проводятся конкурсы, выделяются гранты и стипендии на проведение филологических исследований. Например, вручаются премия в области детской и юношеской литературы, награды библиотекарям, сохраняющим и поддерживающим интерес к художественной литературе, лингвистам, в том числе молодым ученым, всего существует 55 различных призов и стипендий [12].

Таким образом, Академия не только самостоятельно ведет работу по созданию пособий и словарей, необходимых как носителям языка, так и изучающих его иностранцам, но и стимулирует научную деятельность в этой области.

Шведский совет по языковой политике (Språkrådet)

Данная организация появилась в 2006 г. в результате слияния Комитета по шведскому языку (Svenska språknämnden), Совета по вопросам финского языка в Швеции (Sverigefinska språknämnden) и Коалиции «За понятный шведский» (Klarspråksgruppen) при объединенной администрации министерств Швеции. Совет по языковой политике является отделом Института языка и фольклора, подчиняющегося, в свою очередь, Министерству культуры Швеции.

Институт, согласно инструкции правительства, должен осуществлять охрану языка и на научном уровне приумножать, расширять и распространять знания о нем, его диалектах, о фольклоре, названиях и отраженном в речи культурном наследии Швеции [1; 1].

В рамках Института функционируют несколько отделов, у каждого из которых своя сфера ответственности. В г. Упсала расположены Архив диалектов и фольклора (Dialekt- och folkminnesarkivet) и Отдел по ономастике (Namnarkivet), в г. Лунд — Архив диалектов и топонимов (Dialekt- och ortnamnsarkivet), который также занимается изучением личных имен. Архив диалектов, топонимов и фольклора (Dialekt-, ortnamns- och folkminnesarkivet) в г. Гётеборге отвечает за сохранение и исследование диалектов, фольклора, народной музыки, топонимов и имен собственных. В г. Умео расположен «Архив диалектов топонимов и фольклора» (Dialekt-, ortnamns- och folkminnesarkivet), а в столице Швеции — Стокгольме — Шведский совет по языковой политике (Språkrådet) [18].

Основной задачей Совета является информирование населения по лингвистическим вопросам. Также организацией выпускаются различные печатные издания о языке, например словари, словники, своды правил, журнал «Понятный язык — вестник Шведского совета по языковой политике» («Klarspråk — bulletin från Språkrådet»), главной темой которого является работа по охране языка в Швеции и других странах. В сферу компетенции учреждения попадают шведский, финский, цыганский языки, а также язык жестов, но при этом внимание уделяется всем наречиям, присутствующим в стране [21].

В целях поддержки актуальности предоставляемых населению рекомендаций Совет следит за динамикой лингвистической ситуации в стране (в частности, ежегодно издается список новых для шведского языка слов, а в 1986 и 2000 гг. вышли в свет словари неологизмов), а также проводит работу с официальными сообщениями властей, стараясь сделать их более простыми и понятными. Так, в 2011 г. вышли в свет комментарии к закону о языке — «Закон “О языке” на практике — принципы применения» («**Språklagen i praktiken — riktlinjer för tillämpning av språklagen»**) [17], а в ближайшее время планируется появление в продаже второго издания справочника «Понятный язык оправдывает себя» («Klarspråk lönar sig») [7; 31], содержащего конкретные примеры и советы по упрощению бюрократического языка.

Каждый год проводится День Совета по языковой политике, посвященный определенной тематике. В 2013 г. его девизом стали «Доступность, письменный и устный перевод» [24]. В рамках конференции вручаются три приза: Klarspråkskristallen (за ясный и понятный официальный язык), Minoritetsspråkspriset (за распространение и защиту миноритарных языков Швеции), och Erik Wellanders pris (в области лингвистики).

С 2007 г. Шведский совет по языковой политике занимается развитием и дополнением словаря «Lexin», содержащего необходимую для иммигрантов лексику [15]. Ранее ответственность за этот проект лежала на Ведомстве по развитию школ (Myndigheten för skolutveckling). Теперь работа над изданием продолжена, разработана его электронная версия, которой можно воспользоваться в онлайн-режиме.

Исследовательский институт языков Финляндии
(Institutet för de inhemska språken)

Поскольку шведский является одним из государственных языков Финляндии, организации, осуществляющие его охрану, существуют и в этой стране. Наибольшим влиянием обладает Исследовательский институт языков Финляндии (Institutet för de inhemska språken), образованный в 1976 г. (первоначальное название — Forskningscentralen). Он находится в подчинении Министерства образования и культуры, его деятельность регламентируется законом «Об институте языков Финляндии» (Lagen om Institutet för de inhemska språken), принятым в 2011 г. Согласно этому документу организация занимается охраной языка, информирует население по лингвистическим вопросам, издает словари и справочную литературу [4], что, в сущности, аналогично функциям Шведского совета по языковой политике. При этом в приоритетные направления деятельности включаются также нормирование официальных языков государства и формирование обширных архивов и собраний, открытых для общественности. В рамках Института существуют отдел охраны финского языка, отдел словарной работы и отдел шведского языка [16]. Изначально организация отвечала также за миноритарные языки государства, но, в связи с вступлением в силу нового закона, эти функции были переданы другим учреждениям. Институт один раз в квартал выпускает журнал «Словоупотребление» («Språkbruk»), посвященный лингвистическим вопросам.

В рамках выполнения стоящих перед организацией задач в феврале 2013 г. при Министерстве образования и культуры была создана рабочая группа, целью которой является разработка программы для упрощения и конкретизации официального языка властей. В марте 2013 г. прошел семинар, посвященный языковым стратегиям университетов и положению в них национальных языков, а в сентябре планируется конференция шведско-финских переводчиков [19].

Тем не менее, несмотря на активную деятельность Института, численность шведоязычного населения Финляндии в настоящее время уменьшается, хотя, согласно данным Центра статистики, в период с 2005 по 2010 г. наблюдалась положительная тенденция (2005 г. — 289 657 чел., 2010 — 291 657, 2012 г. — 290 977 чел.) [23].

Благодаря деятельности вышеперечисленных организаций, шведский язык активно исследуется в синхроническом и диахроническом срезах, а нормы словоизменения и словоупотребления и их динамика непрерывно фиксируются. Судьбой родного языка заинтересованы как члены Шведской академии, так и носители языка, активно участвующие в процессе выявления неологизмов и обращающиеся за получением разъяснений по интересующим лингвистическим вопросам. Таким образом, в Швеции и Финляндии шведский язык получает значительную поддержку со стороны властей и ученых, чутко отзывающихся на изменения, происходящие в нем, заинтересованных в его сохранении и развитии как в Скандинавии, так и за пределами региона.

Укреплению позиций шведского языка на глобальной арене способствует также деятельность второй группы учреждений, направленная на его распространение в мире.

Комитет по сотрудничеству в сфере распространения знаний о Северной Европе за рубежом (Samarbetsnämnden för Norden-undervisning i utlandet)

Данная организация входит в состав Совета министров Северных стран, учрежденного в 1971 г. в рамках укрепления сотрудничества между государствами Северной Европы. Задачей Комитета является содействие преподаванию скандинавских языков, изучению культуры, повышение интереса к Северной Европе среди зарубежных университетов и в обществе в целом, вследствие чего он обладает большим влиянием. Представителем Дании выступает Отдел скандинавистики и языкознания Копенгагенского университета (Institut for Nordiske Studier og Sprogvidenskab), Финляндии — Центр международной мобильности и сотрудничества (Kansainvälisen liikkuvuuden ja yhteistyön keskus — CIMO), Исландии — Исландский институт Арни Магнуссона (Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum), Норвегии — Центр международного сотрудничества университетов Норвежского совета высшего образования (Senter for internasjonalisering av utdanning, SIU), Швеции — Шведский институт (Svenska institutet, SI).

В глобальном масштабе организация стремится стереть административные границы государств и образовательных учреждений, сплотив их в общих проектах, воплощающих поставленные цели. В качестве примера конкретных решений поставленных задач можно привести распределение средств на различные мероприятия общескандинавского масштаба, которые не могут финансироваться отдельной страной или университетом: конференции, культурные проекты, распространение информации о Северной Европе [20]. В период с 2010 по 2012 г. бюджет организации постепенно увеличивался, при этом основные позиции оставались неизменными: разработка американского и индийского направлений, организация и проведение региональных конференций преподавателей, посвященных

языкам и просветительской работе [5; 2]. На 2013 г. планировалось традиционное присуждение грантов для преподавателей (lektorpuljen), проведение конференции преподавателей в Хельсинки, развитие Североамериканского направления деятельности, IT-встреча в Копенгагене и другие инициативы [11].

Таким образом, именно Комитет объединяет страны Северной Европы, позволяя определить единую для всего региона языковую политику.

Шведский институт (Svenska Institutet)

Шведский институт был создан в 1945 г. в целях содействия созданию положительного образа Швеции в мире. Деятельность его, согласно «Положению о Шведском институте», направлена на распространение информации и знаний о Швеции, содействие обмену с другими странами в областях культуры, образования, науки, демократии, общественной жизни [2; 1]. Организация представляет страну в Комитете по сотрудничеству в сфере распространения знаний о Северной Европе за рубежом (Samarbetsnämnden för Nordenundervisning i utlandet), глава Института входит в состав Комитета по популяризации Швеции за рубежом (Nämnden för Sverigefrämjande i utlandet).

Цели, стоящие перед Институтом, реализуются, в первую очередь, через образовательные программы обучения шведскому языку как иностранному. Шведский институт сотрудничает приблизительно с 220 зарубежными университетами по всему миру [28]. В России география этих контактов также весьма обширна: Архангельск, Мурманск, Москва, Екатеринбург, Калининград, Великий Новгород, Псков, Рязань, С.-Петербург, Вологда, Петрозаводск. Преподавание шведского языка в Петрозаводском государственном университете ведется со времени образования кафедры скандинавской филологии в 1997 г. (первоначальное название — кафедра скандинавских языков), где студенты изучают его с первого курса как основной иностранный язык, а также на кафедрах германской филологии и истории стран Северной Европы в качестве второго иностранного языка.

Шведский институт оказывает сотрудничающим с ним учебным заведениям значительную поддержку в организации образовательного процесса. Ежегодно на кафедры университетов направляются преподаватели шведского языка. В Петрозаводском государственном университете контракты с ними неоднократно продлевались, поэтому со времени начала сотрудничества со Шведским институтом на кафедре скандинавской филологии ПетрГУ работали пять лекторов.

Организацией выделяются средства на закупку необходимых для преподавания материалов, а также выпускаются учебники и пособия, часто используемые на практике[1].

Шведский институт предлагает помощь в проведении лекций и конференций. Каждый второй год при содействии посольства Швеции в различных городах России проходят «Дни шведского языка», собирающие преподавателей со всей страны. В рамках мероприятия обсуждаются проблемы языка, истории, культуры Швеции. Так, в 2013 г. конференция проходила в Петрозаводске, в ней приняли участие около 60 человек из Швеции, Норвегии, Польши, России (Москва, С.-Петербург, Омск, Челябинск, Мурманск, Петрозаводск). Также была организована секция, посвященная творчеству Августа Стриндберга [10].

Студентам высших учебных заведений, а также тем, кто заинтересован в изучении шведского языка и уже обладает некоторым уровнем знаний, на базе высших народных школ Швеции предлагаются летние курсы, рассчитанные, по словам организаторов, «на предоставление участникам возможности оценить уровень своих знаний шведского языка… Кроме того, курсы должны познакомить с современной Швецией и дать возможность увидеть картину страны и ее жителей» [8; 24]. Существует возможность и более длительного погружения в языковую среду: обучение в шведской народной школе в течение одного семестра. Отдельная программа разработана для стран Балтийского региона («Программа Висбю» — «Visbyprogrammet»). Она рассчитана на долгосрочное пребывание в Швеции (от месяца до года), необходимое для реализации проектов или проведения научной работы [29]. Участниками могут быть студенты или ученые из Эстонии, Грузии, Латвии, Литвы, Молдавии, Польши, России, Украины и Белоруссии.

В сотрудничестве с национальным обществом «Контакт со Швецией» каждый второй год проводится конференция преподавателей стран Балтии, также для них организуются краткосрочные курсы повышения квалификации. Обучение и исследовательскую работу можно продолжить благодаря краткосрочным стипендиям, обеспечивающим доступ к университетским библиотекам и языковой среде [8; 24].

При этом, как отметил представитель Шведского института в интервью газете «Дагенс Нюхетер», потенциальные стипендиаты сталкиваются с рядом проблем, которые требуют решения. Для привлечения новых участников образовательных программ и поддержания положительного образа Швеции за рубежом предлагается изменить порядок оформления документов и проведения

необходимых бюрократических процедур, упростить для студентов и исследователей процедуру получения визы, вида на жительство и личного гражданского номера, а также увеличить количество выделяемых стипендий [26].

Являясь участником Комитета по положению Швеции за рубежом, Шведский институт администрирует сайт www.sweden.se, а также разрабатывает собственный портал www.si.se. На этих веб-страницах можно найти актуальные сведения о стране, о ее языке и литературе, о возможностях для обучения и работы иностранцев в Швеции, информацию для преподавателей: о методике работы, тексты и ссылки на полезные статьи.

Таким образом, в поле деятельности Шведский институт попадает изучение шведского языка в университетах и на послевузовском уровне. Остальные группы обучающихся входят в сферу влияния национального общества «Контакт со Швецией».

Национальное общество «Контакт со Швецией»

(Riksföreningen Sverigekontakt)

В конце XIX — начале XX в. происходила массовая эмиграция населения Швеции. В связи этим в 1908 г. профессором университета Гётеборга Вильхельмом Линдстрёмом было основано Национальное общество «Контакт со Швецией» (Riksföreningen Sverigekontakt), первоначальное название — Национальное общество сохранения шведских традиций за рубежом (Riksföreningen för svenskhetens bevarande i utlandet). Изначально отраженные в уставе общества цели включали в себя поддержку шведов и их потомков, проживающих за пределами своей родины, сбор сведений об их жизни и деяниях за рубежом для сохранения близости со Швецией, шведским языком и культурой [14].

В настоящее время работа организации в большей степени направлена на поддержку молодых людей, еще не обучающихся в университете, и взрослых, желающих изучать шведский язык. Ежегодно Общество организует в разных странах лекции и семинары, посвященные Швеции, шведской культуре и шведскому языку. Каждое лето в течение трех недель проходят интернациональные курсы, где преподавание ведется для разных уровней подготовки участников. Национальное общество выбрало базой для их проведения высшую народную школу Билльстрёмска (Billströmska folkhögskolan) [14]. Также два раза в год 6—8 учащихся получают полугодовую стипендию на обучение в различных народных школах Швеции.

Помимо прочего, Общество выпускает собственную газету «Контакт со Швецией» («Sverigekontakt»), в которой можно прочесть о шведском языке и его преподавании за рубежом, о литературе, различных культурных и общественных мероприятиях Швеции. Газета имеется в электронном доступе, а более ранние выпуски хранятся в архиве, доступном на официальном сайте организации.

«Контакт со Швецией» поддерживает исследования, посвященные языку и культуре[2]. Ежегодно проводятся собрания участников Общества для подведения итогов и разработки новых стратегических направлений деятельности. В 2013 г. эта встреча прошла 25—26 мая в Гётеборге.

Таким образом, работа перечисленных организаций в полной мере обеспечивает реализацию определенной правительством задачи: нести ответственность за развитие и использование шведского языка [3; 1]. Население и ученые Швеции весьма заинтересованы в судьбе родного языка, в связи с чем большое влияние уделяется его охране и поддержке, а также распространению за пределами страны. Несмотря на вынужденную экономию, все вышеперечисленные учреждения продолжают вести активную деятельность, организуя курсы, конференции, поддерживая научную и исследовательскую работу. Благодаря грамотной стратегии управления, шведский язык изучается гражданами других стран, тем самым значительно расширяется ареал его существования в мире. Преподавание шведского языка ведется в 225 университетах для 40 000 человек. Количество желающих получить стипендии Шведского института незначительно колеблется (3503 чел. в 2010 г., 3948 — в 2011, 3376 чел. в 2012 г.), но в то же время увеличивается процент удовлетворенных заявлений: 229, 322 и 383 соответственно [6; 41]. В 2012 г. в рамках «Программы Висбю» по сравнению с 2011 г. стипендий для ученых и докторантов стало больше на 70 %, для студентов — на 25 % [6; 38].

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сделать вывод о растущем интересе к изучению шведского языка, что неразрывно связано с передачей знаний о культуре и ценностях Швеции и формированием положительного облика страны в глобальном масштабе.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С 1991 г. Шведским институтом издается учебное пособие «Шведский изнутри» («Svenska utifrån») для начинающих изучение шведского языка в качестве иностранного. В 2006 г. был выпущен учебник «Среди девчонок и парней: о языковой ситуации в Швеции» («Bland gussar och gossar. Om språksituationen i Sverige»), в котором 14 людей, проживающих в Швеции, делятся своим восприятием языкового окружения, в 2007 г. — труд «Изучение и использование языка: шведский как второй язык в Швеции и за ее пределами. Языки в Швеции» («Språkinlärning och språkanvändning: Svenska som andraspråk i och utanför Sverige. Språken i Sverige») об изучении второго языка и о языковом многообразии Швеции, а в 2011 г. — пособие по грамматике шведского языка «Порядок слов, время, определенность» («Ordföljd, tempus och bestämdhet»).

[2] В 2008 г. вышла в свет книга Леннара Лимберга «Международный национализм. 100 лет Национальному обществу» («Internationell nationalism: riksföreningen 100 år»), в 2010 г. — «Знаки, тексты, толкования» («Tecken, texter, tolkningar») Уллы Берлинд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Förordning med instruktion för Institutet för språk och folkminnen: offic. text [enured 22.11.2007] . Vällingby: Thomson Förlag AB, 2007. 3 p.

2. Förordning med instruktion för Svenska institutet: offic. text [enured 29.11.2007]. Vällingby: Thomson Förlag AB, 2007. 3 p.

3. Språklag: offic. text [enured 28.03.2009]. Västerås: Thomson Reuters Professional AB, 2009. 2 p.

4. Lag om Institutet för de inhemska språken [Electronic resource]: offic. text [enured 01.01.2012], URL: http://www.finlex.fi/sv/laki/ajantasa/2011/20111403. (Accessed 29.07.13).

5. Bragason U. Samarbeidsnemnda for Nordenundervisning i utlandet. Årsrapport 2012/ Úlfar Bragason, Stofnun Árna Magnússonar. Reykjavík: Edita Sverige AB, 2013. 4 p.

6. För Sverıge i världen. Svenska institutets årsredovisning 2012/ red.Sofia Bard. Solna: Åtta.45 Tryckeri AB, 2013. 67 p.

7. Hedlund A. Klarspråk lönas sig: klarspråksarbete i kommuner, landsting och statliga myndigheter. Stockholm: Edita Sverige AB, 2006. 72 p.

8. Ringborg E. Svenskan i världen. Betänkande av utredningen om svenskundervisning i utlandet. Stockholm, Edita Sverige AB, 2007. 98 p.

9. Svenska akademiens ordlista över svenska språket/ red. Martin Gellerstam. 13th ed. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2006. 1130 p.

10. Дни шведского языка в ПетрГУ [Электронный ресурс]. Days of Swedish language in PetrSU [Dni shvedskogo yazyka v PetrGU]. URL: http://www.petrsu.ru/news.html?action=single&id=6838, свободный. (Accessed 29.07.2013).

11. Aktiviteter 2011—2014. [Electronic resource]. Samarbetsnänmden för Nordenundervisning i utlandet. URL: http://samarbetsnamnden.org/Apps/WebObjects/SAM32.woa/wa/dp?id=1024275. (Accessed 29.07.2013).

12. Fullständig förteckning över Akademiens priser. [Electronic resource]: Svenska Akademien, URL: http://www.svenskaakademien.se/akademien/priser/fullstandig_forteckning_over_akademiens_priser.(Accessed 28.07.2013).

13. Historisk översikt. [Electronic resource]: Svenska Akademien. URL: http://www.svenskaakademien.se/akademien/historia. (Accessed 28.07.2013).

14. Internationell sommarkurs i svenska på Billströmska folköhskolan på Tjörn. [Electronic resource]: Riksföreningen Sverigekontakt. URL: http://www.sverigekontakt.se/?id=241. (Accessed 29.07.2013).

15. Lexin. Bakgrund. [Electronic resource]: Språkrådet. URL: http://lexin.nada.kth.se. (29.07.2013).

16. Martola N. Institutet för de inhemska språken [Electronic resource] // Språkbruk. Hersingfors: Stellatum, 2012. URL: http://www.sprakbruk.fi/index.php?mid=2&pid=13&aid=2962. (Accessed 29.07.2013).

17. Nyutkomna skrifter. [Electronic resource]: Språkrådet. URL: http://www.sprakradet.se/1936. (Accessed 28.07.2013).

18. Om institutet. Våra avdelningar. [Electronic resource]: Institutet för språk ock folkminnen. URL: http://www.sofi.se/11489. (Accessed 28.07.2013).

19. Om Institutet: Aktuellt. [Electronic resource]: Institutet för de inhemska språken. URL:

http://www.kotus.fi/index.phtml?3384_o=16&l=sv&s=9. (Accessed 29.07.2013).

20. Om samarbetsnämnden. [Electronic resource]: Samarbetsnänmden för Nordenundervisning i utlandet. URL: http://samarbetsnamnden.org/Apps/WebObjects/SAM32.woa/wa/dp?id=1025017. (Accessed 29.07.2013).

21. Om Språkrådet. [Electronic resource]: Språkrådet. URL: http://www.sprakradet.se/om_språkrådet. (Accessed 28.07.2013).

22. Om Sverigekontakt. [Electronic resource]: Riksföreningen Sverigekontakt. URL: http://www.sverigekontakt.se/?id=57. (Accessed 29.07.2013).

23. Språk efter ålder och kön enligt landskap 1987—2012. [Electronic resource]: Statistikdatabaser / Statistikcentralen.URL:http://pxweb2.stat.fi/Dialog/varval.asp?ma=030_vaerak_tau_102_sv&ti=Språk+efter+ålder+och+k%F6n+enligt+landskap+1987+%2D+2012&path=../Database/StatFin/vrm/vaerak/&lang=2&multilang=sv. (Accessed 29.07.2013).

24. Språkrådsdagen. [Electronic resource]: Språkrådet. URL: http://www.sprakradet.se/språkrådsdagen. (Accessed 28.07.2013).

25. Språkvårdsportalen [Electronic resource]: Språkvårdsgruppen. URL: http://www.svenskaspraket.se. (Accessed 28.07.2013).

26. Svensk byråkrati stoppar internationella talanger [Electronic resource] / K.A. Abrahamsson, K. Härstedt, M. Jungstedt and others // Dagens Nyheter. Stockholm, 2012. URL: http://www.dn.se/debatt/svensk-byrakrati-stoppar-internationella-talanger. (Accessed 29.07.2013).

27. Svensk språkvårds organisation [Electronic resource]: Språkrådet. URL: http://www.sprakradet.se/2010. (Accessed 28.07.2013).

28. Svenska språket i världen. [Electronic resource]: Svenska institutet. URL: http://si.se/verksamhetsomraden/svenska-spraket-i-varlden. (Accessed 29.07.2013).

29. Visbyprogrammet. [Electronic resource]: Svenska institutet. URL: http://si.se/verksamhetsomraden/stipendier-och-bidrag/visbyprogrammet. (Accessed 29.07.2013).

Matashina I. Swedish in the world: public agencies activities review // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. P. 131–139.

Swedish in the world: public agencies activities review

MATASHINA Irina

Lecturer,
Petrozavodsk State University
Faculty of Philology
Chair of Scandinavian Philology,
Petrozavodsk, irinadesh@mail.ru

Keywords:
Swedish
language politics
public agencies

Summary:
The article presents a colligation and systemization of some Swedish public agencies actions, which promote the Swedish language around the world (The Swedish Academy, The Language Council, Institute for the Languages of Finland, The Co-ordinating Committee for Nordic Studies Abroad, The Swedish Institute, The Royal Society for Swedish Culture Abroad). While defining organizations purposes the author also describes different ways of their fulfillment. At the beginning of the article the historical background and the political situation which led to the creation of such system are depicted. Special focus is on obtained results, leading to accretive interest to Swedish in other countries. Apart from above there is a list of printed and electronic sources, congresses and conferences on this matter. Information on various grants and fellowships for people with different academic background and the rest of the represented data will be useful for lecturers in Swedish, for students and for general public, who are interested in public life in northland. The described experience may be transferred and used in Russia.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 811.161.1

Однокоренные синонимы — названия растений в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей»

ЕРОФЕЕВА Дарья Павловна
выпускница 2013 г.,
Петрозаводский государственный университет,
филологический факультет,
Петрозаводск, palna-89@mail.ru

МАРКОВА Нина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
Петрозаводский государственный университет,
доцент кафедры русского,
Петрозаводск, markova_nina@mail.ru

Ключевые слова:
однокоренные синонимы
частная диалектная система
диалектный язык
словообразовательная синтагма
словообразовательная парадигма
кодериваты
словообразовательная пара

Аннотация:
В статье в словообразовательном аспекте рассматриваются ряды однокоренных синонимов, которые установлены по «Словарю русских говоров Карелии и сопредельных областей». Для наблюдения избраны названия растений: трав, цветов, деревьев.
На уровне диалектного языка, как и в частных диалектных системах, синонимические ряды преимущественно представлены парами синонимов — словообразовательными парами и кодериватами.
Синонимические ряды с большим числом членов (от 3 до 7) отражают сложные деривационные связи: синтагматические и парадигматические.
Выявленные синонимические ряды складывались в результате активной суффиксации. При тождестве лексем в синонимических рядах с особой отчетливостью проявляется процесс десемантизации суффиксов, особенно суффиксов субъективной оценки.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Изданный на рубеже веков «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК) [6] стал важным итогом собирания и изучения диалектной лексики в XX столетии, а для исследователей XXI в. предлагает богатейший и интереснейший материал по русским народным говорам северо-запада России. Будучи полидиалектным, Словарь отражает лексический состав разных групп русских народных говоров Карелии: онежской и части поморской группы севернорусского наречия, а также включает лексемы, зафиксированные в говорах ладого-тихвинской, новгородской, белозерско-бежецкой, лачской и вологодской групп.

СРГК позволяет решать многие задачи, связанные с установлением системных связей и отношений в лексике, поскольку Словарь «довольно детально показывает основные тенденции в словообразовании, в семантическом развитии разных слов» [4; 4].

Проблема разграничения, с одной стороны, словообразовательных вариантов слова и, с другой —

однокоренных синонимов с особой остротой встает перед диалектными лексикографами. В нашей работе мы, вслед за составителями «Словаря русских говоров Карелии», к вариантам относим фонетические — «слова, отличающиеся чаще всего одной или двумя фонемами в корне» [4; 7] (*се́стре́ни́ца* и *сестри́ница* — ‘красная смородина’), а также грамматические, связанные у существительных, в частности, с различиями в роде (*бер´емье*, с. и *б´еремья*, ж ‘охапка сена, дров’), которые представлены в одной словарной статье в качестве равноправных вариантов заглавного слова.

Таким образом, тождественные по значению однокоренные слова с разным морфемным составом, зафиксированные на одной или на разных территориях, — это отдельные лексемы в СРГК, и такие лексемы мы рассматриваем в настоящей работе как однокоренные синонимы.

Начало рассмотрения однокоренных синонимов в словообразовательном аспекте связано с обращением к безусловным синонимам — на уровне частной диалектной системы. Наблюдения Ю. С. Азарх над однокоренными синонимичными существительными из разных лексико-грамматических групп в говоре д. Деулино свидетельствуют о преобладании в частной диалектной системе синонимических пар, связанных отношениями кодеривации, над словообразовательными парами [1].

Появление однокоренных синонимов, по мнению Ю. С. Азарх, связано не только с наличием синонимичных формантов, но и с процессами десемантизации суффиксов. Лексическое и словообразовательное значение производных с утратившими свое значение суффиксами, по мнению исследователя, контекстно-зависимо [1; 165].

На уровне диалектного языка, представляющего собой «систему систем» [2; 10], проблема лексической синонимии осложняется тем, что члены синонимического ряда, принадлежащие разным частным диалектным системам, являются противопоставленными диалектными различиями плана выражения (*морковь — моркошка — боркан*). Основываясь на идеях Р. И. Аванесова о диалектном языке, в котором общее превалирует над различным, О. И. Блинова предлагает деление синонимичной лексики в говорах на однодиалектные и разнодиалектные синонимы [3; 165, 168].

Наши наблюдения, выполненные на материале полидиалектного дифференциального словаря, относятся именно к уровню диалектного языка, т. е. речь пойдет о разнодиалектных синонимах.

В настоящей работе для словообразовательного анализа однокоренных синонимов избраны наименования растений — цветов, ягод, трав, кустов, деревьев и др. Всего в СРГК выявлено 90 синонимических рядов такой семантики.

В работе ставится задача установить словообразовательные связи в рядах однокоренных синонимов, выделить наиболее характерные форманты, учитывая отсутствие семантических различий в синонимических рядах, попытаться определить, сколь частотны дублетные наименования.

К сожалению, СРГК не всегда точно указывает, названием какого конкретно вида растений является фиксируемая лексема. Так, *арани́ка* и *борони́ка*, по-видимому, оказываются разными наименованиями одного и того же вида — съедобных черных ягод: *Арани́ка* — ‘название ягоды и растения’: *Арани́ка — черная ягода это такая, мы называем панаброй, на панабре ягод нет, она похожа на эту, это — арани́чник.* Медв. *Борони́ка* — ‘ягода’: *Борони́ки еще есть с косточкам, по земле тянется.* Сег. Генетически связанные, лексемы, по-видимому, являются синонимами, но в нашей работе такого рода явления не рассматриваются[1].

Как и в частных диалектных системах, в наших материалах преобладают двучленные синонимические ряды (62 из 90 ≈ 70 %). Пары синонимов представляют собой или кодериваты общей мотивирующей основы (25), или словообразовательную пару (37).

Словообразовательную парадигму составляют следующие ряды. Дериватами лексемы *земляной* являются *земляни́ца (земяница)* и *земля́нка* ‘земляника’: *Ягод у нас иной год много бывае, черница, земляни́ца, малина.* Медв. *На борах земяни́ца уже есть.* Прион. + Белом., Карг., Кириш., Кондоп., Лод., Онеж., Плес, Подп. *Черника растет, земля́нка, брусница*. Тихв + Белоз., Бокс, Вашк., Выт., Код., Кирил., Кириш., Лод., Люб., Онеж., Пест., Плес, Уст., Чаг., Чер., Шексн.

Однокоренные синонимы *кобыли́ка, кобыли́ца* ‘куманика’ образованы, по-видимому, от одной производящей основы *кобыла* с помощью разных суффиксов: *Кобыли́ка есть, такие ягоды, темно-красные, крупинки как у малины, может, это и ежевика.* Подп. *Ягоды кобыли́цей называют, а напротив их и морошка расте.* Подп.

Слова равной смысловой и формальной сложности *шля́пник* и *шляпня́к* — дикий клевер мотивированы основой *шляпа*: *шля́пник — на земнины растет клевер, цветы такие, разны головки.* Медв.; *шляпня́к — это цветки такие, как клевер.* Медв.

Для слов равной смысловой и формальной сложности *медвежа́тник, медве́жник* ‘мох’, по-видимому, производящей основой является общерусское слово *медведь*: *Обложат девять углов,*

сунут срубы, их запятнают и заложат медвежатником, мхом черно-зеленым, между пазм, а потом балки кладут. Кондоп. *Потом на мох ставят, натянут моху в болоте, сначала мох настелется, а потом уж бревно кладут, мох медве́жник брали, потом под потолок венец кладут.* Кондоп.

Пара тождественных синонимов *круши́нка* и *круши́нник* ‘разновидность березы с шершавыми листьями’ словообразовательно связана с общерусским словом *крушина* ‘небольшое лиственное дерево или кустарник с ломкими ветвями и черными несъедобными плодами’ [8; 303]. Однако нельзя не заметить семантическую разницу между общерусским и диалектными словами. Свойства данного вида березы, возможно, находят отражение в названии. Так, М. Фасмер лексему *крушина* мотивирует глаголом *крушить*, т. е. название растения может быть связано с хрупкостью его древесины [9]. Иллюстрации из СРГК в данном случае не проясняют вопрос: *Круши́нник — ой не гладкий, береза така.* Плес. *Пастух выбирает круши́нку и надрезает оболонь.* Тихв.

Трехчленный ряд однокоренных слов может включать производящую и производные основы — кодериваты, например: *бред (брёд), бреди́на, бредень* ‘вид ивы’: *Ива, бреди́на, бред разновидность ивы, широкий лист такой*. Лод. + Пест. *Бреди́на — это куст есть такой.* Чуд. + Бокс, Вашк., Лод., Уст. *Для корзины берут — молодую гибкую однолетнюю иву, бре́день называется.* Чуд.

Лексема *бред*, восходящая к глаголу *брести* (ива растет на сырых местах) [9], является производящей основой для остальных однокоренных наименований, поскольку *бреди́**на*** и *бре́д**ень*** — слова равной смысловой и формальной сложности. Таким образом, синонимический ряд однокоренных слов представляет собой словообразовательную парадигму.

Аналогичный пример трехчленного синонимического ряда с первым компонентом — производящей основой: *оле́ша, оле́ш**ина**, оле́ш**ница*** — ольха̊: *Теперь вода только до той оле́ши доходит, дальше не идет.* Чуд. *Деревья разные: сосна, оле́шина, рябинина.* Люб. *Одонья, это наскут оле́шницы да березника и настелят, чтобы сено не прогнило*. Тихв.

Производящей основой для синонимического ряда *стрекава (стракива), стрека́вина, стрека́вка ʹ* крапива’ является первый член ряда: *Стрекавы, говорят, нарви поросятам.* Бат., Новг. *Стрекивой руку ошпарила, когда полола*. Пест. *Стракивой парились от простуды в байне.* Пест. + Бокс., Лод., Пуд., Чуд., Хвойн., Шим. *Стрека́вина-то кака выросла, жжется.* Чуд. + Тихв., Шим. *Еще в огород поедешь, стрека́вкой засеку*. Лод.

Не всегда производящая основа оказывается в ряду однокоренных синонимов. Синонимический ряд *смета́нка, сметанница, смета́нник* вид травы (какой?)’, включающий на первый взгляд семантические диалектизмы, вполне соотносительные с *молочником* и *молочницей* (‘сорная трава’), мотивирован, по-видимому, не общерусским существительным *сметана*, а глаголом *сметать* (‘сгребая, собирать в одно место, в одну кучу̊) [8]: *Смета́нка, трава такая хорошо косить.* Плес. *Сметанница, она между пуховашкой растет и так косить-то хуже, чем пуховашку, она мягка, стюкнул, она сломилась и как волоса пригладил.* Онеж. *Смета́нник вон там, на берегу расте, с толстой головкой.* Тер.

Ши́пи́ца, шипи́чник (шиписник), шипичняк (шипишняк) —ʹ дикая роза с простыми не махровыми цветками; шиповник̊: *А в поле у нас да в лесу шипи́ца растет, алые такие цветы на кустах, колючая она; шиповник.* Кирил. *А шиповник раньше шипи́ца называлась*. Пуд. + Карг., Онеж. *Шипи́сник — куст такой, с розовыми ягодками, лечебный тоже.* Тер. + Карг., Кирил., Кондоп., Онеж., Прион. *Шипицня́к-то на пожнях растет, баски цветоцки у него.* Карг. *Я никогда не завариваю цаи, шипишнику накладу, кореньев.* Шексн.

Ши́пи́ца, шипи́чник (шиписник), шипичняк (шипишняк) — слова равной смысловой и, по-видимому, формальной сложности. Производящей основой для *ши́пи́цы* является основа общерусской лексемы *шип* . В свою очередь, *ши́пи́ца* может рассматриваться как производящая основа для *шипич**ник** (шипис**ник**), шипич**няк** (шипиш**няк**)* со свойственными для северного наречия чередованиями в корне *ц/ч/с/ш*. Таким образом, синонимический ряд представляет собой словообразовательную парадигму лексемы *ши́пи́ца.*

Синонимический ряд такого типа может насчитывать и более трех членов: *со́сник, сосни́на, сосну́шка, сосня́к* сосновый лес̊: *Буряга все уронила: и со́сник, и ельник.* Пест. *За ягодами по сосни́не ходим.* Чер. + Кад. *Волнушки, красички, на сосну́шках растут.* Выт. *Кобыльник ростё и по сухим местам, сосня́гу.* Тихв. + Карг., Кириш., Медв., Подп., Шексн.

При равной смысловой и формальной сложности производящей основой для данного ряда является основа общерусской лексемы *сосна.*

Еще один пример словообразовательной парадигмы, производящая основа которой входит в синонимический ряд, — *гла́жа (гла́ша* и *гло́ша), гла́жка, глажу́ха, гла́жен* ягода морошка̊: *Морошка-то, гла́жа-то, верно красится, там на болоте растет.* Бокс. *Уж гла́ша в конце июля будет.* Люб. *Есть черника, брусника, гло́жи*. Тихв. + Волх., Медв., Онеж., Подп. *За ягодами была, гла́жек набрала*. Кириш. *Они*

только идут еще, а у меня уже полведерочка глажу́х набрано, морошка, по-деревенски гла́жи. Тихв. *Раньше морошку называли гла́жен*. Кириш. *Морошку у нас даже больше гла́жены зовут.* Бокс.

Однокоренные синонимы образованы с помощью разных суффиксов: *глажа* → *глаж**к**а, глаж**ух**а, глаж**ен**.*

Ве́рес (ве́реск[1]*, ве́рест, ве́рёс), вере́сик, вереси́на, вересни́к (вере́зник), вересо́вник* можжевельник: *Ве́рес — это можжевельник растет, ве́рес называется, из вереса-то подойники раньше делали.* Лод., Тер. *По лесу ве́реск растет, он не долгий, так ширится широконький.* Подп., Пуд. + Медв. *Вере́сик и мох везде.* Пуд. *Вереси́на в больше дерева не вырастает, в лесу растет, на ей ягодка черная растет.* Тихв., Кириш + Бокс., Чуд. *Кусты вересовые бывают, вересни́к.* Канд. *Есть вере́зник — это куст такой, на ём ягоды растут.* Шексн. + Сег. *Медведь, у него сваленность об этот вересо́вник, а потом в него те раз стреляли, ну и попали в мишку-то, а вересо́вник свленный, он так и лежит.* Медв.

Перед нами словообразовательная парадигма лексемы *ве́рес: верес**ик**, верес**ин**а, верес**ник**, верес **овник**.*

Тождественные синонимы в говорах возникают не только в результате образования от одной производящей основы ряда дублирующих образований. В наших материалах активно создаются тождественные синонимы и в словообразовательных парах.

Единственный случай, когда нет отсылки в СРГК при толковании одного слова другим, — семантические диалектизмы *берёза*[2] и *берёзка*[2] (*берёза* → *берёз**к**а*). Однако при сопоставлении дефиниций обеих статей приходим к выводу о тождественности значений. Ср.: *Береза* — ‘комнатное растение (китайская роза?)’. *Берёзка* — ‘комнатное растение с листьями, похожими на листья клена, с белыми цветочками наподобие роз’. Приведем примеры: *У нас этот цветок берёза называется.* Пуд. *А кустик зелененький цветет белым, как бархаточки, бархатками цветет, то берёзка*. Вашк.

Словообразовательной парой являются синонимы *гла́дыш* и *глады́шник* — береза с гладкими блестящими листьями: *Есть березка с гладким листом, а есть мохнатая; гладкая, аж лоснучая, называется гла́дыш.* Медв. *Гла́дыш — это такая береза, на возвышенных местах растет, на гривах.* Плес. + Кондоп., Онеж., Подп. *Береза разна, глады́шник есть, лист гладкий, мохнач совсем не такой.* Медв.

Такие же деривационные отношения и в следующих парах: *ме́гла* и *меглина́* — лиственница: *Дерев много. Сосна, ель, мегла́, славится мегла́, самая хорошая лесина.* Карг. *Меглина́ ростет, как сосна-то, иглы малюшкие*. Плес.;

беломой, беломо́йка‘ растение белый клевер: *Придешь с покоса черная и намываешься беломо́ем.* Кад. + Чер. *Девки румянили щеки беломо́йкой.* Кад.;

девятиси́л и *девятиси́льник*‘ растение девясил: *Девятиси́л-то возьми и превязывай, легче будет.* Пест. *Девятиси́л наподобие лопуха, только лист долгий, как у хрена, цвет большой, желтый.* Лод. *У девятиси́льника корень настаивают, листом в байне трутся.* Лод.

Большой интерес вызывает словообразовательный формант в паре *ме́рля, мерле́ш* трава(?): *Ме́рля — трава, как табак такой. Напихаешь ей в трубку.* Подп. *Ме́рлеш растет здесь, длинная трава. На конце — как табак. Осенью и рассыплется.* Подп. Как видим, СРГК не дает точного названия растения. М. Фасмер лексемы *мерлуха, мерлушка* ‘барашковая шкурка’ соотносит с румынским словом *mierl* ‘ягненок’ [9]. Возможно, в наших говорах сохраняется *мерля* (от *mierl*) в качестве метафорического названия травы. Итак, *ме́рля* и *ме́рлеш* — словообразовательная пара с редким суффиксом *-еш*.

Неоднозначным представляется решение вопроса о деривационных отношениях пары семантических диалектизмов *моло́чник* и *моло́чница* сорная трава, лебеда’: *Кормят травой молошник поросят, зелена, высока, вот как мак, растет долга, и листья как у мака, как молоко.* Кириш. *Молочник в рассаднике надо выполоть.* Пуд. + Бат., Кирил., Под., Новг., Тихв., Шим. *У кульцихи-то розовы цветоцки, а у молоцницы желтенькие; не вырвешь, дак высока вырасте.* Карг. *Всякие сорняки молочницей называли*. Пуд. + Тихв., Онеж.

Как известно, в литературном языке одушевленные существительные, с которыми соотносительны названия растений, связаны отношениями производности: от существительного мужского рода образуется существительное женского рода. Этому не противоречит генетическое родство диалектизма с польским *mlecznik* ‘растение’, на что указывает А. С. Герд [5: 8; 323].

Учитывая этимологию названия, восходящего, по-видимому, как и общерусское название ядовитой травы *молочай,* к *молоку*, а также неодушевленность существительных, нельзя исключить вариант кодеривации.

Сочетание синтагматических и парадигматических связей обнаруживается в рядах однокоренных синонимов, включающих в себя три и более компонента.

Свини́ца, свину́ра́, свину́рница — ягода толокнянка̊: *Есть ягода черная, называется свини́ца, мельце церники, на ей есть красная звездоцка, с противоположной стороны корня.* Пуд. *Свину́ра-то на боровинах растет, така чёрна, мелкая, кисточками похожа на смородину, на черемушку похожа, вкусней, как вородушка, там зернышек нету.* Карг. *Свину́ра на кустах растет, на канабренник похожа.* Пуд. *Это свину́ра росла, свину́рница, она не кисла така да соцна.* Карг.

*Свин**у́р**а, свин**и́ц**а* мотивированы лексемой *свиной*, которая, как указано в «Словаре русских народных говоров», присутствует в названиях ягод. Так, *свиная брусника* — это ягоды толокнянки *(Олон* .) [7]. А дублетное наименование *свину́р**ниц**а* — производное от *свину́ра́.*

Ель, е́льнишня, ельня́к (ельня́г), ельня́жек (ельня́жка) — еловый лес, ельник̊: *Лошади заходят в ель, задами к солнцу, а головами в тень, такое место, лошадиное дворище.* Карг. *Пойдем в е́льнишню, там прохладно.* Тихв. *Ельня́ги у нас темные, густые.* Люб. *Ельня́ку мало.* Лод. + Бокс., Канд., Кирил., Кириш., Медв., Подп., Тер., Тихв., Уст., Чуд. *Там волнушки были, ельня́жек молоденький, по пожням растут.* Тихв. *Медведь сивый выходит из ельня́шка.* Лод.

Ель, как видим, используется в говорах в собирательном значении. Однокоренные синонимы*ель **ня́к** (ель**ня́г**), е́ль**нишн**я* образованы от производящей общерусской основы *ель* с помощью разных суффиксов.

В свою очередь, *ельня́г / ельня́к* — производящая основа для *ельня́ж**ек** (ельня́ж**к**а).* Таким образом, перед нами словообразовательная цепочка: *ель → ельняг → ельняжек*.

Примечательно, что тождественные синонимы *ельня́к, ельня́жек и е́льнишня* зафиксированы на одной территории — в говорах Тихвинского района Ленинградской области.

Золоти́нка, золоту́ха, золотни́к, золотни́чка — ’полевая гвоздика, используемая в народной медицине для лечения золотухи’: *Траву эту золоти́нкой звали.* Медв. *Золоту́ха трава есть, она блестит, когда ее в воду положишь, сушат ей да заваривают, золоту́ха растет на сухих местах, на кряжках, на теребах.* Белом. *Золотни́к заваривают и пьют, чтоб золотухи не было.* Карг. *Если у кого золотники, надо взять траву, эта трава золотни́цка.* Медв.

Лексема *золотуха* — семантический диалектизм, результат метонимического переноса с заболевания *золотуха (желтуха).* Синонимический ряд *золоти́нка, золотуха, золотни́к,* по-видимому**,** словообразовательная парадигма лексемы *золото*; один из членов парадигмы становится производящей основой еще для одного синонима: *золотни́к — золотнич**к**а.*

Сложные деривационные связи просматриваются и в другом, пятичленном, синонимическом ряде: *резу́н*[1]*, резуне́ц, резу́нья, резу́ха, резу́к* ‘ трава осока’: *Осока така — резу́н, широка*. Сег. + Бат., Выт., Кад., Карг., Кинг., Прион., Тихв., Чер., Шексн., Вашк., Кирил., Медв. *Трава резуне́ц, проведешь, так руку режёт.* Карг., Медв., Плес, Чер*. Там осота — трава такая растёт, резу́нья. Осота эта не резунья, есть осота такая, как резунья.* Онеж., Баб. *Резу́ха — трава широкопорая, не волосяная, как на поле, осокой теперь называют.* Тихв. + Кириш., Сланц. *У нас траву осоку резу́к называют.* Лод.

В данном случае тождественные синонимы *резу́**н**[1]*, *резу́**х**а, резу́**к*** представляют собой словообразовательную парадигму глагола *резать* или диалектного слова *реза*, известного южнорусским говорам: *Реза* ‘ растение Carex acatiformis Shrh, сем. осоковых, осока островатая’: *Резак растет в болоте, иде камыш. Такая трава острая, порезаться можно.* Дон, 1975 [7]. А *резун,* как видим, мотивирует образования *резун**ец**, резун**ья**.*

Территория функционирования членов данного синонимического ряда, как свидетельствует СРГК, неодинакова. На одной территории возможно употребление лексем *резу́н* и *резуне́ц* — Каргопольский район Архангельской области и Череповецкий район Вологодской области. В говорах Тихвинского района Ленинградской области *резу́н* зафиксирован наряду с *резу́хой.* Пятый член синонимического ряда *резу́к* встречается в говорах Лодейнопольского района Ленинградской области.

Среди выявленных в «Словаре русских говоров Карелии» синонимических рядов разных видов растений самая многочисленная группа (46) — наименования трав.

Не всегда СРГК четко указывает, названием какого конкретного вида растения является фиксируемая лексема: *мёрля* трава (какая?); *сметанница* вид травы (какой?).

В синонимических рядах этой группы слова с нечленимой основой нередки: *верес* ‘можжевельник’, *хвоща* ‘полевое растение хвощ̊, *лист* ‘низкая луговая трава с широкими листьями’, *ме́гла* ‘лиственница’, *ме́рля, мур*[1] ‘густо растущая молодая трава; мурава’, *сор*[1] ‘сорная трава,

сорняки’, *тре́ста (тро́ста)* ‘осока’ и др.

В развитии однокоренной синонимии в этой группе используются уменьшительные и увеличительные суффиксы: *вере́сик, медушка* ‘растение’, *росяничо́к* ‘растение, трава (какая?)’, *смета́нка, стрека́вка, тре́стка, хле́бушко* ‘растение клевер’; *ломушина* ‘валежник’, *вереси́на.*

В самой многочисленной группе синонимических рядов частотны словообразовательные пары с оппозицией по грамматическому роду (в 30 из 46): б*еломо́й — беломо́йка* ‘растение белый клевер’, *ва́хка (ва́фка и ва́хта) — вахко́вник* ‘трава трилистка, трефель’; *денежник — денежница* ‘лекарственное травянистое растение’, *желе́зник² — желе́зница* ‘трава с колючими листьями’, *желтоголо́вик — желтоголо́вка* ‘название травянистых растений с желтыми цветками’, *калг´анка — калг´анник* ‘растение калган’, *канабра² — канабренник* ‘багульник болотный’, *ме́тли́ца — метли́чник* ‘трава с метельчатым соцветием’, *моло́чник² — моло́чница, осенчак² — осенчуха* ‘отава, скашиваемая осенью’, *ра́мжа́ — рамжа́к* ‘вид травы’, *резу́н, резуне́ц — резу́нья, резу́ха, репейня — репень, свисту́лька² — свисту́льник* ‘тысячелистник’, *смета́нник² — сметанница, суставник — суставница* ‘лекарственна трава’, *треу́шник — треу́шица* ‘болотное лекарственное растение, трефоль’, *хво́ща — хвощени́к.*

Синонимические ряды наименований цветов немногочисленны (6), из них два ряда содержат непроизводные лексемы (*бере́за, квет*).

Образование рядов тождественных синонимов этой группы связано, на наш взгляд, с активным употреблением в говорах уменьшительно-ласкательных суффиксов: *-к* (*берёз**к**а, боб**к**а, калиточ**к**а*), *-ок/-ек* (*квет**ок**, но́жичек*), *-ушк (боб**ушк**а).*

Так, выделяются две словообразовательные пары, членами которых являются диминутивы и их производящие: *квет → кето́к² ‘*цветок̀; *кали́тка³ →кали́точка* ‘цветок ромашка’.

В двух парах объединяются два диминутива-кодеривата, но ряд не включает мотивирующего слова: *бо́бушка² → бо́бка²* любой цветок̀; *но́жик, но́жичек* ‘растение ирис’.

Система взаимоотсылок однокоренных наименований цветов в СРГК (*калиточка²* — То же, что *кали́тка*[3]) позволяет предположить, что в описанных случаях имеет место явление десемантизации диминутивов с собственно уменьшительно-ласкательным значением в диалектах. На возможность десемантизации диминутивов в говорах указывают Ю. С. Азарх [1; 159—162] и Н. В. Свешникова [10].

Кроме суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением, для образования слов в синонимических рядах этой группы используются суффиксы *-ник (шляп**ник**, шипи́чник), -няк (шипиш**няк**, шлеп**няк**),*

*-иц(а) (купал**иц**а, шип**иц**а).*

Синонимические ряды, составленные наименованиями цветов, содержат от двух (*бо́бка* и *бо́бушка*; *купа́ва* и *купа́лица*) до трех (*шипи́чник* (*шипи́сник*), *шипичня́к (шипишня́к*), *шипи́ца*) тождественных синонимов.

Среди слов, называющих ягоды разного сорта, существительные с нечленимой основой встречаются редко: *сморо́да* (‘смородина’), *гла́жа* (‘морошка’), последняя этимологически связана с прилагательным *гладкий,* как свидетельствуют М. Фасмер [9] и А. С. Герд [5].

При образовании однокоренных синонимов — наименования ягодных растений (15 рядов), как правило, используются суффиксы, среди которых мотивированные видовым названием суффиксы существительных женского рода *-иц(а), -ик(а)*: *глуши́ца, земляни́ца, журави́ца, клубн**иц**а, княж**иц**а, кобыли́ца, смород**иц**а, свин**иц**а; кобыл**ик**а.*

Поскольку для названия сорта ягод смежными являются собирательные существительные, называющие ягодные места, то частотным оказывается суффикс *-ник*, широко известный для обозначения ягодных мест в русском языке (*малинник, черничник*): *аранич**ник,** глуши́н**ник**, сморо́д**ник,** толоко́н**ник.***

Также для образования наименования ягод используются десемантизированные уменьшительный и увеличительный суффиксы*: глаж**к**а, землян**к**а, сестрёнка, сни́жинка, толокон**к**а; глуши́на, журав**ин**а, морош**ин**а, толокон**ин**а.*

Немногочисленна (11) группа синонимических рядов, связанных с наименованиями деревьев.

Среди слов, называющих различные виды деревьев, четыре с нечленимой основой: *оле́ша* ‘ольха’, *ме́гла* ‘лиственниц̀а, ‘*ра́йда’ ‘* ив̀а, *бред* ‘вид ивы’.

Продуктивным в этой семантической группе оказывается суффикс

-ин, в качестве исторического присутствующий в названиях кустов и деревьев (*осина, рябина*): *бред**ин**а, жар**ин**а, мегл**ин**а, олеш**ин**а, райд**ин**а, топол**ин**а, черёмуш**ин**а, черемш**ин**а.*

Активно используется характерный для собирательных существительных (*осинник, ельник*)

суффикс *-ник*, однако в говорах он употребляется для образования конкретных существительных: *гладыш**ник**, жаров**ник**, круши́нник, рябин**ник**.*

Синонимические ряды, составленные наименованиями разных видов деревьев, содержат от двух (*гла́дыш* и *глады́шник*; *тополи́на* и *тополи́нина*) до четырех (*жари́на, жарня́к, жаро́вник, жарынья́к*) однокоренных слов с тождественным значением.

В отличие от рассмотренных семантических групп, ряды однокоренных синонимов — наименований рощ, лесов и групп деревьев, растущих вместе (7), отличаются наличием семантически значимого суффикса. Собирательные имена существительные, как правило, производные, мотивированы названиями конкретных видов деревьев, исключение в наших материалах составляет используемое в метонимическом значении непроизводное слово *ель*.

Способ образования тождественных слов в синонимическом ряду — суффиксация, причем суффиксы *-ник* и *-няк* обладают выраженным словообразовательным значением: *олеш**ник** (олёшник), райдо́в**ник**, сосн**ик**; ель**ня́к** (ельняг), олеш**ня́к** (олышеня́к, ольшня́к), сосн**я́к** (сосняг), черемшняк*.

Из прочих суффиксов обращают на себя внимание уменьшительные и увеличительные суффиксы, используемые здесь с особым, диалектным, словообразовательным значением: *борови́нок, ельня́жек, ельня́жка, сосну́шка; борови́на, сосни́на, чащи́на,*

Синонимические ряды, составленные наименованиями совокупности деревьев, содержат от двух (*райдина* и *райдовник*; *черемушанник* и *черемушняк*) до пяти тождественных слов (*сосник, соснина, соснушка, сосняг, сосняга*).

Итак, явление однокоренной синонимии в избранной семантической группе слов обусловлено суффиксацией. Тождественные в своем значении, однокоренные наименования растений разных видов представляют собой лексические дублеты.

Во всех семантических группах преобладают двучленные ряды синонимов — словообразовательные пары и кодериваты.

Многочленные синонимические ряды представляют собой по-разному организованные звенья родственных слов — сочетание парадигматических и синтагматических связей.

В большинстве случаев наблюдается десемантизация суффиксов не только уменьшительных и увеличительных, но также с собирательным и сингулятивным значением, на что указывает контекст, в котором зафиксирована та или иная лексема.

Ряды однокоренных слов способствуют удержанию древних лексем в активном словаре (*бред, верес, мерля, журава, смородa*).

Как свидетельствуют географические пометы, тождественные наименования растений можно отнести к явлению синонимии на уровне диалектного языка, которое отличается от уровня частной диалектной системы наличием многочленных рядов со сложными деривационными связями.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В беломорском говоре, по наблюдениям Д. П. Ерофеевой, встречается лексема вороника: есть ягода вороника, похожа на чернику, сладкая, твердая, ее толкут и варят варенье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарх Ю. С. Однокоренные синонимичные существительные в частной диалектной системе // Русская диалектология : лингвогеографический аспект. М., 1987. С. 159—162.

2. Аванесов Р. И. Введение // Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964. С. 7—28.

3. Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию : материалы для спецкурса. Томск, 1973. 257 с.

4. Герд А. С. Предисловие // Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994. Вып. 1. С. 3—13.

5. Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб., 1995. С. 85—107; Вып. 7. СПб., 1999. С. 117—139; Вып. 8. СПб., 2004. С. 173—235; Вып. 9. СПб., 2008. С. 209—262; Вып. 10. СПб., 2009. С. 144—176.

6. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. СПб., 1994–2005.

7. Словарь русских народных говоров: в 43 вып. / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 2010. Вып. 36.

8. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. М., 2004.

9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986—1987.

10. Свешникова Н. В. Модели диминутивного словообразования в русских говорах [Электронный ресурс]. URL: http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/diminutiv.html, свободный.

REFERENCES

1. Azarkh Yu. S. Similar root synonymous nouns in private dialect system [Odnokorennye sinonimy v chastnoy dialektnoy sisteme] // The Russian dialectology: Lingvogeografical aspect. M., 1987. P. 159 – 162.

2. Avanesov R. I. Introduction [Vvedenie] // The Russian dialectology / under the editorship of R. I. Avanesov and V. G. Orlova. M., 1964. P. 7—28.

3. Blinova O. I. Introduction in a modern regional lexicology: Materials for the special course [Vvedeniye v sovremennuyu regionalnuyu leksikologiyu]. Tomsk, 1973. 257 p.

4. Gerd A.S. Preface [Predisloviye] // The dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas. Vol. 1. Spb, 1994. P. 3—13.

5. Gerd A.S. Materials for the etymological dictionary of the North Russian dialects [Materialy dlya etimologicheskogo slovarya severnorusskikh govorov] // The North Russian dialects. Vol. 6. Spb 1995. P. 85—107;Vol. 7. Spb, 1999. P. 117—139;Vol. 8. Spb, 2004. P. 173—235;Vol. 9. Spb, 2008. P. 209—262; Vol. 10. Spb, 2009. P. 144—176.

6. The dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas: in 6 v. [Slovar russkikh govorov Karelii]. Spb., 1994—2005.

7. Dictionary of the Russian national dialects: in 43 v. / hl. edition F.P. Sorokoletov. Vol 36. SPb, 2010. [Slovar russkikh narodnykh govorov]. Spb., 2010.

8. The modern explanatory dictionary of the Russian language / Under the editorship of S.A.Kuznetsov. M, 2004. [Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka].

9. Fasmer M. Etymological dictionary of Russian: in 4 t. M, 1986—1987. [Enimologicheskiy slovar russkogo yazyka].

10. Sveshnikova N. V. Models of diminutive word formation in the Russian dialects. [Modeli deminutivnogo slovoobrazovaniya v russkikh govorakh]. (http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/diminutiv.html).

Single-root synonyms — names of plants in in «Dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas»

EROFEEVA Dar'ya
graduated in 2013,
Petrozavodsk State University
Faculty of Philology,
Petrozavodsk, palna-89@mail.ru

MARKOVA Nina
PhD in Philology,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University
Faculty of Philology
Chair of Russian language,
Petrozavodsk, markova_nina@mail.ru

Keywords:
single-root synonyms
private dialect system
dialect language
word-formation syntagma
word-formation paradigm
co-derivates
word-formation couple

Summary:
The article considers ranks of single-root synonyms, established according to "The dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas", in word-formation aspect. For consideration names of plants are chosen: herbs, flowers, trees. At the level of dialect language, as well as in private dialect systems, synonymic ranks are mainly presented by couples of synonyms — word-formation couples and coderivates.
Synonymic ranks with a large number of members (from 3 to 7) reflect difficult derivational communications: syntagmatic and paradigmatic.
The revealed synonymic ranks developed as a result of an active suffixation. In case of identity of lexemes in synonymic ranks the process of loss of meaning in suffixes, especially suffixes of value judgment, is distinctly noticeable.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 339.976.4

Анализ программного бюджета Республики Карелия с целью определения приоритетов финансирования приграничного сотрудничества

ИСАКОВ Владимир Александрович
кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой экономики и финансов,
Петрозаводский государственный университет,
экономический факультет,
Петрозаводск, isakov@petrsu.ru

ВОЛК Диана Олеговна
студентка IV курса,
Петрозаводский государственный университет,
экономический факультет,
Петрозаводск, artemidav@yandex.ru

Ключевые слова:
Приграничное сотрудничество
региональный бюджет
программно-целевой метод бюджетирования

Аннотация:
На 2014—2020 гг. планируется программа приграничного сотрудничества в еврорегионе «Карелия». Для получения финансовой поддержки от Европейского фонда регионального развития необходимо выбрать четыре приоритета программы из числа десяти, разработанных в соответствии со стратегией «Европа 2020». Для принятия взвешенного решения по выбору приоритетов следует найти общие проблемные направления развития в граничащих регионах либо, наоборот, общие сильные места. Одной из задач для достижения этой цели является анализ государственных программ Республики Карелия в сопоставлении с возможными приоритетами приграничного сотрудничества, который позволяет определить те сферы, которые недофинансируются на региональном уровне, и те, которые на уровне субъекта России имеют хорошую финансовую базу для приграничного сотрудничества.
Проанализировав 17 региональных государственных программ, мы пришли к выводу, что финансирование приоритетов «Развитие бизнеса и МСП» и «Улучшение доступности регионов, развитие транспортных и коммуникационных сетей и систем» за счет средств программы приграничного сотрудничества позволит Республике Карелия решить проблемы с недостаточной обеспеченностью этих целей финансовыми ресурсами. И, наоборот, реализация государственных программ обеспечивает кадровый потенциал для приграничного сотрудничества по приоритетам «Поддержка образования, науки, развития технологий и инноваций», «Развитие местной культуры и сохранение исторического наследия», «Развитие социальной интеграции и борьба с бедностью». Эти выводы наряду с другими аналитическими материалами должны быть использованы для разработки программных документов по приграничному сотрудничеству.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Республика Карелия вместе с финскими региональными союзами Кайну, Северная Карелия и Оулу составляет еврорегион «Карелия», в котором активно протекают процессы приграничного сотрудничества. С целью поддержки сотрудничества в еврорегионе реализуются специальные программы, имеющие собственный бюджет. На 2014—2020 гг. планируется программа приграничного сотрудничества, в финансировании которой примут участие Россия и Финляндия, и которая получит дополнительное финансирование из Европейского фонда регионального развития. Общий объем средств может составить порядка 70 млн евро.

Распределение средств будет осуществляться на основе программно-целевого подхода. Для его реализации необходимо определить основные приоритеты для финансирования проектов в сфере приграничного сотрудничества, определить целевые индикаторы, по которым будет оцениваться успешность и эффективность программы, а также распределить средства между приоритетами.

Для получения финансовой поддержки от Европейского фонда регионального развития следует руководствоваться соответствующими правилами [4]. Согласно им для программ приграничного сотрудничества необходимо выбрать четыре приоритета из числа возможных. Выбор должен быть сделан из следующих приоритетов, разработанных в соответствии со стратегией «Европа 2020»:

1. Развитие бизнеса и МСП.
2. Поддержка образования, науки, развития технологий и инноваций.
3. Развитие местной культуры и сохранение исторического наследия.
4. Развитие социальной интеграции и борьба с бедностью.
5. Поддержка местного и регионального управления.
6. Охрана окружающей среды, адаптация к изменению климата и предотвращение природных катастроф.
7. Улучшение доступности регионов, развитие транспортных и коммуникационных сетей и систем.
8. Общие вызовы в сфере безопасности.
9. Развитие сотрудничества в энергетике.
10. Развитие пограничного контроля и безопасности границ.

При этом следует учитывать, что приграничное сотрудничество должно быть направлено либо на решение общих проблем, выявленных совместно в приграничных регионах, либо способствовать реализации ранее неиспользованного потенциала в приграничной зоне [4].

Нам представляется, что для выявления как проблемных зон, так и потенциально сильных направлений сотрудничества Республики Карелия с приграничными регионами Финляндии необходимо проанализировать программный бюджет Республики Карелия, чтобы определить те сферы, которые получают достаточное бюджетное финансирование (и, соответственно, имеют хорошую финансовую базу для развития приграничного сотрудничества) и которые недофинансируются на уровне региона (и, соответственно, могут получить недостающие средства из бюджета программы приграничного сотрудничества). Безусловно, данный подход не может служить единственным и даже основным обоснованием выбора приоритетов для приграничного сотрудничества, но он способствует принятию взвешенного решения по этому вопросу.

Республика Карелия в 2014 г. должна принять 17 государственных программ. Проекты этих программ к настоящему моменту разработаны, и с ними можно ознакомиться на сайтах соответствующих министерств. Несмотря на то что далеко не все программы еще утверждены, Министерство финансов республики уже с 2013 г. осуществляет аналитическое распределение расходов республиканского бюджета в их разрезе [1]. Программный метод планирования бюджетных расходов не только улучшает качество государственного управления, но и делает бюджетные распределения более прозрачными. С его помощью все расходы привязываются к определенным направлениям развития региональной социально-экономической системы. Сопоставление направлений, заданных госпрограммами, и приоритетов приграничного сотрудничества, установленных Еврокомиссией, представлено в табл. 1.

Таблица 1

Сопоставление государственных программ Республики Карелия
и приоритетов приграничного сотрудничества

Государственная программа	Приоритеты приграничного сотрудничества
Развитие здравоохранения в РК	Общие вызовы в сфере безопасности
Развитие образования в РК	Поддержка образования, науки, развития технологий и инноваций
Социальная поддержка граждан в РК	Развитие социальной интеграции и борьба с бедностью
Доступная среда в РК	Общие вызовы в сфере безопасности. Развитие социальной интеграции и борьба с бедностью
Обеспечение качественным жильем и услугами ЖКХ в РК	Развитие социальной интеграции и борьба с бедностью. Охрана окружающей среды, адаптация к изменению климата и предотвращение природных катастроф
Содействие занятости населения в РК	Развитие социальной интеграции и борьба с бедностью
Культура РК	Развитие местной культуры и сохранение исторического наследия
Развитие физической культуры, спорта, туризма и повышение эффективности реализации молодежной политики РК	Развитие бизнеса и МСП
Экономическое развитие и инновационная экономика РК	Развитие бизнеса и МСП. Поддержка местного и регионального управления
Информационное общество в РК	Улучшение доступности регионов, развитие транспортных и коммуникационных сетей и систем
Развитие транспортной системы в РК	Улучшение доступности регионов, развитие транспортных и коммуникационных сетей и систем
Развитие агропромышленного комплекса и охотничьего хозяйства РК на 2013—2020 гг.	Развитие бизнеса и МСП
Воспроизводство и использование природных ресурсов и охрана окружающей среды в РК	Охрана окружающей среды, адаптация к изменению климата и предотвращение природных катастроф
Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на территории РК	Общие вызовы в сфере безопасности
Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина	Поддержка местного и регионального управления. Развитие социальной интеграции и борьба с бедностью. Развитие местной культуры и сохранение исторического наследия
Эффективное управление региональными и муниципальными финансами в РК	Поддержка местного и регионального управления

Как видно из табл. 1, государственные программы и приоритеты приграничного сотрудничества выделены по различным принципам, поэтому более чем одна программа может быть направлена на достижение целей, соответствующих тому или иному приоритету, а также одна программа может быть направлена на достижение целей по нескольким приоритетам. Поэтому для дальнейшего анализа сгруппируем программы по приоритетам.

1. Развитие бизнеса и МСП.

Соответствующие государственные программы имеют следующие доли в республиканском бюджете (табл. 2).

Таблица 2

Доли расходов на государственные программы по первому приоритету, %

Государственная программа	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Развитие физической культуры, спорта, туризма и повышение эффективности реализации молодежной политики РК	0,57	0,5	0,3	0,3
Экономическое развитие и инновационная экономика РК	0,28	0,1	0,2	0,1
Развитие агропромышленного комплекса и охотничьего хозяйства РК на 2013—2020 гг.	1,39	1,1	1,1	1,1

Общая доля расходов на государственные программы в поддержку бизнеса и МСП в республика мала. Поэтому средства программ приграничного сотрудничества, будучи направленными на этот приоритет, скорее, заместят средства регионального бюджета. В то же время следует учитывать, что развитие бизнеса осуществляется не столько за счет общественных фондов, сколько за счет частных инвестиций, в связи с чем анализ бюджета в этом случае не позволяет в достаточной мере выявить наличие проблемной зоны или нераскрытого потенциала.

2. Поддержка образования, науки, развития технологий и инноваций.

Соответствующая государственная программа имеет следующие доли в республиканском бюджете (табл. 3).

Таблица 3

Доля расходов на государственную программу по второму приоритету, %

Государственная программа	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Развитие образования в РК	21,08	25,8	26,0	25,4

Доля расходов на образование в республиканском бюджете одна из наиболее высоких — около четверти всех расходов. Поэтому это хороший показатель с точки зрения выявления потенциала для приграничного сотрудничества.

3. Развитие местной культуры и сохранение исторического наследия.

Соответствующие государственные программы имеют следующие доли в республиканском бюджете (табл. 4).

Таблица 4

Доли расходов на государственные программы по третьему приоритету, %

Государственная программа	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Культура РК	2,88	2,0	2,0	2,0
Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина	0,81	0,4	0,5	0,4

Необходимо заметить, что программа «Культура РК» направлена на развитие культуры в целом, а не только местной. Программа «Развитие институтов гражданского общества…» затрагивает вопросы местной культуры лишь частично — по подпрограмме «Карьяла — наш дом». Доля расходов на культуру в региональном бюджете невелика, но сопоставима с потенциальными фондами программ приграничного сотрудничества, поэтому с точки зрения бюджетного анализа этот приоритет может представлять интерес для развития потенциала сотрудничества в сфере культуры.

4. Развитие социальной интеграции и борьба с бедностью.

Соответствующие государственные программы имеют следующие доли в республиканском бюджете (табл. 5).

Таблица 5

Доли расходов на государственные программы по четвертому приоритету, %

Государственная программа	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Социальная поддержка граждан в РК	26,77	25,3	25,9	25,5
Доступная среда в РК	0,05	0,0	0,0	0,0
Обеспечение качественным жильем и услугами	4,24	2,9	1,9	1,8

ЖКХ в РК				
Содействие занятости населения в РК	2,20	2,0	2,1	2,1
Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина	0,81	0,4	0,5	0,4

Здесь также можно заметить, что по программе «Развитие институтов гражданского общества…» не все финансирование направлено на достижение целей указанного приоритета, а только по подпрограмме для поддержки социально-ориентированных НКО.

В случае данного приоритета мы видим высокую общую долю финансирования соответствующих программ, но на сегодняшний день программа по доступной среде не обеспечена финансированием и социально-ориентированные НКО слабо поддерживаются. В связи с этим приграничное сотрудничество в данном приоритете может как обеспечить финансированием слабые места, так и воспользоваться имеющимся потенциалом. Очевидно, что конкретные цели сотрудничества по этому приоритету необходимо более конкретно сфокусировать.

5. Поддержка местного и регионального управления.

Соответствующие государственные программы имеют следующие доли в республиканском бюджете (табл. 6).

Таблица 6

Доли расходов на государственные программы по пятому приоритету, %

Государственная программа	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Экономическое развитие и инновационная экономика РК	0,28	0,1	0,2	0,1
Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина	0,81	0,4	0,5	0,4
Эффективное управление региональными и муниципальными финансами в РК	5,47	7,7	8,1	7,9

Указанные государственные программы, хотя и отнесены нами к данному приоритету, имеют очень узкую направленность. Вообще же, финансирование органов управления осуществляется в рамках всех госпрограмм, поэтому в целом данный приоритет хорошо подкреплен финансированием на республиканском уровне. В то же время вряд ли стоит рассматривать его как приоритетное направление приграничного сотрудничества само по себе. Лучше отметить, что хорошее финансирование органов управления является потенциалом, который необходимо использовать для любого из приоритетов.

6. Охрана окружающей среды, адаптация к изменению климата и предотвращение природных катастроф.

Соответствующие государственные программы имеют следующие доли в республиканском бюджете (табл. 7).

Таблица 7

Доли расходов на государственные программы по шестому приоритету, %

Государственная программа	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Обеспечение качественным жильем и услугами ЖКХ в РК	4,24	2,9	1,9	1,8
Воспроизводство и использование природных ресурсов и охрана окружающей среды в РК	2,21	2,5	2,4	2,5

По программе «Обеспечение качественным жильем…» имеется в виду финансирование подпрограммы по газификации. С точки зрения финской стороны, возможно, газификация и не является деятельностью, направленной на развитие данного приоритета. Но, несмотря на это, мы можем отметить пусть и небольшое, но достаточное финансирование соответствующих госпрограмм для того, чтобы считать это направление приграничного сотрудничества подкрепленным со стороны республиканского бюджета. Кроме того, следует учесть, что частные инвестиции в охрану окружающей среды тоже могут иметь место.

7. Улучшение доступности регионов, развитие транспортных и коммуникационных сетей и систем.

Соответствующие государственные программы имеют следующие доли в республиканском бюджете (табл. 8).

Таблица 8

Доли расходов на государственные программы по седьмому приоритету, %

Государственная программа	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Информационное общество в РК	0,31	0,4	0,3	0,3
Развитие транспортной системы в РК	12,10	8,5	8,9	10,3

Следует отметить узкую направленность программы «Информационное общество в РК» и наличие частных инвестиций в информатизацию, в связи с чем бюджетный анализ дает мало для оценки того, является ли информатизация слабым местом или, напротив, обладает сильным потенциалом.

Что касается развития транспортной системы, то доля расходов на соответствующую госпрограмму, хотя и относительно высока, но резко снижается в 2014 г. В связи с этим строительство дорог за счет средств программ приграничного сотрудничества, скорее, поможет решить проблему недофинансирования дорожного строительства, чем позволит реализовать накопленный потенциал в доступности к региону.

8. Общие вызовы в сфере безопасности.

Соответствующие государственные программы имеют следующие доли в республиканском бюджете (табл. 9).

Таблица 9

Доли расходов на государственные программы по восьмому приоритету, %

Государственная программа	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Развитие здравоохранения в РК	17,46	18,6	18,1	17,9
Доступная среда в РК	0,05	0,0	0,0	0,0
Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной	1,98	2,0	2,0	2,0

Восьмой приоритет включает в себя очень разные направления сотрудничества. Это и здравоохранение, и защита от чрезвычайных ситуаций. По крайней мере, так следует из разъяснений по подготовке программных документов для приграничного сотрудничества. Нам представляется, что здравоохранение все же не должно включаться в этот приоритет. Поэтому, несмотря на высокую долю расходов на здравоохранение в республиканском бюджете, мы не делаем по ней выводов о роли региональных финансов в определении направления сотрудничества.

Что касается финансирования защиты от чрезвычайных ситуаций, то на республиканском уровне на эти цели планируется тратить средства, сопоставимые с финансированием по программам приграничного сотрудничества, что позволяет сделать вывод о возможности использования этого потенциала в случае выбора приоритета.

9. Развитие сотрудничества в энергетике.

На республиканском уровне нет соответствующих госпрограмм.

10. Развитие пограничного контроля и безопасности границ.

На республиканском уровне нет соответствующих госпрограмм.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Бюджет Республики Карелия в настоящее время является почти полностью социальным. На экономические программы выделяется всего 8 % общих расходов. Поэтому финансирование таких приоритетов, как «Развитие бизнеса и МСП», а также «Улучшение доступности регионов, развитие транспортных и коммуникационных сетей и систем» за счет средств программ приграничного сотрудничества позволит Республике Карелия хотя бы частично решить проблемы с недостаточной обеспеченностью экономических целей централизованными финансовыми ресурсами.

Выполнение указов президента России о социальной поддержке и поддержке бюджетной сферы позволяет сохранить хотя бы кадровый потенциал для приграничного сотрудничества по приоритетам «Поддержка образования, науки, развития технологий и инноваций», «Развитие местной культуры и сохранение исторического наследия», «Развитие социальной интеграции и борьба с бедностью». Относительно неплохое финансирование деятельности органов управления также позволяет воспользоваться их потенциалом для приграничного сотрудничества, причем во всех сферах.

Анализ бюджета хорошо работает в тех сферах, в которых расходование средств осуществляется за счет общественных источников. Там же где используются частные инвестиции, бюджетный анализ не дает ответа на вопрос о наличии проблемных зон для решения их в рамках приграничного сотрудничества или достаточного потенциала для его реализации в рамках сотрудничества. Так, по приоритету «Развитие сотрудничества в энергетике» нет соответствующих госпрограмм, но, в любом случае, данный приоритет требует огромных частных инвестиций. Впрочем, маловероятно, что у России и Финляндии имеется интерес в интеграции их энергосистем. Также целесообразно оценить частные инвестиции для более глубокого понимания сотрудничества по приоритетам «Развитие бизнеса и МСП» и «Охрана окружающей среды».

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Министерство финансов Республики Карелия [Электронный ресурс]. (http://minfin.karelia.ru), свободный. Дата обращения 01.12.2013.

2. Яровой Г. О. Европейский союз для регионов : что можно и нужно знать российским регионам о ЕС / Г. О. Яровой, Е. В. Белокурова. СПб., 2012. 367 с.

3. Karelia ENPI CBC [Electronic resource]. (http://www.kareliaenpi.eu/ru), свободный. Дата обращения 01.12.2013.

4. Proposal for a regulation of the European parliament and of the council on specific provisions for the support from the European Regional Development Fund to the European territorial cooperation goal [Electronic resource]. http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/regulation/pdf/2014/proposals/regulation/

etc/etc_proposal_en.pdf). свободный. Дата обращения 01.12.2013.

REFERENCES

1. Ministry of Finance of Republic of Karelia [Electronic resource]. (http://minfin.karelia.ru). Accessed 01.12.2013.

2. Yarovoy G. O. European Union for Regions: What Russian Regions Can and Need to Know about EU [Evropeiskiy soyuz dlya regionov: chto mozhno i nuzhno znat' rossiiskim regionam o ES]. Saint-Petersburg, 2012. 367 p.

3. Karelia ENPI CBC [Electronic resource]. (http://www.kareliaenpi.eu/ru). Accessed 01.12.2013.

4. Proposal for a regulation of the European parliament and of the council on specific provisions for the support from the European Regional Development Fund to the European territorial cooperation goal [Electronic resource] (http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/regulation/pdf/2014/proposals/regulation/etc/etc_proposal_en.pdf). Accessed 01.12.2013.

Analysis of program budget of Republic of Karelia for the purpose of identification of priorities for funding CBC programs

ISAKOV Vladimir

PhD in Economics,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University
Faculty of Economics
Chair, Economy and Finance,
Petrozavodsk, isakov@petrsu.ru

VOLK Diana

4th year student,
Петрозаводский государственный университет,
экономический факультет,
Petrozavodsk, artemidav@yandex.ru

Keywords:
cross-border cooperation
regional budget
performance budgeting

Summary:
A new CBC Karelia 2014—2020 Programme is now being planned. To get financial support from European Regional Development Fund it is necessary to select four thematic priorities for the programme out of ten proposed by EC according to strategy “Europe 2020”. Reasonable decision should be based on identification of common challenges or untapped potentials in bordering regions. One of the methods to achieve this aim is analysis of state programmes in Republic of Karelia in comparison with possible thematic priorities. This analysis allows identifying those spheres that are underfunded on regional level and those that have a good financial base for cross-border cooperation. After examination of 17 regional state programmes we conclude that CBC funds for thematic priorities “Business and SME development” and “Improvement of accessibility to the regions, development of transport and communication networks and systems” can help Republic of Karelia to solve the problem of underfunding these spheres. On the other hand, state programmes provide enough human resources for cross-border cooperation under thematic priorities “Support to education, research, technological development and innovation”, “Promotion of local culture and preservation of historical heritage”, “Promotion of social inclusion and fight against poverty”. These conclusions, as well as other analytical data, will be used for preparing CBC Karelia 2014—2020 programming documents.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

УДК 342.9

Административная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений

ОЛЕНИНА Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент,
Петрозаводский государственный университет,
юридический факультет,
кафедра международного и конституционного права,
Петрозаводск, tyolenina@mail.ru

Ключевые слова:
Лес
лесное насаждение
незаконная рубка
административная ответственность за незаконную рубку

Аннотация:
Статья посвящается проблеме применения норм права в связи с привлечением виновных лиц к административной ответственности за незаконную рубку деревьев и кустарников в России. Вопросы административной ответственности за нарушения в сфере использования и охраны лесов в России приобретают все большую актуальность в связи с развитием лесопромышленного комплекса в Российской Федерации за последние годы. Наиболее распространенным видом ответственности за нарушение норм природоохранительного и природоресурсного законодательства является административная ответственность, осуществляемая путем применения уполномоченным органом или должностным лицом административных взысканий к гражданам и юридическим лицам, совершившим правонарушение. В связи с несовершенством норм административного законодательства в области нарушения правил использования и охраны лесов, видовым разнообразием нарушений лесного законодательства, на практике возникает ряд проблем при их квалификации лицами, ведущими производство по делам данной категории. Проблема правоприменения связана с тем, что в лесном законодательстве России отсутствует четкое определение леса, а стало быть, и лесных насаждений.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Forests as ecosystems of global influence on the environment have a significant role in conservation and sustainable development of environment. At the present moment, there is a real need for enhancing efficiency of forest conservation programs. The problem of preserving forests is becoming more and more urgent, especially in the context of wide-spread vandalistic usage of this natural resource. Imposing administrative liability on offenders is one of the ways to guarantee conservation of forests.

Administrative liability is the procedure of bringing sanctions set forth by current administrative laws and enforced by the state organs (or officials) against a person who has been found guilty of administrative offence [3; 136].

Forest Code of Russian Federation of December 4th, 2006 No 200-FZ does not have special provisions for liability and its norms refer to provisions of Code of administrative offences of Russian Federation of December

30th, 2001 No 195-FZ.

Article 8.28 of Code of administrative offences of Russian Federation impose administrative liability for unlawful cutting, damaging of forest crops or unauthorized digging out of trees, bushes or lianas in the forest. The objects of offence are different types of forest vegetation both of natural and artificial origin, which are rooted on the territory of forest fund (the territory covered by forests, major object of forest government as established by Forest Code of Russian Federation) [4].

Offences stipulated by Article 8.28 fall into following classification:

1) illegal felling of forest crops;

2) damaging of forest crops;

3) unauthorized digging out of trees, bushes or lianas in the forest.

According to the first paragraph of Article 1 of Forest Code of Russian Federation, felling of forest crops (trees, bushes, lians in the forests) imply the processes of sawing, cutting or shearing them down. Forest Code defines forest crops as trees, bushes and lians in the forests. The key factor in this term is location of certain vegetation in the forest. But what is legal definition of forest?

Russian Constitution of December 12th, 1993 does not give the definition of forest. Stating just general provisions on natural resources (e.g., articles 9, 36), it does not provide us with definition of natural resources and does not answer to question whether forests can be seen as natural resources.

Forest Code of Russian Federation in its article 5 "Definition of forest" prescribes that exploitation, conservation, protection and reproduction of forests is based on the idea of forests as ecosystems or natural resources. We believe that this definition is incomplete [2; 100]. Forest Code does not have a clearly specified list of terms and the definitions provided by the Code do not deal with the core ideas of described objects [6].

V.K. Bykowsky reasonably states the importance of "or" clause in the legal definition of the forest because the forest cannot be both ecosystem and natural resource at the same time. [1; 31] O.I. Krassov highlights the fact that Forest Code of Russian Federation does not clarify situations when forest can be an ecosystem and when it should be seen as a natural resource. [5; 40]

Current Russian legislation does not give definition for terms "ecosystem" and "natural resource" which can help us to deeply analyze the status of forests. Federal law from January 1st, 2002 7-FZ on protection of environment gives the definition of natural ecosystem and natural resource.

-natural ecosystem is an objectively existing territory of the natural environment that has space/territorial boundaries and where living (plants, animals and other organisms) and non- living components interact as a single functional entity and are inter-related by means of exchange of substances and energy.

-natural resources are natural environment components, natural facilities and natural - man - made facilities which are or can be used in economic and other activity as sources of energy, production products and consumption items and have a consumer value.

The only legal definition of forest can be found in the official standart (OST) of the branch of industry named "Forestry. Terms and definitions" (adopted by the order of Federal Forestry Agency of Russian Federation on December 3rd, 1998 No 203) "3.1.3. Forest is an integral complex of forest woody and other plants, soil, animals, microorganisms and other natural components in their mutual interaction with inner and outer environment".

This legal norm, as well as Article 8.28 of Code of administrative offences of Russian Federation does not mention that forests are located in the territories of forest fund. Therefore, forests can be located in the territories of different categories. However, existing precedents show us that unauthorized felling of forests in municipalities does not lead to administrative liability established by Article 8.28, as this article protects forests situated in special territories of forest resources. In contrast, forest in municipal territories are located in the territories of municipalities and therefore are not regulated by article 8.28 (e.g. see case A56-53728/2005, Arbitration Court of St.-Petersburg and Leningradskaya oblast).

Some theorists of law (Dubovik O.L., Salitscheva N.G. and others) agree with this concept and exclude following types of vegetation from the definition of the object of offence. That is trees and bushes forming protective forest plantations, which grow in the agricultural territories, protective forest plantations near railway roads, highways and channels, territories of municipal landscape gardening and group of trees in cities and other municipalities in the terriories which status is not defined as the city forest, trees growing in farmlands and in cottage gardens, trees and timber stand brought down by wind with roots torn outside, wind-fallen trees (usually damaged at the level lower than the level of crown), brushwood, trees and bushes which are stockpiled for aims of timber production [4].

In the municipal district of Petrozavodsk the liability for illegal felling can be imposed according to Article 2.14 ("breach of regulations on landscape planning and improvement") of Act of Republic of Karelia from March 15th, 2008 №1191-ZRK "On administrative offences".

Regulations on landscape planning and ensuring cleanness and order have been approved by decision of Petrozavodsk City Council from 27.04.2010 No 26/41-813 (ed. 10.09.13). Paragraphs 2 and 2.1. of Article 30 (Section 6) of this normative act forbid unauthorized felling of trees and bushes.

Paragraph 1 of Article 2.14 of Act of Republic of Karelia from March 15th, 2008 №1191-ZRK "On administrative offences" specifies warning or administrative fine (one thousand roubles for individual) as possible sanctions for the offence. In comparison, paragraph 1 of Article 8.28 of Code of administrative offences of Russian Federation specifies that the fine in amount of 3 thousand to 5 thousand roubles is imposed on individuals. Therefore, we can see that the administrative liability for illegal felling of trees in the city is prescribed with lower fine. In this case the more specified legal norm should be applied as we deal with breaches of law in municipal territories.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

REFERENCES

1. Bykowski V. K. Forest law of Russia: tutorial for masters [Lesnoe pravo Rossii : uchebnik dlya magistrov / V. K. Bykovskiy ; otv. red. N.G. Zhavoronkova]. Moscow: Izdatel'stvo Jurayt, 2012. 262 p.

2. Zinov'eva O.A. The legal regulation of the use of forests in the new Forest Code of Russian Federation [Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya lesov v novom Lesnom kodekse RF // Agrarnoe i zemel'noe pravo]. 2007. № 3.

3. Kozlov Ju.M. Administrative law [Administrativnoe pravo]. Moscow: Jurist, 2002.

4. Commentaries to the Code on administrative offences of the Russian Federation (article by article) [Kommentarii k Kodeksu Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh (postateynyi) / A.G. Avdejko, S.N. Antonov, I.L. Bachilo i dr.; pod obshh. red. N.G. Salishchevoy]. Moscow: Prospekt, 2011 // Consultant Plus Publ.

5. Krassov O.I. Commentaries to the Forest code of the Russian Federation [Kommentarii k Lesnomu kodeksu Rossiyskoj Federatsii]. Moscow: Norma, 2007. 416 p.

6. Puryaeva A.Y. Scientific practical commentary to Forest Code of the Russian Federation (article by article) [Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Lesnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyi)]. (http://mo-jurist.narod.ru/kodeks/les_kom.html). Accessed 15.11.2013.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быковский В. К. Лесное право России : учебник для магистров / В. К. Быковский ; отв. ред. Н. Г. Жаворонкова. М. : Издательство Юрайт, 2012. 262 с.

2. Зиновьева О. А. Правовое регулирование использования лесов в новом Лесном кодексе РФ // Аграрное и земельное право. 2007. № 3.

3. Козлов Ю. М. Административное право. М.: Юристъ, 2002.

4. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / А. Г. Авдейко, С. Н. Антонов, И. Л. Бачило и др.; под общ. ред. Н. Г. Салищевой. 7-е изд. М.: Проспект, 2011 // СПС «Консультант Плюс».

5. Крассов О. И. Комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации. М.: Норма, 2007. – 416 с.

6. Пуряева А. Ю. Научно-практический комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации (постатейный). (http://mo-jurist.narod.ru/kodeks/les_kom.html). Дата обращения 15.11.2013.

Administrative liability for the illegal felling of forests

OLENINA Tatiana

PhD in Law,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University
Faculty of Law
Chair of International and Constitutional Law,
Petrozavodsk, tyolenina@mail.ru

Keywords:
Forest
forest planting
illegal felling
administrative liability for the illegal felling
environmental law

Summary:
This article looks at problems existing in the sphere of application of legal norms which regulate the process of imposing administrative liability for the illegal felling of trees and shrubs in Russia. Administrative liability for violations in the sphere of use and protection of forests in Russia is becoming the issue of high priority due to the development of the timber industry in the Russian Federation over recent years. Being the most common type of liability for violations of environmental law, administrative liability creates tools for authorized state organs and officials to hold individuals and legal entities liable for certain offences. Due to the imperfection of administrative legislation which stipulates penalties for violating the rules of use and protection of forests, as well as complex classification of offences in this sphere, in practice there is a problem of proper qualification of the offences by authorities presiding over the cases. The enforcement problems are mainly connected with absence of a clear definition of forest and forest zones.

Данилова И. Л. Рец. на кн.: Magnus Ljunggren. Poesi och psykiatri — 16 essäer om det förra sekelskiftets ryska symbolistkultur. Stockholm: Carlssons Bokförlag, 2012. [Магнус Юнггрен. «Поэзия и психиатрия — 16 эссе о культуре русских символистов предыдущего рубежа веков»] // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 162–165.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

Рец. на кн.: Magnus Ljunggren. Poesi och psykiatri — 16 essäer om det förra sekelskiftets ryska symbolistkultur. Stockholm: Carlssons Bokförlag, 2012. [Магнус Юнггрен. «Поэзия и психиатрия — 16 эссе о культуре русских символистов предыдущего рубежа веков»]

ДАНИЛОВА Ирина Леонидовна

доктор филологических наук,
лектор Института языков и литератур и Центра преподавания языков,
Гётеборгский университет,
г. Гётеборг (Швеция), irina.danilova@gu.se

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Данная книга, повествующая о сложности судеб русских символистов и своеобразии символистского мышления в России, создавалась много лет. Она сложилась из замыслов, вызревавших на протяжении всей творческой жизни замечательного исследователя русской литературы XIX и XX вв., известного в Швеции специалиста по русскому символизму, профессора-слависта Магнуса Юнггрена. Читателям известны его монография «Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера» [2], сборник очерков и материалов «Twelve Essays on Andrej Belyj's "Peterburg"» [3], более 50 статей и библиографических работ, посвященных не только писателям-символистам, но и А. П. Чехову, И. А. Бунину, И. А. Ильину, вопросу о борьбе русских писателей за Нобелевскую премию, а также некоторым событиям в истории русского театра и работе переводчиков шведской литературы на русский язык.

Русский символизм для М. Юнггрена — явление грандиозное и загадочное, полное идейных противоречий и личностных конфликтов, поисков истины и заблуждений. Исследователя всегда привлекали яростные споры в кругу русских символистов, крутые повороты их судеб и трагизм, которым эти судьбы были отмечены. В предисловии к книге автор так объясняет свой замысел: «Эти поэты, философы и мистики видели знамения в небе, особенно в отсветах пылающих восходов. Они чувствовали, что монархическое общество находится в преддверии апокалиптических переворотов. Они видели перед собой возможности грандиозного синтеза — между восточной и западной культурами, где Россия будет играть главную роль, синтеза различных видов искусства… Это было время, когда казалось, что все может совершиться в одно мгновение. Затем последовало жестокое пробуждение. Об этом свидетельствует лучше, чем что-либо иное, великий роман Белого «Петербург». Он является путеводной нитью этих очерков и постоянным ориентиром». [1; 9—10] (перевод И. Л. Даниловой).

Жанр эссе (очерка) дает определенную свободу изложения и оценки явлений литературной жизни в связи с биографическим и историческим контекстами. Вместе с тем он позволяет при соединении ряда очерков создать достаточно полную симультанную картину реальности. Сложность, многогранность и своеобразная логика развития русской культуры, живой процесс становления и борьбы культуротворческих тенденций лучше передается в серии статей, чем в фундаментальном монографическом исследовании, что блестяще подтверждено в этом издании. Кроме того, избранный автором жанр позволяет ему непосредственно в каждом очерке выразить оценку, расставить эмоциональные акценты и, в конечном итоге, соединить все очерки в единую картину культуры

русского символизма Серебряного века.

Нет смысла объяснять, как трудоемка работа архивного исследователя, собирателя неизвестных материалов, документальных свидетельств эпохи о жизни знаменитых поэтов, писателей, музыкантов, психологов и философов Серебряного века. Публикуемый материал был собран по крупицам, и автору удалось выразить свое собственное, оригинальное понимание характеров, а также философских, политических и литературных взглядов героев этих очерков. Магнус Юнггрен воспроизводит движение русского символизма и его культурный контекст от истока, начиная с личности и учения Владимира Соловьёва о всеединстве и мировой душе, до трагического завершения жизненных путей символистов, растянувшегося на десятилетия после 1917 г.

Через человеческие судьбы на нас смотрит время, в начале века принесшее необыкновенное чувство свободы мысли, совести, возможностей в литературе, искусстве и даже в сфере религии, а также в сфере мистического и оккультного мировоззрения, но через десятилетие жестоко подавившее все попытки свободомыслия и надежды на гармонично устроенную общественную жизнь. В каждом очерке-главе перед читателями раскрываются отношения нескольких ярких представителей символистского круга на фоне общественной жизни. Например, в очерке «Владимир Соловьёв — отец символизма» повествование об учении Владимира Соловьёва, оказавшего огромное влияние на русских символистов, найдена связь идей Соловьёва и Фёдора Михайловича Достоевского, работавшего над романом «Братья Карамазовы», проведена связь между полярными образами Алёши и Ивана Карамазовых и неоднозначной личностью В. Соловьёва. Сложность романа отразила напряженность и непримиримость противоречий эпохи, которые определили, в свою очередь, трагическую судьбу русского философа.

Героем нескольких очерков стал Андрей Белый. Различные этапы жизни и грани личности Белого — поэта, прозаика, публициста, теософа, антропософа раскрываются в очерке «Андрей Белый и племянник философа» через близко-братские отношения с поэтом Сергеем Соловьёвым, отношения, прошедшие испытание всей жизнью и завершившиеся трагически душевной болезнью С. Соловьёва в его противостоянии религиозным преследованиям и контролю ГПУ. Совсем иной образ Белого предстает в очерке «Андрей Белый и Александр Блок», где показана встреча и соперничество, почти борьба двух сильных личностей, не простивших друг другу творческого разлада, но сформировавших поэтику русского символизма. Путь А. Белого к антропософии раскрыт в очерках «Десятилетие антропософии в России» и «Встреча Белого с Рудольфом Штейнером».

В книге уделено внимание не только популярности антропософии в среде русских интеллигентов, но и распространенности интереса к психоанализу, поскольку дух неспокойного предвоенного и предреволюционного времени обострял проявление психического неблагополучия писателей, политических деятелей, актеров. Более того, антропософия и психоанализ оказались двумя разными путями поиска душевной гармонии. В очерке «Неизвестный пациент Фрейда» рассказано о психических и личностных проблемах философа и политика Ивана Ильина, о его отношениях с поэтом Вяч. Ивановым, музыкантами Николаем и Эмилием Метнерами и Александром Скрябиным.

Одной из главных тем в данной работе Магнуса Юнггрена стала тема психического разлада личности, эмоциональной двойственности, которую исследовал Фрейд, а вслед за ним Юнг. Практически все герои вошедших в книгу очерков страдали от душевных недугов. Именно внутренние противоречия индивидуальностей, которые внимательно рассматривает М. Юнггрен, приводили к неустойчивости в отношениях в кругу символистов, при том что в культуре символизма открывался широкий горизонт религиозно-философского поиска. Под знаком преодоления внутренней двойственности прошла жизнь талантливого поэта Эллиса, превратившегося в более зрелом возрасте в не менее талантливого литературоведа и культуролога доктора Льва Кобылинского; этой интересной личности посвящен очерк «Две карьеры одного символиста». А в очерке «Блок и лицо Стриндберга» раскрыт один из самых глубоких душевных кризисов крупнейшего поэта символистской эпохи, совпавший со временем болезни и смерти Августа Стриндберга.

Исследование шведского литературоведа очень интересно именно тем, как детально, подробно воспроизведены неповторимые характеры, при этом в каждом очерке присутствует драматический конфликт, обоснованный психологически или идейно. В нескольких эссе созданы образы талантливых авантюристов, которые были очень популярны и влиятельны в начале XX в.. Шарлатаном от символизма назван Валентин Свенцицкий, в одно и то же время поддерживавший террористов и призывавший к всемирному братству и покаянию. Автор рисует характер авантюриста, ставшего к концу жизни православным священником. Показана двойственность личности Анны Минцловой, известной как друг и вдохновитель В. Иванова, М. Кузмина, М. Волошина, но выступавшей и как ловкий манипулятор идеями

Данилова И. Л. Рец. на кн.: Magnus Ljunggren. Poesi och psykiatri — 16 essäer om det förra sekelskiftets ryska symbolistkultur. Stockholm: Carlssons Bokförlag, 2012. [Магнус Юнггрен. «Поэзия и психиатрия — 16 эссе о культуре русских символистов предыдущего рубежа веков»] // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 162–165.

оккультизма в кругу символистов. Оценка таких личностей не может быть однозначной, заслуга автора — в том, что он рассказал о них и, вероятно, пробудил к ним интерес читателей.

Магнусу Юнгррену удалось создать весьма сложную картину переплетения судеб, личностных устремлений и творческих путей многих философов, политиков, литераторов, музыкантов, врачей, художников, создавших культуру русского символизма.

Основу исследования составляет историко-биографический очерковый круг, но в очерки тонко вплетен и литературоведческий анализ образов прозы Андрея Белого — романов «Петербург», «Серебряный голубь», мемуаров «Начало века» и «На рубеже веков». Автором не только восстановлена целостная картина культуры русского символизма рубежа XIX—XX вв., но и воспроизведен дух времени, когда казалось, что невозможное возможно.

Несомненным достоинством книги Магнуса Юнггрена, написанной на шведском языке и для шведского читателя, является красота и образность языка, яркость историко-биографических сюжетов, эмоциональность повествования.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магнус Юнггрен. Поэзия и психиатрия — 16 эссе о культуре русских символистов предыдущего рубежа веков. Стокгольм, 2012. 188 с. / Magnus Ljunggren. Poesi och psykiatri — 16 essäer om det förra sekelskiftets ryska symbolistkultur. Stockholm : Carlssons Bokförlag, 2012. 188 s.

2. Магнус Юрггрен. Русский Мефистофель: жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. 286 с.

3. Магнус Юрггрен. Двенадцать эссе о «Петербурге» Андрея Белого. Гётеборг, 2009. 185 с.

REFERENCES

1. Magnus Ljunggren. Poetry and Psychiatry — 16 Essays about the Culture of Russian Symbolists on the previous turn of the Century. Stockholm: Carlssons, 2012. 188 p.

2. Magnus Ljunggren. Russian Mephistopheles: the life and work of Emilia Medtner. [Russkiy Mefistofel’. Zhizn’ i tvorchestvo Emilia Medtnera]. St-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2001. 286 p.

3. Magnus Ljunggren. Twelve Essays on Andrej Belyi’s ”Peterburg”. [Dvenadtsat’ esse o ”Peterburge” Andreya Belogo]. University of Göteburg, Slavica Gothoburgensia 8, 2009. 185 p.

Danilova I. Review of the book Magnus Ljunggren. Poesi och psykiatri — 16 essäer om det förra sekelskiftets ryska symbolistkultur. Stockholm: Carlssons Bokförlag, 2012 // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. P. 162–165.

Review of the book Magnus Ljunggren. Poesi och psykiatri — 16 essäer om det förra sekelskiftets ryska symbolistkultur. Stockholm: Carlssons Bokförlag, 2012

DANILOVA Irina

Doctor of Philology,
Researcher,
Institute of Languages and Literatures
University of Göteborg (Sweden),
Göteborg (Sweden), irina.danilova@gu.se

Килин Ю. М. Рецензия на кн.: Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. (Эльвенгрен Э., Лайдинен Э. П. Шпионаж за восточной границей. Деятельность разведки Генерального штаба финской армии в Советской Карелии в 1918—1939 гг.). // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 166–173.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

Рецензия на кн.: Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. (Эльвенгрен Э., Лайдинен Э. П. Шпионаж за восточной границей. Деятельность разведки Генерального штаба финской армии в Советской Карелии в 1918—1939 гг.).

КИЛИН Юрий Михайлович

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всеобщей истории, директор Института североевропейских исследований ПетрГУ,
Петрозаводский государственный университет,
исторический факультет,
Петрозаводск, kilinyuri@mail.ru

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Во второй половине 2012 г. финское издательство «Минерва» опубликовало уникальную книгу двух авторов — российского исследователя истории спецслужб кандидата исторических наук, научного сотрудника Петрозаводского государственного университета Эйнара Петровича Лайдинена, полковника ФСБ в отставке, и финского военного историка, доцента Военной академии и Университета Оулу Ээро Эльвенгрена. В 2011—2012 гг. с интервалом менее чем в год мои коллеги покинули этот мир, оставив после себя с десяток монографий и многие десятки научных статей по истории Второй мировой войны и спецслужб. Рецензируемая книга «Шпионаж за восточной границей. Деятельность разведки Генерального штаба финской армии в Советской Карелии в 1918—1939 гг.» достойно завершила их научный подвиг, став плодом многолетних усилий по кропотливому сбору информации, легшей в основу книги. Опубликованная монография — опирающаяся на широкий круг источников, хорошо структурированная, насыщенная фактами, достоверная история 20-летнего противостояния спецслужб Финляндии и РСФСР — СССР — весомый результат труда исследователей, которых без сомнения можно отнести к числу наиболее авторитетных в своих странах в данной тематике.

Эта короткая констатация на практике означает продолжительную самоотверженную работу авторов, каждый из которых преодолевал специфические трудности в поиске и получении доступа к архивным материалам. Эйнару Петровичу Лайдинену пришлось приложить большие усилия для преодоления бюрократических препон, чтобы ознакомиться с находившимися на секретном хранении материалами, многие из которых по его инициативе впоследствии были рассекречены и введены в научный оборот. Первая монография по истории противостояния двух спецслужб, написанная им в соавторстве с деканом исторического факультета ПетрГУ С. Г. Веригиным преимущественно по российским материалам, была опубликована еще в 2004 г. и переиздана в ноябре 2013 г. [1]. Рецензируемая монография, к сожалению, стала последней работой моего коллеги, который планировал написать еще несколько книг.

По другую сторону границы блестящий специалист по военной истории Финляндии XX в. Ээро

Эльвенгрен по крупицам собирал информацию о деятельности финской военной разведки против большого восточного соседа с 1918 г. до начала «зимней» войны. Согласно весьма популярной в Финляндии версии, все материалы ее военной разведки были вывезены из страны в сентябре 1944 г. в Швецию в ходе операции «Стелла Поларис» и впоследствии уничтожены. 22 сентября 1944 г. 750 финских разведчиков с семьями на четырех судах переправились через Ботнический залив в Швецию. Под видом медикаментов на суда были погружены 350 ящиков с архивными материалами военной разведки. Согласно официальной версии, эти документы впоследствии были уничтожены, а 34 тыс. микрофильмированных страниц — утрачены [6—9]. Однако часть микрофильмированных материалов позже была продана финскими офицерами-разведчиками спецслужбам США, Японии, Великобритании и Швеции, часть — неизвестному количеству других заинтересованных сторон. За последние 20—30 лет эти материалы «всплывали» в разных странах, и «охота» на них была интересным, но весьма трудоемким занятием. Источниками для Э. Эльвенгрена были и опубликованные после войны мемуары финских разведчиков, интервью, немногочисленные исследования.

Рецензируемая книга опирается на очень широкий круг источников (включая архивные материалы) и литературы, в ней насчитывается 1 062 ссылки и сотни действующих лиц, включенных в именной указатель. Из 384 страниц монографии 76 приходится на справочно-библиографический аппарат. К сожалению, ранний уход авторов из жизни, как пишет в предисловии директор издательства «Минерва» Пекка Саарайнен, не позволил довести эту часть книги до логического завершения, в ней отсутствует отдельный список источников и литературы, которые, впрочем, все упоминаются в ссылках.

Всем понятная специфика темы поставила перед авторами исключительно сложную задачу: попытаться реконструировать в условиях дефицита значимой информации тщательно и профессионально скрытую от широкой публики деятельность финских и советских разведок и контрразведок. В главах, написанных Э. П. Лайдиненом, преобладает описание работы советской контрразведки, преимущественно опирающееся на архивные материалы, хранящиеся в архиве УФСБ РФ по Республике Карелия. Э. Эльвенгрен повествует о разведывательной деятельности военной разведки армии Финляндии и, в некоторой степени, об усилиях других финских спецслужб, в основном опираясь на опубликованные материалы.

Серьезное научное исследование обычно либо открывает тему, либо «закрывает» ее, итожа накопленное знание о предмете исследования. Книга «Шпионаж за восточной границей…» относится ко второй категории. Выводы, к которым приходят авторы, призывают нас не только серьезно пересмотреть некоторые устоявшиеся представления, но и предлагают расстаться с некоторыми мифами. Одними из них, упоминаемыми Э. Эльвенгреном, являются недооценка исследователями, не знакомыми с финскими источниками, эффективности деятельности разведслужб Финляндии и переоценка успехов советских спецслужб [3; 10].

Главный научный вывод монографии можно кратко сформулировать следующим образом: обширная агентурная сеть, раскинутая разведкой финского Генерального штаба в северо-западной части СССР, прежде всего в Ленинградской области, Советской Карелии и на Кольском полуострове, к осени 1939 г. была практически полностью уничтожена контрразведкой СССР. Финская радиоразведка, имевшая опыт дешифровки самых сложных шифров РККА и РРКФ, и фотосъемка прилегающей к Финляндии советской территории с высоты 8 300 м самолетами «Бленхейм» летом — осенью 1939 г., не замеченные войсками ВНОС СССР, не смогли восполнить дефицит разведывательной информации. В результате 25 ноября 1939 г., за пять дней до начала «зимней» войны, финский Генштаб пришел к ошибочному выводу о том, что война не начнется до лета 1940 г. [2].

Председатель Совета обороны Финляндии маршал К. Г. Маннергейм как никто другой знал об удручающем положении, в котором оказалась финская военная разведка, лишившаяся своей агентуры в СССР накануне Второй мировой войны. В январе 1939 г. в беседе с лейтенантом У. Кякёненом, вскоре назначенным военным атташе в СССР, он сказал, что, по его представлению, «Финляндия настолько маленькая и бедная страна, что наших ресурсов недостаточно для организации эффективной разведки. Необходимые нам сведения необходимо получать от тех великих держав, у которых есть ресурсы» [3; 8]. Завершающая фраза монографии подтверждает это мнение Маннергейма: «мы можем подтвердить, что старый и опытный маршал был абсолютно прав» [3; 307].

В первой из четырех глав книги подробно описываются процессы формирования спецслужб двух государств в 1918—1920 гг. Уже в 1918 г. в Финляндии стали функционировать организации, осуществлявшие разведку на сопредельной территории РСФСР и конкурировавшие друг с другом: военная разведка, сыскная полиция и пограничная служба. Независимо от них с территории Финляндии аналогичную деятельность вели активистские организации, белоэмигранты, беженцы-карелы и

иностранные спецслужбы, действовавшие с разрешения финских властей.

Уже в 1914 г. информационное бюро, учрежденное членами Партии активного сопротивления со штаб-квартирой в Стокгольме, начало передавать немцам разведывательную информацию о дислоцированных в Финляндии русских войсках, став предшественником будущей военной разведки. Примерно 60 из 1 895 финских егерей, служивших в 27-м Королевском прусском батальоне в Германии, работали на немецкую разведку. Организатором разведслужбы и ее первым начальником стал Исак Альфтан (р. 16.08.1888 в г. Выборге, ум. 26.12.1955 в ФРГ под именем Аксель Берг), занимавший эту должность до 20 июля 1920 г. В 1916 г. по заданию немецкой разведки он выезжал в Петроград для сбора информации о противнике [3; 15].

Главную роль в организации разведки на территории российской Карелии, прежде всего в ее южной части — Олонецкой Карелии, сыграл активист Юсси Луккаринен, который устанавливал контакты с местными жителями начиная с 1914 г. Впоследствии, в 1919 г., он участвовал в так называемом Олонецком походе финнов в качестве офицера-разведчика. Ему подчинялся отряд дальней разведки (kaukopartio-osasto — аналог фронтовой разведки в РККА) под командованием фельдфебеля Пауля Марттина (14.12.1898 — 26.01.1963), деятельность которого, по мнению Э. Эльвенгрена, положила начало организованной работе финской разведки против Советского государства [3; 17]. Начало систематической работе по формированию финской агентурной сети на территории РСФСР было положено в период походов активистов в Восточную (Советскую) Карелию, целью которых было ее присоединение к Финляндии и установление государственной границы по трем перешейкам: р. Нева, р. Свирь и перешеек между Онежским озером и Онежской губой Белого моря. По приказу главнокомандующего К. Г. Маннергейма от 5 марта 1918 г. разведка начала сбор сведений о противнике от Баренцева моря до Ладожского озера, и к 5 июля 1918 г. формирование первоначальной агентурной сети в Советской Карелии было завершено. На Карельском перешейке финская разведка активно действовала и раньше [3; 33, 47].

Восточно-Карельский комитет, объединявший финских активистов и выходцев из российской Карелии, сторонников ее присоединения к Финляндии, на этом этапе сыграл решающую роль в формировании широкой агентурной сети на территории, простиравшейся от Петрограда до ж.-д. станции Княжая, которая находится примерно в 50 км южнее Кандалакши. Агенты доставляли добытые сведения в разведпункты в Кивиниеми, Салми, Кяснясельки, Суоярви, Йоэнсуу, Кухмо, Суомуссалми, Куусамо и Куолаярви, откуда они отправлялись в Главную ставку. Незадолго до начала переговоров о заключении Мирного договора между Финляндией и РСФСР, в конце ноября 1919 г., в Финляндию прибыла британская военная миссия, получившая разрешение финских властей вести разведработу на территории Советской Карелии. Представители миссии были на постоянной основе размещены в Сортавале, Китиля, Суоярви и Поросозере. Персонал миссии состоял из 48 человек, в том числе 10 офицеров.

В книге часто упоминаются сложные отношения между финскими спецслужбами, которые вели разведку на территории РСФСР — СССР. Пограничная служба Финляндии, подчинявшаяся Министерству внутренних дел, вела визуальное и звуковое наблюдение за сопредельной стороной, направляя своих агентов за границу до конца 1920-х гг. Шюцкор отвечал за выявление советских разведчиков в приграничной полосе и за ее пределами. «Центр» финских активистов делился сведениями о пунктах перехода границы, которые использовались советской разведкой, передавая их в Главный штаб шюцкора. «Центр», который также называли «Разведцентром шюцкора» и «Центром активистов», действовал до октября 1920 г. в основном в интересах шюцкора, обмениваясь информацией также с сыскной полицией, Генштабом и разведкой белоэмигрантов. Начальник сыскной полиции Осси Хольмстрём одновременно был и членом активистского «Центра» [3; 41].

Агенты финских спецслужб, действовавшие на советской территории, в основном вербовались из числа беженцев-ингерманландцев и карелов — выходцев из Восточной Карелии. Некоторые из находившихся в РСФСР на легальных основаниях граждан Финляндии также собирали сведения для финской военной разведки. Все агенты получали за свои разведывательные выходы денежное вознаграждение. Разовые выплаты за выполнение особо важных заданий могли составлять несколько сотен рублей. Так, например, Федор Филиппов, действовавший в Петрозаводске, получил за добытую им информацию 1 500 и 750 рублей, Вальтер Викман — 300 и 1 000 рублей. Масштабы деятельности финской военной разведки на территории РСФСР — СССР были впечатляющими — на нее в 1918—1939 гг. работали сотни агентов. Одни из них совершили только один выход на советскую территорию для сбора информации, а ингерманландец Матти Пённиё, например, — более ста.

Во второй главе монографии характеризуется деятельность военной разведки в 1921—1932 гг.

— наиболее спокойный период межгосударственных отношений, последовавший за заключением Мирного договора и Соглашения о границе. К 1926 г. из 33 500 беженцев — ингерманландцев, российских карелов и участников Кронштадтского мятежа, находившихся в Финляндии в конце 1922 г., примерно 8 тыс. вернулись в СССР. Разведки обеих стран в полной мере использовали открывшиеся в связи с этим возможности.

5-й отдел Генштаба финской армии отвечал непосредственно за ведение разведки, и, как отмечается в книге, именно в этот период финская военная разведка начинает концентрировать свое внимание почти исключительно на Советском Союзе. В центральном аппарате насчитывалось пять офицерских должностей, на Карельском перешейке в местных органах разведки трудились 26 человек, в Сортавале — 6. В 1923 г. Генштаб запросил на финансирование разведывательной деятельности в 1924 г. 2 млн 350 тыс. марок, в том числе 1,5 млн марок для ведения разведки против СССР. Государственный совет выделил на эти цели лишь около 1,5 млн марок. Указывая на сокращение запрашиваемых средств, Генштаб предложил передать функции военной контрразведки сыскной полиции. В бюджете на 1924 г. на ведение разведки пограничной службой выделялось 12 тыс. марок в месяц, на прочие расходы, связанные с разведкой, — 382 тыс. марок. И в дальнейшем финансирование военной разведки и контрразведки оставалось, по мнению Генштаба, на недостаточном уровне.

Несмотря на это, финской военной разведке удалось добиться больших результатов. Дислоцированное на Карельском перешейке в Рауту разведотделение 5-го отдела сумело организовать доставку из Петрограда приказов штаба Петроградского военного округа, которые после копирования возвращались законному владельцу. Имя финского агента, действовавшего в штабе ПВО под псевдонимом Корреспондент, осталось неизвестным. За услуги финская разведка выплачивала ему денежное содержание в размере 10 тыс. марок в месяц, при том что месячный доход обычного агента варьировался в пределах 500—2 000 марок в месяц [3; 96]. Какая часть из поставлявшейся финскими агентами информации была продуктом деятельности контрразведывательного отдела ОГПУ СССР, неизвестно, но Э. Эльвенгрен считает, что ее доля была значительной. Сведения поступали и от финнов-курсантов интернациональной военной школы в Петрограде, завербованных финской разведкой, часть из них могла продолжать поставлять сведения в разведотдел финского Генштаба и во время Второй мировой войны, хотя прямых доказательств этого нет.

Услуги агентов во всех случаях оплачивались. В рамках межведомственного сотрудничества еще летом 1921 г. пограничная служба Финляндии получила указания о размере выплачивавшихся агентам денежных вознаграждений. По ценности добытой агентами информации они были разделены на пять категорий, вознаграждение которым варьировалось от 10 марок за сведения второстепенной важности, добытые недалеко от линии границы на сопредельной стороне, до 600 марок за первоклассные данные, полученные в результате глубокого пешего похода на территории СССР [3; 99,105].

Иногда Финляндия и СССР обменивали задержанных контрразведками агентов. Последний известный обмен был проведен летом 1926 г., когда восемь финских и восемь советских агентов были переданы представителям каждой из стран на ж.-д. станции Раяёки. Генштаб выплатил вернувшимся агентам компенсацию за время пребывания в заключении, но они посчитали ее недостаточной. Несколько позднее выяснилось, что один из этих финских разведчиков был перевербован советской разведкой.

Эффективность работы советской контрразведки и пограничников в 1930-е гг. постоянно росла, и во второй половине десятилетия засылка агентуры на Карельском перешейке почти прекратилась, а поддерживать контакты с агентами в северной части Ингерманландии и Ленинградской области, завербованными из числа советских граждан, стало намного труднее [3; 99].

Снижение, начиная со второй половины 1920-х гг., количества и качества разведывательной информации, поступавшей от финской агентурной сети, действовавшей в северо-западной части СССР, заставило Генштаб обратить внимание на развитие технических видов разведки, прежде всего радиоразведки и — с 1938 г. — авиаразведки. Служба радиоразведки была сформирована в июне 1927 г., и к 1939 г. превратилась в важнейшего поставщика первоклассной информации, получаемой путем дешифровки шифрованных сообщений, включая самые сложные шифры, использовавшиеся РККА и РККФ. Службе радиоразведки, которую возглавлял Рейно Халламаа, стажировавшийся у лучших криптографов в 12 странах Европы, в конце 1920-х гг. удалось взломать шифры Краснознаменного Балтийского флота, а к осени 1939 г. — самые сложные шифры, использовавшиеся Красной Армией.

Одной из внутренних проблем финских спецслужб, военной разведки и Центральной сыскной полиции были конкурентные отношения между их начальниками. Особенно они усилились при Эско Риекки, который, по мнению сотрудников контрольного отдела Генштаба, инициировал публикацию

статей в левой прессе, компрометировавших некоторых представителей высшего военного руководства Финляндии. Этот раздор продолжался почти до конца 1930-х гг., и сыскная полиция часто задерживала агентов военной разведки, возвращавшихся с территории СССР, подвергая их допросам. Отсутствие координации в работе спецслужб, как отмечается в монографии, часто приводило к вербовке и использованию одних и тех же агентов и мест для перехода границы. В 1920-х гг. сыскная полиция добывала более подробную и достоверную информацию о Вооруженных Силах СССР, чем военная разведка [3; 108]. Бóльшие успехи полиции в сравнении с армией, в частности, объяснялись бóльшим бюджетом и численностью персонала. Например, в Выборге и Сортавале работали 15 полицейских-разведчиков, тогда как у армии в этих городах имелось не более пяти разведчиков.

В 1920-х гг. на границе иногда становилось тесно от стремившихся проникнуть на советскую территорию агентов государственных и негосударственных организаций. Помимо военной разведки, сыскной полиции и погранслужбы, своих агентов на территорию СССР засылали до 12 других организаций, в основном возглавлявшихся активистами. Отправкой своих агентов занимались ингерманландские и карельские организации, вербовавшие агентуру из числа беженцев. Многие из этих агентов, не имевшие финского гражданства, одновременно работали и на военную разведку, и на сыскную полицию, обеспечивая безопасность себе и своим семьям. Государственные спецслужбы, впрочем, не доверяли этим агентам, вербуя их через посредников и ставя им ограниченные задачи.

Разведывательная деятельность негосударственных организаций вновь активизировалась в начале 1930-х гг. Карельское академическое общество и местные руководители беженцев, карелов и ингерманландцев в большом количестве стали направлять своих агентов в Ингерманландию и Карелию, часть из них действовала, выполняя задания разведки Генштаба. Особенно активную деятельность по использованию беженцев в интересах военной разведки развил начальник разведпункта в Нурмесе П. Марттина. Один из самых известных финских военных разведчиков, командир отряда дальней разведки Главной ставки в 1941—1944 г., он рассказал своему другу Антти Сомппи о своей разведывательной поездке на Кольский полуостров для оценки возможности уничтожения военных складов и организации антиправительственных выступлений, используя ингерманландцев, заключенных в концлагерях. Согласно Марттина, на населенных финно-угорскими народами территориях в северо-западной части СССР военные планировали дополнительно завербовать до 100 агентов. Финансировали эту деятельность КАО, Генштаб и одна из деревообрабатывающих фирм. Кай Доннер, один из лидеров Лапуаского движения, наиболее опасным в этом плане считал поддержку П. Марттина начальником Генштаба К. Валлениусом и некоторыми офицерами Генштаба. Информация о замысле Марттина была доведена до Маннергейма и президента Свинхувуда, который провел переговоры с руководителями ингерманландских организаций. 20 мая 1931 г. Лапландский пограничный отряд задержал Марттина и его сторонников, собиравшихся в поход на территорию СССР [3; 110—111]. Этот сюжет, довольно подробно описанный в книге, как минимум заставляет по-новому оценить «Заговор финского Генштаба» — операцию, проведенную спецслужбами СССР в 1932—1933 гг.

Весь материал книги интересен для читателя. Наибольший же интерес вызывают подробно охарактеризованная в монографии деятельность иностранных спецслужб против СССР, действовавших по разрешению финских властей на территории Финляндии, а также тот факт, что финские спецслужбы активно обменивались развединформацией с разведками других государств.

Наиболее активно в начале 1920-х гг. финны сотрудничали с британской внешней разведкой — Secret Intelligence Service (SIS). Британцы использовали Финляндию как транзитную страну для засылки своих агентов в СССР. Особенно их привлекала протяженная и плохо охранявшаяся советско-финская граница. Штаб-квартира британской разведки, работавшей против СССР, была перенесена из Стокгольма в Хельсинки, действуя в составе посольства Соединенного Королевства под прикрытием паспортного отдела. Руководили этой работой Эрнст Бойс и Гарри Карр, который возглавлял паспортный отдел и был представителем разведки в Хельсинки с 1921 г. Обмен информацией о Советском Союзе, прежде всего о его вооруженных силах, разведки Великобритании и Финляндии продолжали до 1939 г.

Из числа стран-лимитрофов наибольшую ценность для финской военной разведки представляла Польша, разведка которой действовала на территории всей Восточной Европы, Кавказа и Турции. Польская военная разведка активно использовала другие страны, имевшие общую границу с СССР, относя Финляндию к числу наиболее важных партнеров. Польский военный атташе в Финляндии полковник Мечислав Позерски сформировал в Хельсинки разведывательное отделение, приступившее к работе 14 апреля 1921 г. Польская агентурная сеть в Петрограде действовала эффективно, поставляя в Хельсинки оригиналы документов штаба Петроградского военного округа и получая информацию от

французской, британской и финской разведок. Сотрудничество финской и польской разведок осложнялось подозрительностью поляков, которые в декабре 1925 г. не пригласили финских коллег в Варшаву на совещание представителей разведок Румынии, Латвии и Эстонии, указав в качестве причины передачу финнами Германии информации о таком же совещании, состоявшемся в Риге весной 1925 г.

Тем не менее на совещании в Варшаве 11—17 мая 1926 г. представители разведок двух государств договорились о разделении западной границы СССР на пять участков, на которых за ведение разведки отвечали (с севера на юг) Финляндия, Эстония, Латвия, Польша и Румыния. В соответствии с этой договоренностью Финляндия отвечала за разведку на своих сухопутных границах и должна была вести наблюдение за Краснознаменным Балтийским флотом. Дополнительно Польша и Финляндия договорились обмениваться информацией о военной промышленности и Военно-Воздушных Силах СССР, а также о передвижениях советских войск, взяв на себя обязательство не передавать эту информацию другим странам. Поляки, однако, критически оценивали профессиональные качества финских разведчиков, в частности упрекая начальника Генштаба К. Валлениуса и начальника 2-го управления И. Реландера в чрезмерном пристрастии к алкоголю. В 1927 г. финны на несколько месяцев приостановили контакты с польскими коллегами вследствие проведенной ОГПУ операции «Трест». Вскоре они были возобновлены и продолжались до 1939 г.

В ходе поездки в Варшаву 9—13 апреля 1928 г. начальник военной разведки Финляндии майор Мальмберг предложил польским коллегам разрешить взаимную вербовку агентов из граждан Польши и Финляндии: поляки получали бы право вербовать агентов из числа финских граждан, финское разведотделение в Вильно (Вильнюс) могло бы вербовать польских граждан. Кроме этого, Мальмберг предложил наладить более тесное сотрудничество с румынской и турецкой разведками для того, чтобы сформировать кольцо окружения СССР от Баренцева до Черного моря. По свидетельству не скрывавшего своего восхищения британской разведкой англофила Мальмберга, англичанам было предоставлено право вербовать агентов в Хельсинки. Демонстрируя эффективность своей разведки, в мае 1928 г. в Хельсинки финны передали полякам 22 документа о РККА, включая сведения о дислокации частей ВВС в Северо-Кавказском военном округе, о военно-морской школе в Ленинграде и военных учениях, прошедших в 1927 г.

С территории Финляндии еще и во второй половине 1920-х гг. в СССР направлялись террористические группы. После завершения в 1926 г. операции «Трест» из Финляндии в Ленинград по распоряжению генерала Кутепова были направлены шесть групп террористов-белоэмигрантов, из которых только одна произвела взрыв в Ленинграде. 14 августа 1927 г. две группы террористов-белоэмигрантов были направлены в СССР на участке границы севернее Ладожского озера. Одна из них была задержана 22 августа недалеко от Петрозаводска, члены ее по приговору суда были расстреляны. Вторая группа погибла в ходе боя недалеко от Петрозаводска. В книге описаны многочисленные другие случаи разоблачения финской агентуры во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. [3; 118—139].

Названия **третьей и четвертой глав** книги говорят сами за себя: «Вести военную разведку в 1932—1937 гг. стало труднее», «Трудные годы военной разведки 1938—1939 гг.». Усиление органов ОГПУ (НКВД), высылка жителей приграничных районов на Карельском перешейке и в КАССР, подозреваемых в сотрудничестве с иностранными спецслужбами, в тыловые районы СССР основательно ослабили финскую агентурную сеть. Массовые репрессии 1937—1938 гг. завершили уничтожение агентуры финской военной разведки и государственной полиции (бывшей сыскной), разведок других государств, белоэмигрантов и активистских организаций.

Авторы приходят к выводу, что в 1920—1930-х гг. в РСФСР — СССР действовали сотни агентов финских спецслужб, многие из которых имели собственных осведомителей из числа местных жителей. За несколько лет до начала «зимней» войны финская агентура позволяла разведке Генштаба составлять достаточно достоверную картину происходившего в полосе глубиной до 50 км от госграницы. К началу «зимней» войны уцелевшие агенты перестали доставлять достоверные сведения как раз в тот момент, когда финская военная разведка больше всего в них нуждалась. Немногие оставшиеся активные агенты сообщали недостоверную информацию [3; 294]. Таким образом, к осени 1939 г. противостояние спецслужб СССР и Финляндии завершилось в пользу советских контрразведчиков, которым удалось выявить и нейтрализовать финскую агентурную сеть, действовавшую в северо-западной части СССР.

В заключение выскажу мнение, что эта книга обязательно должна быть переведена на русский язык. Она будет весьма полезна широкой читающей публике нашей страны и, особенно, исследователям деятельности спецслужб, студентам высших учебных заведений. Написав свою последнюю книгу, Эйнар

Петрович Лайдинен и Ээро Эльвенгрен достойно завершили свой земной путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лайдинен Э. П. Финская разведка против Советской России : специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914—1939 гг.) / Э. П. Лайдинен, С. Г. Веригин. Петрозаводск, 2004. 293 с. Переиздана в 2013 г.

2. Килин Ю. М. Оптимизм : на что надеялись финны в 1939 году? // Родина. 1995. № 12. С. 49–52.

3. Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939. Minerva Kustannus Oy, 2012.

4. Isak Alftan [Electronic resource]. URL: http://fi.wikipedia.org/wiki/Isak_Alfthan). Accessed 19.10.2013.

5. Kosonen M. Raja railona aukeaa: tiedustelua Neuvosto-Karjalassa vuosina 1920—1939. Joensuu, 2001. 265 s.

6. Lewing H. Operaatio Stella Polaris, Kirjayhtymä: Jyväskylä 1977.

7. Manninen O. & Liene T. (toim.). Stella Polaris: suomalaista sotilastiedustelua. Maanpuolustuskorkeakoulu, sotahistorian laitos, 2002.

8. Pale E. (toimittanut Reijo Ahtokari). Totuus Stella Polariksesta. Helsinki: Erkki Pale, 1994.

9. Parikka Altenstedt J. Operaatio Stella Polaris: Suuri suomalainen vakoilutarina. Jyväskylä: Docendo, 2010.

Kilin Y. Review of the book Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. P. 166–173.

Review of the book Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918—1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s.

KILIN Yuri

Doctor of Historical Sciences,
Chair, General History
Director, Institute of Northern European Studies of the PetrSU,
Petrozavodsk, kilinyuri@mail.ru

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

Рецензия на кн.: The EU-Russia borderland: new contexts for regional cooperation / edited by H. Eskelinen, I. Liikanen, J. W. Scott. N. Y. : Routledge, 2013. 238 p.

ЯРОВОЙ Глеб Олегович

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
факультет политических и социальных наук,
Петрозаводск, gleb.yarovoy@mail.ru

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Изучение трансграничного сотрудничества регионов России и Европейского Союза занимает важное место в современной исследовательской повестке дня целого ряда общественных дисциплин — от истории до международных отношений. Требование дня — проведение международных и междисциплинарных научных исследований, обращение к наиболее острым и злободневным не только с точки зрения науки, но и с точки зрения реальных общественно-политических и экономических процессов вопросам развития приграничных региональных и местных сообществ. Всем этим требованиям соответствует коллективная монография, название которой на русский язык можно перевести как «Приграничные территории России и ЕС: новые контексты регионального сотрудничества».

Рецензируемая книга — результат многолетней работы большого творческого коллектива, членами которого были представители академического сообщества Финляндии (Университет Восточной Финляндии, Университет Тампере) и России (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Российская академия наук, Петрозаводский государственный университет).

Объектом проведенного коллективом авторов многолетнего исследования стало сотрудничество России и Европейского союза с середины 1990-х гг., когда было подписано и вступило в силу Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, до начала реализации программ Европейского инструмента соседства и партнерства в конце 2000-х гг. Предметной областью стало карельско-финляндское приграничье в контексте целого ряда факторов, влиявших и влияющих на его развитие, — от совершенствования финансовых инструментов поддержки трансграничного сотрудничества в Евросоюзе и России до проблем межрегионального взаимодействия в Северо-Западном федеральном округе и общих тенденций развития федерализма в России.

Книга состоит из трех частей. Первая часть, написанная Е. Белокуровой и М. Ноженко, посвящена, с одной стороны, анализу федеративных реформ 2000-х гг. в России и их влиянию на развитие межрегиональной кооперации и политической интеграции в Северо-Западном федеральном округе, с другой — поиску корреляции между типом региональных политических сообществ и готовностью того или иного региона участвовать в процессах политической интеграции как на национальном уровне, так и в трансграничном контексте.

Основные выводы авторов сводятся к утверждению, что на «открытость» или «закрытость» региональных сообществ Северо-Запада России влияют тип политического лидерства, наличие региональной «мифологии», связывающей регион с его прошлым, а также формат поведения региона во

внешней, трансграничной, среде. В результате формируются либо «модульные», либо «регионоцентричные» сообщества (с. 42). Регионы первого типа (в представленном исследовании — Республика Карелия) легко встраиваются в любые сети сотрудничества; регионы второго типа (у авторов — Новгородская область) испытывают большие сложности на пути к политической интеграции как с российскими соседями, так и с иностранными партнерами. Есть и промежуточные, или трансформирующиеся, региональные сообщества. Так, по мнению авторов, Калининградская область на протяжении 2000-х гг. постепенно «дрейфовала» от модульного к регионоцентричному типу сообществ. Подробнее с идеями авторов можно ознакомиться в книге Е. Белокуровой и М. Ноженко, изданной на русском языке [1].

Несмотря на то что созданная авторами теоретическая рамка исследования, равно как и выводы относительно случаев, подвергшихся анализу, представляют собой безусловную научную ценность, само по себе причисление того или иного региона к модульному, регионоцентричному или переходному типу сообществ не дает нам ответа на вопрос о последствиях такого соотнесения, а именно: как влияет модульность или регионоцентричность на региональное развитие, т. е. на то, ради чего регионы в современном мире и выходят во внешнюю среду, ищут партнеров и участвуют в процессах сетевого трансграничного сотрудничества.

Ответам на эти вопросы во многом посвящены вторая и третья части книги. Обе они, прямо или косвенно, посвящены анализу сотрудничества модульного, а иногда и «модельного» с точки зрения взаимодействия с внешней средой [3] регионального сообщества — Республики Карелия с ближайшим соседом, Финляндией.

Вторая часть монографии «Процессы и акторы трансграничного взаимодействия» по большей части посвящена различным аспектам экономического сотрудничества в трансграничном контексте. Так, Х. Эскелинен в главе «Геополитика и рынок: развитие приграничных экономик» анализирует влияние последствия ослабления барьерных функций границы с точки зрения развития трансграничного экономического сотрудничества, регионального разделения труда и в целом регионального экономического развития. Выводы автора оставляют двоякое впечатление. Он утверждает, что, с одной стороны, современная динамика экономического сотрудничества приграничных регионов является во многом самодостаточной и весьма перспективной с точки зрения регионального развития, с другой стороны, критическое влияние на будущее процессов трансграничного экономического сотрудничества будет влиять формат диалога и общий прогресс в отношениях между Россией и Евросоюзом на макроуровне. Автор заключает свою главу риторическим вопросом о том, смогут ли Россия и ЕС найти «общий язык» в вопросах приграничного сотрудничества.

Представляется, однако, что, несмотря на в целом небольшой прогресс российско-европейского «стратегического партнерства», именно вопросы трансграничного сотрудничества являются той самой «success story», которая способствует продолжению интенсивного диалога между сторонами. Подтверждение тому — успешно реализуемые программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента соседства и партнерства, софинансируемые Россией, и принятое решение о продолжении такого формата взаимодействия в рамках Европейского инструмента соседства в 2014—2020 гг.

Еще более конкретной теме — трансграничной трудовой миграции и мобильности — посвящена глава «Пересекая границы финляндского и российского рынка труда» П. Койстинена и О. Крутовой. Анализируя как общемировые тенденции постфордистской экономики, так и российские и даже вполне локальные проблемы рынка труда, авторы приходят к выводу о том, что трансграничные потоки трудовой миграции остаются асимметричными и дисбалансированными и в основном ограничиваются временной и постоянной трудовой миграцией из России в Финляндию (с. 99). Если тенденция не будет переломлена в ближайшие годы, это может негативно сказаться на развитии экономики приграничных регионов, которые будут продолжать терять квалифицированные кадры.

Вопросам сотрудничества российских и финляндских региональных властей в сфере планирования регионального развития посвятил свою главу «Воссоединение территориальностей? Сотрудничество российских и финляндских региональных правительств в сфере пространственного планирования» М. Фритч. Автор отмечает, что, несмотря на большую «открытость» границ и возрастающую взаимозависимость региональных экономик, политическое взаимодействие по вопросам пространственного планирования и регионального развития остается не стратегическим или концептуальным (vision-oriented), а тактическим и ограниченным рамками отдельных совместных проектов (project-oriented). Представляется, что в этом направлении сотрудничества скрыт существенный потенциал не только совершенствования моделей институционального взаимодействия, но и регионального развития вообще, поскольку гармонизированные программы и стратегии

пространственного планирования должны лежать в основе перехода от приграничного сотрудничества к трансграничной региональной интеграции.

Д. Зимин в главе «Нефтегазовая экспортная инфраструктура России: новые направления, новые акторы» рассуждает о том, как влияет развитие нефтегазовой промышленности на выстраивание энергетического диалога между национальными и субгосударственными властями России и Финляндии, а также на региональное развитие приграничных с Европейским союзом российских регионов. Как и у многих других авторов монографии, выводы Д. Зимина носят двойственный характер: с одной стороны, энергетическое партнерство России и ЕС является одним из основных направлений сотрудничества, с другой — России необходимо диверсифицировать экономику, иначе зависимость от энергетической составляющей может в будущем сыграть «злую шутку» как с национальной экономикой в целом, так и негативно отразиться на экономиках приграничных регионов, лишенных энергетической подпитки.

Две главы этой части монографии посвящены вопросам социально-политического характера. В одной из них («Запад и сотрудничество с Западом в поздне- и постсоветской этнической мобилизации в российской Карелии») И. Лииканен рассуждает о влиянии трансграничного сотрудничества на этническую и общественную мобилизацию в Республике Карелия. На основе изучения финноязычной карельской прессы автор отмечает, что сотрудничество с Финляндией представляло интерес для политической мобилизации с двух противоположных точек зрения. С одной стороны, региональные власти старались легитимировать собственный имидж как надежного партнера для международных контрагентов посредством продвижения парадипломатической деятельности. С другой стороны, риторику сотрудничества с приграничной Финляндией использовали (порой радикальные) этнические движения.

Ю. Лайне и А. Демидов в главе «Организации гражданского общества как движущая сила трансграничного взаимодействия: на чьих условиях и с какой целью?» исследуют паттерны трансграничного сотрудничества некоммерческих неправительственных организаций. Основной вывод авторов можно свести к утверждению о том, что российские некоммерческие организации все еще страдают от «советского наследия». Они, в отличие от их западных коллег, не могут воспринимать себя как создателей повестки дня трансграничного сотрудничества, ограничиваясь лишь ролью исполнителей тех планов, которые кто-то построил за них. Вместе с тем это не мешает организациям гражданского общества активно сотрудничать в интересах социального развития, особенно в тех регионах, где НКО смогли найти «общий язык» с региональными администрациями, например в Республике Карелия.

Третья часть книги называется «Северо-Запад России: арена для социокультурных изменений» и включает в себя четыре главы. Первая из них написана международным коллективом авторов — Д. Зиминым, Ю. Котилайненом и Е. Прохоровой — и озаглавлена «Приграничные моногорода: постсоветские изменения в Светогорске и Костомукше». Глава представляет собой сравнительный анализ двух схожих случаев — моногородов в непосредственном российско-финляндском приграничье, для которых падение железного занавеса открыло новые возможности в плане трансграничного сотрудничества, но и поставило перед новыми вызовами: отсутствие госзаказа, волатильность цен на рынках сырья, ограничения, налагаемые федеральным центром на приграничную зону и т. д. Прочитав главу, читатель может понять, насколько сложные маневры необходимо предпринимать локальным сообществам, расположенным на границе, чтобы лавировать между новыми возможностями и вызовами, предоставляемыми глобализацией. В этих условиях, по мнению авторов, социальные и экономические практики трансграничного сотрудничества, не являясь, однако, панацеей, способны благоприятно воздействовать на развитие приграничных моногородов.

Анализу изменений в еще одном приграничном карельском городе, Сортавале, посвящена статья А. Изотова «Репозиционирование приграничного города: Сортавала». Автор показывает, как Сортавала постепенно превращается из закрытого города на цивилизационной границе «Востока» и «Запада» [5] и идеологической границе коммунизма и капитализма в открытый «лимитрофный» город, составную часть «цивилизационного пролива» [2], и как в этом контексте меняется идентичность сортавальцев, размывая границы между «мы» и «они» и наполняя эту бинарную оппозицию новым содержанием.

Исследователь из Университета Тампере П. Юкарайнен посвящает свою главу «Неформальные изменения: молодежь Северо-Запада России между “вестернизацией” и советским наследием» изучению восприятия современной российской молодежью образовательной системы и рынка труда и тех возможностей, которые перед ней (молодежью) открываются в постсоветское время. Видимо, не случайно редакторы поставили эту главу в последнюю часть книги, поскольку она явно «выбивается» из общей логики. Пожалуй, общим моментом является только тот факт, что прикладное исследование было

проведено автором в приграничных городах Северо-Запада — Выборге, Петрозаводске и Светогорске. Основные выводы исследования, хоть и весьма интересные для исследователей российской молодежи и молодежной политики, никак не связаны с влиянием трансграничного сотрудничества на изменение ориентаций молодежи относительно их будущей сферы деятельности и жизненных перспектив вообще.

Заключительная глава книги, «Карелия: российско-финляндское приграничье на острие соседства», являющаяся своего рода заключением, написана совместными усилиями двух современных классиков региональных и трансграничных исследований — В. Колосовым и Д. Скоттом. Помещая Карелию — не как республику в составе Российской Федерации и не как восточную часть Финляндии, а как единое историческое и цивилизационное пространство — в центр своего анализа, авторы утверждают, что преодоление «исторически сложного контекста» отношений может способствовать созданию общей трансграничной идентичности, «регионности» («regionness», автор концепции Б. Хеттне [4]), если будет соблюден целый ряд важных условий. О каких условиях идет речь, читатель узнает, прочитав главу, а скорее — монографию в целом.

Возможно, я несколько субъективен в своих оценках, ведь большинство авторов монографии — мои давние коллеги и друзья. Я знаком с историей проектов, результаты которых легли в основу этого коллективного научного труда, со сложностями, их сопровождавшими, и с тем, как они преодолевались. И я не могу не отметить, что рецензируемая книга, как выдержанное вино, оставляет приятное послевкусие. Наверное, потому, что ни один из авторов не дает прямых и однозначных ответов на поставленные вопросы. Посвященная изучению различных аспектов трансграничного сотрудничества России и Финляндии, монография вовсе не идеализирует его, повсюду оставляет многоточия, заставляет не только наслаждаться написанным, но и задумываться над тем, какие несметные богатства таит в себе изучение приграничных региональных и местных сообществ и их взаимодействия. В общем, провоцирует на дальнейшие научные поиски.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ноженко М., Белокурова Е. Северо-Запад России : регион или регионы? СПб., 2010. 164 с.

2. Цымбурский В. Л. Остров Россия : геополитические и хронополитические работы, 1993—2006. М., 2007. 544 с.

3. Cronberg T., Shlyamin V. Euregio Karelia : A Model for Cooperation at the EU External Borders // Crossing the Borders in the Northern Dimension. Oulu : Regional Councils of Kainuu, Northern Karelia and Northern Ostrobothnia, 1999. С. 25—30.

4. Hettne B. The Europeanization of Europe : endogenous and exogenous dimensions // European Integration. 2002. Vol. 24. № 4. P. 325—340.

5. Huntington S. P. The clash of civilizations and the remaking of world order. N. Y. : Simon and Schuster, 1996. 367 p.

REFERENCES

1. Nozhenko M., Belokurova E. Severo-Zapad Rossii: region ili regiony? [The North-West of Russia: the region or regions?] St-Petersburg, Norma, 2010. 164 p.

2. Tsymburskiy V. L. Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty. 1993—2006. [Island Russia: Geopolitical and khronopolitical articles. 1993—2006] Moscow, Rosspen, 2007. 544 p.

3. CronbergT., Shlyamin V. “Euregio Karelia: A Model for Cooperation at the EU External Borders,” in Crossing the Borders in the Northern Dimension. Oulu: Regional Councils of Kainuu, Northern Karelia and Northern Ostrobothnia, 1999. P. 25—30. [2].

4. Hettne B. The Europeanization of Europe: endogenous and exogenous dimensions // European Integration. 2002. Vol. 24. № 4. P. 325—340.

5. Huntington S. P. The clash of civilizations and the remaking of world order. New York, Simon and Schuster, 1996. 367 p.

Review of the book The EU-Russia borderland: new contexts for regional cooperation / edited by H. Eskelinen, I. Liikanen, J. W. Scott. N. Y. : Routledge, 2013. 238 p.

YAROVOY Gleb

PhD in Political Sciences,
Associate Professor Department of Political Science and International Relations,
Petrozavodsk State University, Faculty of Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, gleb.yarovoy@mail.ru

Яровой Г. О. Еврорегион «Карелия» в европейской повестке дня // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 179–182.

научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

http://sthb.petrsu.ru/ **http://petrsu.ru**

Еврорегион «Карелия» в европейской повестке дня

ЯРОВОЙ Глеб Олегович

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
факультет политических и социальных наук,
Петрозаводск, gleb.yarovoy@mail.ru

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

19—20 ноября 2013 г. состоялся IV Международный форум «European Border Dialogues in a Wider Europe».

Отличительная особенность прошедшего форума — его фактическая, а не только тематическая «трансграничность»: мероприятия форума состоялись по разные стороны карельского участка российско-финляндской границы, она же граница России и Евросоюза.

Программа первого дня форума включал в себя работу трех экспертных групп в г. Сортавала, Россия: «Приграничное сотрудничество на региональном и местном уровнях», «Еврорегионы: извлекая уроки из опыта» и «Преодоление политических трудностей в приграничном сотрудничестве».

В приветственном слове участникам конференции г-н Петр Вагнер, исполнительный директор Института стабильности и развития (Прага, Чехия), основного организатора форума, огласил основополагающую для трансграничного сотрудничества дилемму: «Границы могут соединять, а могут разъединять». Участникам форума — политикам и исследователям — предлагалось выразить свою позицию относительно данного утверждения, и попытаться ответить на два основных вопроса:

1. Может ли опыт трансграничного сотрудничества, накопленный в рамках еврорегиона «Карелия» (и даже в более широком контексте — между Республикой Карелия и соседними регионами

Финляндии), быть использован в других регионах, на других европейских границах?

2. Возможно ли развитие трансграничного сотрудничества там, где есть «политические трудности» (т. е. в зоне так называемых замороженных региональных конфликтов)?

Ответить на эти вопросы в рамках двухдневного форума, конечно, невозможно. Однако одна из его главных задач совпала с базовой функцией трансграничного сотрудничества: обмен информацией между участниками трансграничных регионов, передача опыта и лучших практик, раскрытие «секретов успеха» трансграничных проектов.

В работе экспертных секций приняли участие представители нескольких еврорегионов — «Карелия», «Балтика», «Карпаты», «Днестр». Все представленные регионы имеют свои уникальные особенности. Так, еврорегион «Карпаты», созданный в 1993 г., был одним из первых трансграничных регионов с участием субгосударственных властей бывших республик СССР (Украина). Еврорегион «Балтика» стал первым трансграничным регионом, в котором российский регион (Калининградская область) объединился с регионами стран Европейского союза (Дания). Еврорегион «Днестр» (Молдова — Украина) является одним из самых молодых еврорегионов если не во всей Европе, то на восточноевропейском субконтиненте. Еврорегион «Карелия» в свое время стал первым «сухопутным» регионом на границе Евросоюза и России. Именно этот более чем десятилетний опыт еврорегионального взаимодействия, а также накопленный инструментарий трансграничного сотрудничества находился в фокусе обсуждения на большинстве заседаний Форума.

На протяжении последних десятилетий как исследователей, так и практиков занимает вопрос о потенциале трансграничного сотрудничества для разрешения конфликтных ситуаций в регионах со «сложной геополитической обстановкой». Даже в Западной Европе можно обнаружить те пограничные пространства, где наладить сотрудничество на уровне местных или региональных сообществ бывает весьма непросто. Причина проста: люди привыкли не доверять соседям, ждать подвоха и готовиться к войне. И несмотря на то что Европейский союз давно признан «сообществом безопасности», далекая историческая память не позволяет в полной мере использовать преимущества соседства, выраженные в процессах трансграничного сотрудничества. Такова, например, ситуация в приграничных районах Германии и Франции, Германии и Дании, Франции и Великобритании. Что уж говорить о таких сложных геополитических пространствах, как Балканы или постсоветская Европа.

Обходить такие вопросы на международных форумах означало бы, с одной стороны, замалчивать очевидные проблемы, а с другой — отказывать проблемным регионам в шансе на «нормализацию». Символично, что особой темой форума, проходившего на территории двух Карелий — российской и финляндской, стало обсуждение возможностей и ограничений влияния приграничного сотрудничества в тех регионах постсоветского пространства, где существуют так называемые замороженные конфликты — Нагорный Карабах и Приднестровье. В частности, представители еврорегиона «Днестр» (Украина — Молдова) передавали представителям Азербайджана и Армении свой опыт взаимодействия с властями Приднестровья и их вовлечения в процессы трансграничного диалога и сотрудничества.

Одной из основных рекомендаций участников форума в отношении ситуации в Нагорном Карабахе стало предложение инициировать наряду с поиском «переговорного пространства» на высоком политическом уровне такие проекты сотрудничества на низовом уровне, которые, с одной стороны, требовали бы участия людей, живущих по разные стороны границы, а с другой — были бы абсолютно конкретными, точечными и не касались бы политических вопросов. В теории международных отношений такой подход получил название «десекьюритизации».

Закончился рабочий день вручением премии «Приграничные диалоги» (Border Dialogues Award), присуждаемой за существенный вклад в развитие приграничного сотрудничества в регионе Европейской политики соседства. Одним из двух номинантов которой стал заместитель министра экономического развития Карелии, а в недалеком прошлом преподаватель кафедры международных отношений ПетрГУ Дмитрий Сергеевич Кислов.

Источник: http://www.isd-network.org/files/awards.jpg

Второй день форума в г. Йоэнсуу, Финляндия, носил более официальный характер. Среди выступающих в основном значились policy-makers разных рангов: представители министерств и ведомств России, Финляндии и Норвегии, региональные госслужащие и представители программ приграничного сотрудничества.

В самых разных выступлениях участников форума еврорегион «Карелия» назывался «модельным» трансграничным регионом для границы Россия — ЕС. В выступлениях В. А. Шлямина, экс-министра внешних связей Карелии, в настоящее время главы Торгового представительства России в Финляндии, В. Я. Чмиля, министра экономического развития Карелии, Д. С. Кислова, заместителя министра экономического развития Карелии, равно как и в докладах их финляндских коллег подчеркивались достижения и ноу-хау, которыми может «похвастаться» еврорегион: инновационная для своего времени программа «Наша общая граница», уникальный формат взаимодействия между Исполкомом еврорегиона и программой Европейского инструмента соседства и партнерства «Карелия», тематический подход к реализации совместных трансграничных проектов и др.

Вместе с тем, и это также отмечали докладчики, вопрос о возможностях и ограничениях копирования карельских еврорегиональных практик, применения этих ноу-хау в других трансграничных контекстах остается открытым. Равно как не снимается с повестки дня и необходимость развития институционального дизайна еврорегиона, использования положительного опыта других трансграничных регионов. Так, интересным и требующим изучения выглядит подход еврорегиона «Днестр», который был не только наделен его создателями статусом юридического лица (международной неправительственной организации), но и имеет свое официальное представительство в Брюсселе — политической и финансовой столице объединенной Европы.

Прозвучали на форуме (правда, не с высокой трибуны, а пока лишь в кулуарах) и идеи о необходимости включения в состав управляющих структур трансграничных регионов различных категорий «заинтересованных лиц» (то, что в европейской политической науке и практике управления называется stakeholders) — представителей бизнеса, неправительственного сектора, академических кругов. Подобные сетевые структуры уже доказали свою эффективность в Западной Европе; возможно, пришло время дальнейшей «европеизации» трансграничного сотрудничества на внешних границах Евросоюза.

Хочется надеяться, что данный форум способствовал не только обмену информацией между участниками трансграничного сотрудничества и осознанием общих проблем, но и пониманию того, что трансграничные регионы могут способствовать их эффективному решению.

Круг обсуждаемых вопросов был настолько широк, что уместить его в одном сообщении даже в назывном порядке не представляется возможным. Все, кто интересуется вопросами трансграничного сотрудничества, могут ознакомиться с более подробной информацией о форуме и его итогах, а также с презентациями докладов на интернет-сайте Института стабильности и развития (http://www.isd-network.org/).

Yarovoy G. Еврорегион «Карелия» в европейской повестке дня // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. P. 179–182.

Еврорегион «Карелия» в европейской повестке дня

YAROVOY Gleb

PhD in Political Sciences,
Associate Professor Department of Political Science and International Relations,
Faculty of Political and Social Sciences
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, gleb.yarovoy@mail.ru